
ГЛАВА I

НАЧАЛО И КОНЕЦ «СВЯЩЕННОГО ЕДИНЕНИЯ»

Французский бунт против мягкой и законной монархии принял характер более издевательский, яростный и оскорбительный, чем если бы народ выступал против узурпатора или самого кровавого тирана. Народ сопротивлялся уступкам. Его удары были направлены против протянутой руки, которая предлагала милость, пощаду и избавление.

Эдмунд Берк.
«Размышления о революции
во Франции»

1. «Вы в душе либеральны». Николай II на пути к «священному единению» (1894–1914 гг.)

Начало мировой войны было ознаменовано заключением символического союза между Николаем II и либеральной оппозицией, который вылился в «единение царя и его народа», аналогичное «священному единению», достигнутому тогда же в Англии и Франции. Формулу такого «единения» содержал царский манифест, объявивший о вступлении России в войну с Германией. «В грозный час испытания, — провозглашал манифест, — да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага». ¹ Никогда еще мысль о национальном примирении не звучала в последнее царствование столь искренно.

Заключение союза власти с оппозицией было вызвано не только начавшейся войной. Подразумевая наметившуюся с июля 1914 г. либерализацию правительственного курса, посол в Англии граф А.К.Бенкендорф писал своему брату, обер-гофмаршалу графу П.К.Бенкендорфу, что царь

пошел на нее «вследствие природной своей склонности». ² Таким образом, уже современники причиной возникновения «священного единения» власти и оппозиции называли стремление к этому Николая. Насколько, однако, верна подобная точка зрения?

Согласно историографическому стереотипу, царь являлся противником союза с либералами, поскольку имел консервативные взгляды. ³ Действительно, культивировавшийся им официальный ритуал подчас отличался ортодоксальной консервативностью. ⁴ Но для адекватного постижения политической индивидуальности любого персонажа важны не только его ритуалы, но и практики.

Традиционно считается, что практики Николая были также ортодоксально-консервативными, прежде всего потому, что он имел воззрения, унаследованные от отца, Александра III. Однако сходство между отцом и сыном являлось относительным. Николай «благоговел» перед памятью Александра III. ⁵ Вместе с тем, он говорил «с глубоким чувством» о деде, Александре II. С мировоззрением этого либерального монарха у Николая было «много общего». ⁶ Сравнивая царствование Александра III с царствованием сына, Л.А.Тихомиров отмечал: «Нельзя придумать ничего более противоположного!» Причину этого Л.А.Тихомиров видел в том, что в лице Николая на престоле появился «русский интеллигент» «либерального типа». ⁷ Тем не менее ортодоксально-консервативный ритуал сына провозглашал неразрывную преемственность между старым и новым царствованием. Однако политическая практика уже первых лет нового царствования противоречила его ритуалу, доказывая, что Николай возобновил осуществление либеральной политики деда. ⁸ Отмеченную двойственность обусловил консервативно-либеральный габитус Николая.

Специфику царского габитуса предопределило чисто западное воспитание, полученное Николаем под руководством англичанина К.О.Хиса и генерала Г.Г.Даниловича. ⁹ После завершения своего воспитания будущий монарх являлся человеком, насквозь проникнутым западной культурой. По причине рафинированности вестернизированной Николая октябристу барону А.Ф.Мейендорфу царская власть начала XX в. представлялась «наиболее европейским из русских учреждений, может быть — единственным европейским». ¹⁰ Вестернизированность Николая не противоречила его религиозности, отличавшейся нетрадиционностью.

Царь и его супруга Александра Федоровна были поклонниками западного оккультизма. ¹¹ Нетрадиционный дух религиозности императора выразился в посвящении Николая в мистическое масонство и общении монарха с его адептами — великим магистром Ордена мартинистов Папюсом и Филиппом. ¹² Перед смертью, последовавшей в 1905 г., Филипп предрек венценосцам, что у них появится «другой друг, который будет говорить с ними о Боге». Знакомство с Г.Е.Распутиным, состоявшееся также в 1905 г., они сочли за осуществление этого предсказания. ¹³ С точки зрения царя и царицы, их «второй друг» был не чем иным, как персонификацией русского варианта французского мартинизма.

Даже в области религиозных исканий царь являлся не славянофилом, а западником. Это было характерно еще более для его государственной

деятельности. В области политического ритуала Николай, вопреки своей вестернизированной, поддерживал иллюзию того, что он является вотчинником. В анкете переписи населения 1897 г. в графе о роде занятий царь написал: «Хозяин земли Русской». Процитированные слова историки обычно трактуют как доказательство преобладания в Николае вотчинных настроений. Но на практике либеральные компоненты царского габитуса заставляли Николая стремиться к избеганию подобных настроений. «Политика, — писал он королеве Виктории в октябре 1896 г., — это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями». ¹⁴

Как государственный деятель император являлся учеником выдающегося представителя бюрократического либерализма, председателя Комитета министров Н.Х.Бунге. ¹⁵ Лидеры консерваторов, обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев и дядя Николая, великий князь Сергей Александрович, особого влияния на молодого монарха не оказывали. ¹⁶ Наоборот, идейное влияние на Николая Н.Х.Бунге продолжалось и после его смерти. Это влияние стало причиной разработки царем собственного реформаторского проекта. ¹⁷

Основу реформаторского проекта Николая составило политическое завещание Н.Х.Бунге, содержавшее программу либеральных преобразований. В 1895 г. царь повелел раздать его печатные копии наиболее видным сановникам. Реформаторская политика монарха, вдохновляемая идеями Н.Х.Бунге, имела системный характер. Это показал указ 12 декабря 1904 г. и последующие реформы. Они были, по словам лидера октябристов А.И.Гучкова, «торжеством русского либерализма». ¹⁸ Внешне указ 12 декабря выглядел как ответ на требования оппозиции. В действительности он оказался торжеством не общественного, а правительственного либерализма, поскольку стал «полным осуществлением» завещания Н.Х.Бунге. ¹⁹ Кроме завещания источниками реформаторского проекта Николая были программы преобразований, которые по заказу царя разработали министры внутренних дел В.К.Плеве и князь П.Д.Святополк-Мирский и председатель Совета министров П.А.Столыпин. ²⁰

Как государственный деятель император являлся сторонником модернизации России. Он видел «задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны», т.е. в осуществлении либеральных реформ. Когда реформа представлялась императору назревшей, то к ее совершению «мы, — признавался он публично в конце 1904 г., — считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство существенных нововведений». ²¹ Таким образом, даже в области ритуала Николай расценивал самого себя как царя-реформатора. В то же время свой реформаторский стиль он сознательно противопоставлял аналогичному стилю Петра Великого. ²² Николай полагал, что модернизация должна проводиться не сразу, а постепенно и строго соотноситься с национальными и историческими особенностями России. ²³

Специфика консервативно-либерального габитуса Николая проявилась на примере его подхода к решению вопроса о конституционной реформе. Она привлекала самое пристальное внимание царя еще в 1890-е гг. В 1897 г.

он говорил князю П.Н.Трубецкому, что «вопрос о конституции» «ставил себе не раз» и «душой переболел над ним». ²⁴ Интерес императора к этому вопросу поддерживала его супруга. ²⁵

Николай готовил создание народного представительства задолго до 1905 г. и совершенно независимо от революционного или оппозиционного движения. Государственный контролер генерал П.Л.Лобко напомнил Николаю в июле 1905 г.: «Ваше величество еще задолго до рескрипта 18 февраля изволили высказывать, что мысль об обращении к народу для помощи правительству уже издавна составляет предмет Ваших забот». ²⁶

Император являлся противником не конституции, а такого понимания этого термина, которое ассоциировалось исключительно с парламентаризмом. Он подразумевает ограничение верховной власти не только в законодательстве, но и в управлении, когда монарх царствует, но не правит. Отрицательное отношение к парламентаризму Николай воспринял от Н.Х.Бунге. Намекая на отсутствие у идеи народовластия широкой популярности на Западе, он писал, что насчет парламентаризма «мнения в Европе в конце XIX в. изменились коренным образом». ²⁷ Именно против парламентаризма царь и выступил в январе 1895 г., назвав «бессмысленными мечтаниями» планы земцев-радикалов об их участии «в делах внутреннего управления». ²⁸ Будучи сторонником сотрудничества власти и оппозиции, Николай полагал, что лидерство в реформаторском процессе, т.е. участие в определении того, кому, когда и как осуществлять необходимые реформы, должно сохраняться за короной. ²⁹ В роли парламентарного монарха Николай бы этого лидерства лишился. Поэтому царь и дистанцировался от земцев-радикалов.

Нежелание Николая идти на создание парламента отнюдь не означало, что он являлся противником идеи народного представительства. ³⁰ Понимая необходимость реформирования российской государственности, Николай находил, однако, что конечной целью такого реформирования менее всего может быть водворение парламентаризма. В 1897 г. министр иностранных дел граф М.Н.Муравьев говорил князю Б. фон Бюлову, выражая мысли царя, что «нужны реформы, но чисто парламентская, радикальная система привела бы к анархии и разложению». Сам Николай говорил князю, что «можно допустить постепенное преобразование земства, но что действительная парламентская система будет означать гибель России». Причину невозможности введения парламентаризма Николай видел в политической незрелости российского общества. «В противоположность своей обычной манере выражаться, которая скорее отличалась изысканностью, — вспоминал об этом Б. фон Бюлов, — он процитировал здесь русскую поговорку: “Посади свинью за стол, она и ноги на стол”». ³¹

Другой причиной неосуществимости попыток установления парламентаризма было, по мнению царя, враждебное отношение к ним со стороны народных масс. Они, считал Николай, настроены более консервативно, чем интеллигенция и само правительство, а потому хотят лишь одного — сохранения неограниченной царской власти. Беседуя с князем П.Н.Трубецким в 1897 г., Николай заявил: «Я готов поделиться с народом властью, но я сделать этого не могу, так как не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом как насилие интеллиген-

ции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества». ³² Во избежание народного сопротивления модернизации Николай в области ритуала был вынужден играть роль консерватора. Но на практике он вел себя как умеренный либерал, поскольку содействовал постепенному созданию народного представительства.

В 1898 г., по совету главного управляющего канцелярией по принятию прошений Д.С.Сипягина, Николай собирался издать особый манифест, который призвал бы население «писать проекты и направлять их в канцелярию». ³³ Инициатива царя натолкнулась на сопротивление его министров. В 1898–1899 гг. Николай и либеральный общественный деятель А.А.Клопов обсуждали возможность образования «особого, независимо Комитета при императоре». Тогда же они хотели создать «небольшой кружок из постоянных сотрудников и местных деятелей». ³⁴

В 1900 г., через друга царской семьи П.В.Жуковского, Николай повелел товарищу министра финансов В.И.Ковалевскому составить указ «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов для обсуждения современного политического и экономического положения в России». ³⁵ Это начинание царя не воплотилось только потому, что его внимание было отвлечено «боксерским восстанием» в Китае. Тем не менее в феврале 1901 г., с одобрения Николая, в учреждение Государственного совета внесли статью «об образовании в Совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений». ³⁶ Добавление новой статьи было воплощено в идеи, которые содержала так называемая «конституция» графа М.Т.Лорис-Меликова. В конце 1901 — начале 1902 г., в дополнение к этому, появился проект реформы Комитета министров. Реформа предусматривала соединение комитета с Государственным советом. ³⁷

В 1902 г. царь обсуждал с В.К.Плеве план создания народного представительства в виде Государственной думы. ³⁸ В начале 1903 г. оппозиционный публицист Н.А.Демчинский представил Николаю записку, в которой доказывал «необходимость привлечения общественного мнения к решению важнейших государственных вопросов». Н.А.Демчинский указал императору «на ошибку Александра III, совершенно пренебрегавшего общественным мнением, вследствие чего Россия, по пути прогресса, сделала несколько шагов назад». Царь остался «чрезвычайно доволен» докладом Н.А.Демчинского и «в самых лестных выражениях выразил ему благодарность». ³⁹ Опытном обращении Николая к поддержке общества явился манифест 26 февраля 1903 г. Выступая за сотрудничество с оппозицией при проведении реформ, царь не хотел отказываться от сохранения за собой лидерства в реформаторском процессе. ⁴⁰

Преемник В.К.Плеве, князь П.Д.Святополк-Мирский, начал с того же, что и его предшественник. Намеченное князем введение в Государственный совет выборных представителей общественности «совпадало с первоначальными предположениями» В.К.Плеве. ⁴¹ Намерения князя совпадали и с намерениями царя. ⁴²

Не желая выглядеть исполнителем воли оппозиции, Николай вычеркнул из первоначального текста указа 12 декабря 1904 г. пункт о пополне-

нии Государственного совета выборными членами. Это не означало, что царь отказался от создания в ближайшем будущем народного представительства. Самодержец являлся противником не представительства, а парламента. Подразумеваемая именно парламентаризм, император заявил Сергею Александровичу и председателю Комитета министров С.Ю.Витте, вычеркивая пресловутый пункт: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа».⁴³

Решение Николая создать народное представительство было бесповоротным. Однако вначале он хотел пойти на это по окончании русско-японской войны.⁴⁴ Впрочем, уже осенью 1904 г., втайне от П.Д.Святополк-Мирского и С.Ю.Витте, Николай поручил главноуправляющему канцелярией по принятию прошений барону А.А.Будбергу взяться за составление проекта манифеста, в котором «высказано было бы намерение созвать народных представителей». А.А.Будберг «имел в виду представить такой проект государю для опубликования на Пасхе»,⁴⁵ т.е. 17 апреля 1905 г. Александра Федоровна сообщила графу А.А.Бобринскому 28 января 1905 г., что ее супруг «решился объявить о предстоящем созыве» представительного органа.⁴⁶

Свое решение созвать народное представительство царь объявил на два месяца раньше, не 17 апреля, а 18 февраля. В этот день появился царский рескрипт министру внутренних дел А.Г.Бульгину, сообщивший о готовности Николая создать выборное учреждение для разработки и обсуждения «законодательных предположений».⁴⁷

Царь, однако, не собирался способствовать установлению парламентаризма. На заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. он выступил против «парламентарных форм».⁴⁸ Народное представительство, по мысли Николая, должно было функционировать не как парламент, а как орган дуалистической системы. При этой системе полномочия монарха (де-факто или де-юре) ограничены только в законодательстве.

Единомышльником Николая являлся Вильгельм II, находившийся во главе классической дуалистической монархии. Он выступил за то, чтобы «исполнительная власть» находилась «в руках самодержавного царя, а не в руках руководящего министра с целым штатом беспомощных сотоварищей».⁴⁹ Решившись на создание представительства, Николай занимал центристскую позицию. Он игнорировал рекомендации и правых, и левых.⁵⁰

Создавая представительство, Николай сохранял инициативу в этом вопросе за собой. Во время состоявшейся 6 июня встречи царя с лидерами оппозиции Николай заявил: «Моя воля, воля царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом». В то же время, разыгрывая роль консерватора, Николай заявил о преемственности между земскими соборами и будущим народным представительством: «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам».⁵¹ На самом деле народное представительство вписывалось не только в отечественную, но и в западноевропейскую традицию. Непублично это призна-

вал сам император. На особом журнале Совета министров, содержавшем утверждение о том, что манифестом 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Думы «русская жизнь восприняла характерные черты западно-европейского общественного строя», Николай написал 24 августа 1906 г.: «Вполне одобряю».⁵²

Манифест 6 августа означал фактическое введение конституционно-дуалистической системы германского типа.⁵³ Устанавливая эту систему, Николай действовал, учитывая не требования оппозиционеров и революционеров, а собственные консервативно-либеральные взгляды. Мнение о том, что создание Думы — «признак боязни и уступки только перед лицом опасности», полагал В.О.Ключевский в конце июля 1905 г., «едва ли соответствует действительности».⁵⁴ В Думе Николай видел не временную уступку, а средство дальнейшего реформирования России. Царь надеялся, что «лояльность и рассудительность» народа «будут значительно способствовать развитию России с помощью этого совещательного органа».⁵⁵

Либеральные компоненты габитуса Николая делали для него неприемлемой какую-либо реакционную политику. «Реакция, в сущности, возможна, — записал Л.А.Тихомиров в августе 1905 г., — но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет».⁵⁶ Именно поэтому Николай выступил инициатором манифеста 17 октября 1905 г. Он провозгласил юридическое ограничение царской власти в законодательстве и даровал политические свободы.⁵⁷ Манифест учредил конституционно-дуалистическую систему не только фактически, но и формально. В качестве ее приверженца, т.е. дуалиста, Николай заявил 1 декабря 1905 г. депутации правых организаций, что манифест «есть полное и убежденное выражение» его «непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению».⁵⁸ Таким образом, Николай дистанцировался от правых.

Дистанцированию царя от черносотенцев содействовали взгляды Николая на реформированное самодержавие. Имея четкие представления об абсолютизме, парламентаризме и дуализме, царь «отлично понимал различие его самодержавия до 1905 г. и после этого года».⁵⁹ При состоявшемся 16 февраля 1906 г. представлении Николаю депутации «Самодержавно-монархической партии» он заявил, что «его самодержавие» «останется таким, каким оно было встарь».⁶⁰ Однако под «самодержавием» Николай понимал порядок, во главе которого стоит не неограниченный монарх, а монарх, «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси».⁶¹ Неограниченность самодержавия Николай признавал, но не вообще, а только в управлении. Тем самым он признавал ограничение своей власти в законодательстве.⁶²

Публично провозглашая преемственность между Московской Русью и думской монархией, царь, на самом деле, считал последнюю фактором вестернизации. На особом журнале Совета министров, в котором говорилось о том, что манифестом 17 октября Россия направлена «по стезе государственного развития западноевропейских народов», Николай 12 марта 1907 г. наложил резолюцию: «Согласен».⁶³

Дистанцируясь от черносотенцев, император, однако, не питал иллюзий относительно способности народного представительства быстро впи-

саться в политическую систему старого порядка.⁶⁴ Поводы для этого давали оппозиционеры и революционеры. Они требовали еще более радикальных уступок, и прежде всего — парламентаризма и всеобщего избирательного права. В соответствии со своим консервативно-либеральным габитусом Николай дистанцировался и от левых.⁶⁵ Примечательно, что в данном случае союзником императора был апостол консервативного либерализма Б.Н.Чичерин.⁶⁶ Консервативные компоненты царского габитуса не подавляли либеральные компоненты. В начале 1906 г., при приеме представителей «Союза 17 октября», С.Ю.Витте заявил: «Клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные манифестом 17 октября».⁶⁷ В феврале 1906 г. царь объявил черносотенцам, что реформы, возведенные манифестом 17 октября, «будут осуществлены неизменно», права же, данные «одинаково всему населению, неотъемлемы».⁶⁸

Обещания, содержащиеся в манифесте, Николай выполнял не так, как хотелось бы оппозиции. Но причиной поведения царя была не его реакционность, а неспособность оппозиционеров порвать отношения с революционерами.⁶⁹ Это показала I Дума, чье радикально-либеральное большинство выступило за введение парламентаризма, т.е. государственный переворот, и за принудительное отчуждение помещичьего землевладения, т.е. за нарушение принципа неприкосновенности частной собственности. Между тем Николай, в соответствии со своим консервативно-либеральным габитусом, являлся противником этого.⁷⁰ Роспуск Думы оказался неизбежным. Император и бюрократы расценивали его не как шаг назад, а как единственное, с их точки зрения, средство для укрепления нового порядка.⁷¹

В июле 1906 г. царь и глава кабинета П.А.Столыпин были сторонниками компромисса с оппозицией, который бы не противоречил Основным законам. «Мне известно о пущенном слухе, — писал Николай П.А.Столыпину 25 июля 1906 г., подразумевая назначение министрами общественных деятелей, — будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления целой группы лиц с какой-то программой».⁷² Будучи противником парламентаризма, Николай не чуждался допущения его элементов в политическую практику дуалистической системы. Вину за неудачу попытки привлечения к власти общественных деятелей С.Ю.Витте возлагал на кадетов.⁷³

Расхождению Николая с оппозиционерами способствовало введение в августе 1906 г. военно-полевых судов.⁷⁴ Однако параллельно с их действием П.А.Столыпин, выполняя царскую волю, начал осуществление программы либеральных реформ, опубликованной тогда же. Консервативно-либеральные взгляды царя делали для него неприемлемыми политические идеалы черносотенцев. Эти идеалы Николай воспринимал с иронией. В январе 1907 г. на вопрос государственного контролера П.Х.Шванебаха: «Что может быть в действительности сегодня Земский собор?» император ответил: «Собрание бояр в пиджаках».⁷⁵ Дистанцируясь от черносотенцев, Николай занимал центристскую позицию. На следующий день после открытия II Думы, 21 февраля 1907 г., он дал аудиенцию ее председателю, кадету Ф.А.Головину. Хотя результаты выборов

говорили о том, что сотрудничество правительства и нижней палаты, скорее всего, не состоится, беседуя с Ф.А.Головиным, император интересовался возможностью образования в Думе «работоспособного центра». В конце аудиенции Николай заявил, что «Дума должна дружно работать с правительством, что того настоятельно требуют интересы государства».⁷⁶ Радикально-либеральное большинство II Думы выступило, как и большинство I Думы, за государственный переворот и нарушение принципа неприкосновенности частной собственности.

Стремление к государственному перевороту оппозиционеров и революционеров подвигнуло царя к решению распустить нижнюю палату и изменить выборный закон без ее участия. Это решение не означало того, что Николай разочаровался в конституции.⁷⁷ Целью изменения избирательного закона было, с точки зрения Николая, не восстановление абсолютизма, а создание работоспособного законодательного органа. Во время состоявшейся 17 мая встречи с Ф.А.Головиным император указал на то, что «Дума по своему составу неработоспособна», что «левое ее крыло заражено антигосударственными идеями» и что «такой состав Думы есть следствие неудачного избирательного закона». Для того чтобы нижняя палата стала работоспособной, «надо, — полагал Николай, — изменить этот закон».⁷⁸

Последовавшие 3 июня 1907 г. роспуск II Думы и изменение избирательного закона царь не считал нарушением Основных законов.⁷⁹ Его единомышленником явился П.А.Столыпин. Опровергая мнение о том, что издание нового избирательного закона — это нарушение конституции, П.А.Столыпин делал ссылку на «учредительную власть государя» и на то, что Основные законы «не подкреплены» его присягой.⁸⁰ Точка зрения царя и премьера базировалась на государственно-правовой доктрине либерального мыслителя Б.Констана. Согласно этой доктрине, наряду с тремя властями (законодательной, исполнительной и судебной), существует еще одна власть — учредительная, отвечающая за создание основных законов. В контексте доктрины Б.Констана изменение без Думы избирательного закона, отнесенного к разряду основных законов, де-факто значило восстановление неограниченности полномочий монарха в области учредительной власти и сохранение их ограничения в законодательстве.

Черносотенцы считали, что после третьеиюньского переворота самодержавие восстановило свою неограниченность полностью. В отличие от них Николай признавал и в дальнейшем ограничение своей власти в законодательстве.⁸¹ Поэтом третьеиюньский переворот консервативные либералы расценили как средство укрепления конституционной монархии.⁸² Как и они, царь являлся противником эволюционирования режима дуалистической монархии, оформленного Основными законами, в сторону парламентаризма. Николай начертил на обращении к нему правых депутатов: «Верю, что созданная мною Дума обратится на путь труда, и в строгом подчинении установленным мною Основным законам оправдает мои надежды».⁸³ В отстаивании дуалистической системы от попыток замены ее парламентаризмом император находил поддержку у П.А.Столыпина.⁸⁴

Приверженность императора и премьера дуалистической системе привела к их расхождению с лидером октябристов А.И.Гучковым. Оно зая-

вило о себе сначала в 1909 г., по вопросу о штатах морского генерального штаба, а затем — в 1911 г., по поводу законопроекта о земстве в Юго-Западном крае. Противниками этого законопроекта были члены Государственного совета из числа кадетов и октябристов. Тем не менее традиционно причиной кризиса 1911 г. считается интрига правых членов верхней палаты против П.А.Столыпина, поддержанная, якобы, царем. Однако мнение о том, что Николай «делал все, что в его силах, чтобы повредить Столыпину», сестра царя квалифицировала как «подлую ложь». ⁸⁵ Поводы для подобного мнения возникли потому, что накануне обсуждения законопроекта верхней палатой Николай встречался с ее председателем М.Г.Акимовым и лидером правых В.Ф.Треповым. Но царь «определенно дал понять» этим сановникам, что «очень дорожит прохождением законопроекта». ⁸⁶ М.Г.Акимов передал членам Государственного совета высочайшее повеление «голосовать за законопроект». ⁸⁷

В.Ф.Трепов и его единомышленники поступили иначе. Они пошли на тактическое сближение с левыми. В Государственном совете по поводу организации провала законопроекта наблюдалось «товарищеское общение многих правых с членами оппозиции». ⁸⁸ Следовательно, события начала 1911 г. необходимо трактовать как антистольпинскую акцию, но только не правых, а левых, которых поддержали некоторые правые. Целью оппозиции было ограничение царской власти в управлении. Поэтому правые сановники, действовавшие вместе с оппозиционерами, олицетворяли для П.А.Столыпина направление, «сознательно или бессознательно склоняющееся к парламентаризму и преуменьшению прав монарха». ⁸⁹ Поведение правых, действовавших совместно с левыми, вызвало «резкую реакцию» у Николая. ⁹⁰ Царь недвусмысленно поддержал П.А.Столыпина. После кризиса положение премьера при дворе по-прежнему было прочным. ⁹¹ Если бы не гибель П.А.Столыпина в сентябре 1911 г., то он имел бы большие шансы для продолжения своей деятельности на посту премьера.

Преемник П.А.Столыпина В.Н.Коковцов, исполняя царскую волю, стремился к соглашению с Думой на почве аполитичного централизма. ⁹² Занимая центристскую позицию, Николай дистанцировался от черносотенцев и не испытывал какого-либо предубеждения даже к левым. В ноябре 1912 г. председатель IV Думы М.В.Родзянко, подготавливая представление депутатов императору, поинтересовался у министра двора барона В.Б.Фредерикса, «пожелает ли государь принять кадет». В.Б.Фредерикс ответил, что «государь примет всех, кто захочет явиться, даже социалистов». Многие кадеты, в том числе и П.Н.Милюков, на приглашение не откликнулись. Однако во время приема царь оказался «холоднее, чем с другими», не с левыми, а с правыми. ⁹³ Ради соглашения с левыми Николай дистанцировался от правых и в дальнейшем. В феврале 1913 г., при праздновании 300-летия царствования Романовых, по инициативе монарха, вопреки просьбам черносотенцев, «предпочтение той или иной политической группе считалось недопустимым». ⁹⁴ Более того, Николай разрешил произнести во время празднования речь одному М.В.Родзянко. ⁹⁵

Несмотря на демонстративно примирительное отношение Николая к оппозиции, она не шла на заключение компромисса с правительством.

Ярче всего непримиримость оппозиции проявилась, как это ни парадоксально, в мае 1913 г., после выступления лидера черносотенцев Н.Е.Маркова 2-го. Он обвинил премьера в покушении на казенный сундук, заявив по его адресу: «Красть нельзя». Несмотря на то, что Н.Е.Марков не пользовался симпатиями большинства Думы, она, прежде всего — в лице М.В.Родзянко, отказалась извиниться перед В.Н.Коковцовым за выходку своего депутата. Как бы в насмешку над всеми мыслимыми политическими конstellациями нижняя палата поддержала не либерального премьера, а черносотенного думца. После отказа нижней палаты протестующие министры перестали посещать ее заседания. Казалось, что в своей оппозиционности IV Дума превзошла две первые. Оппозиционность нижней палаты грозила затормозить законодательную деятельность, а потому царь остановился на мысли о превращении Думы в законосовещательную. К этому царя призывали крайне правые. Но Николай не согласился с ними. Расхождению царя с черносотенцами способствовал консервативно-либеральный габитус Николая, детерминировавший его приверженность именно дуалистической системе. Н.Е.Марков констатировал, что царь постоянно требовал от лидеров черносотенного движения «признания законодательных прав Государственной думы». ⁹⁶

После переговоров с министром юстиции И.Г.Щегловитовым Н.Е.Марков принес В.Н.Коковцову свои извинения на заседании Думы 1 ноября 1913 г. Инцидент между нижней палатой и правительством оказался исчерпанным. Рассмотрение Николаем вопроса о понижении статуса Думы было вызвано рецидивом ее оппозиционности, а не враждебностью царя идее законодательных учреждений. Как только менялось отношение Думы к правительству, менялось и отношение монарха к Думе. Состоявшаяся в декабре аудиенция М.В.Родзянко у Николая выявила с его стороны «вполне благожелательное отношение» к нижней палате. Царь указал на «нежелательность дальнейшей задержки в осуществлении реформ». По признанию М.В.Родзянко, «таким милостивым приемом» он удостоился «впервые». ⁹⁷

Консервативно-либеральный габитус Николая подталкивал императора к поиску компромисса с оппозицией. Попыткой такого компромисса был «новый курс». Его провозглашение сопровождала замена В.Н.Коковцова И.Л.Горемыкиным. ⁹⁸ Условия соглашения с оппозицией, базирующегося на Основных законах, Николай выдвинул в рескрипте, данном И.Л.Горемыкину 6 марта 1914 г. ⁹⁹ На практике Николай был готов идти намного дальше. Предвоенная сессия Думы ознаменовалась «небывало высокомилоостивым» отношением к ней со стороны царя. ¹⁰⁰ Когда законопроект о введении городского самоуправления в Польше поступил в Государственный совет, И.Л.Горемыкин «открыто намекал» в его кулуарах, что «монарх стоит на стороне Думы». ¹⁰¹

Во время состоявшейся 10 апреля 1914 г. встречи с А.А.Клоповым, ¹⁰² выразителем пожеланий оппозиции, Николай, намекая на предстоящую либерализацию правительственного курса, заявил: «Подождите, будут большие перемены». ¹⁰³ Под переменами Николай подразумевал согласование своей кадровой политики с Думой, т.е. допущение в практику дуалисти-

ческой системы элементов парламентаризма. В мае фактический премьер и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В.Кривошеин представил императору записку. В ней доказывалась необходимость увольнения неугодных Думе министров: народного просвещения — Л.А.Кассо, внутренних дел — Н.А.Маклакова и юстиции — И.Г.Щегловитова.¹⁰⁴ Записка получила одобрение царя, и запланированные кадровые перемены должны были состояться осенью 1914 г.

Примирительная политика Николая по отношению к оппозиции противоречила политической программе, за проведение которой выступали черносотенцы. Принципиальные разногласия разделяли монарха и крайние правых не только по вопросу о полномочиях Думы, но и по еврейскому вопросу. Национализм Николая, по сравнению с Александром III, не имел «крайнего, почти монолитного характера». Сын был «гораздо тоньше и культурнее отца».¹⁰⁵ Поэтому, в отличие от черносотенцев, император не являлся принципиальным антисемитом. В октябре 1915 г. он признался министру финансов П.Л.Барку, что «никакой неприязни к евреям не питает, смотрит на них так же, как и на всех других своих подданных».¹⁰⁶ В том же году Г.Е.Распутин сообщил своему секретарю А.С.Симановичу, что, «в общем, царь уж совсем не так враждебно относится к евреям, как это принято думать».¹⁰⁷ Не будучи антисемитом, император являлся противником еврейского неравноправия. Характеризуя Николая, английский журналист Д.Маккензи-Уоллес писал в 1911 г.: «Сочувствуя стремлениям своего отца — созданию из святой Руси однородной империи — он не одобрял основывавшихся на этом репрессивных мер против евреев».¹⁰⁸ В неприятии антиеврейских законов Николай был учеником Н.Х.Бунге, который полагал, что все ограничения евреев «требуют пересмотра».¹⁰⁹ В конечном итоге, царь являлся сторонником еврейского равноправия. Когда в октябре 1905 г. министр народного просвещения граф И.И.Толстой выдвинул перед Николаем аргументы в пользу этого, то он заметил: «Теоретически вы, я думаю, правы, но с практической точки зрения придется поработать над этим вопросом. Я не против равноправности евреев, но при решении вопроса необходимо оградить интересы русских людей».¹¹⁰ В январе 1917 г. Николай говорил иркутскому генерал-губернатору А.И.Пильцу: «Против почти полного равноправия евреев я лично ничего не имею».¹¹¹ Почему же царь не шел на немедленное дарование еврейского равноправия?

Николай верил в существование массового антисемитизма. По мнению монарха, немедленное дарование равноправия могло вызвать «негодование в некоторой части русского общества».¹¹² Царь опасался спровоцировать излишне либеральным курсом сопротивление ему со стороны народных масс. Именно поэтому Николай выступал за постепенное, а не немедленное проведение равноправия. Следовательно, политика царя в еврейском вопросе имела консервативно-либеральный характер. Это стало очевидным уже в начале правления Николая, когда он отказался от политики, проводившейся по отношению к евреям его отцом. «Со вступлением на престол императора Николая II, — вспоминал С.Ю.Витте, — последовало другое направление. Началось медленное и постепенное уничтожение сделанных ограничений».¹¹³

В ноябре 1897 г. И.Л.Горемыкин сообщил А.С.Суворину, что царь «желает веротерпимости».¹¹⁴ Сам император объявил об этом в манифесте 26 февраля 1903 г.¹¹⁵ Неудивительно, что по поводу произошедшего в апреле 1903 г. кишиневского погрома Николай выразил герцогу Эрнсту Гессен-Дармштадтскому свое «неудовольствие».¹¹⁶ Царь не только не сочувствовал погромщикам, но и содействовал постепенному проведению еврейского равноправия.¹¹⁷ Меры, нацеленные на облегчение жизни простых евреев, император утверждал сознательно. В октябре 1903 г. Николай говорил одесскому градоначальнику Д.Б.Нейдгарту, что он «против еврейских тузов, но не против еврейских масс; что, напротив того, он готов оказать доверие массе».¹¹⁸

Новые импульсы постепенному проведению еврейского равноправия дали указ 12 декабря 1904 г.¹¹⁹ и манифест 17 октября 1905 г.¹²⁰ После образования черносотенных организаций царь неоднократно и публично осуждал их погромную тактику.¹²¹ Местной администрации он постоянно приказывал не допускать погромов.¹²² Дистанцирование монарха от черносотенцев объяснялось его принципиальным согласием с идеей еврейского равноправия. Приверженность этой идее Николай доказал во время подготовки Основных законов 1906 г. Царь отказался от введения в них правовых ограничений евреев, что предлагал проект Основных законов, составленный начальником императорской военно-походной канцелярии графом А.Ф.Гейденом.¹²³

Содействуя постепенному проведению еврейского равноправия, его немедленное дарование Николай находил, однако, преждевременным. «Еврейский вопрос, — написал он на мемории Совета министров 20 января 1906 г., — должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным».¹²⁴ Немедленное дарование еврейского равноправия Николай расценивал как акцию, способную привести к усилению социальной нестабильности и пагубно отразиться на евреях, поскольку народные массы, считал император, настроены антисемитски. В июне 1906 г. он говорил А.И.Гучкову, что меры по расширению прав евреев «могут вызвать сильное противодействие» и «повести к громадному всероссийскому погрому».¹²⁵ Разделяя такие взгляды, Николай отказался от предложенной П.А.Столыпиным немедленной отмены некоторых еврейских ограничений. На особом журнале Совета министров император написал 15 декабря 1906 г.: «Внести на рассмотрение Государственной думы».¹²⁶ Полное решение еврейского вопроса царь возложил на народных представителей. В то же время он оставался сторонником отмены отдельных антиеврейских законов.¹²⁷ Как и ранее, Николай содействовал постепенному проведению еврейского равноправия.¹²⁸

Подобно вопросу об отношении к Думе, еврейский вопрос не мог явиться точкой соприкосновения царя и черносотенцев. Консервативно-либеральный габитус Николая делал неизбежным расхождение между ним и ортодоксальными консерваторами. Почему же мнение о близости между царем и черносотенцами стало таким распространенным? Основная причина этого — ортодоксально-консервативные ритуалы Николая, вводящие в заблуждение современников и исследователей.

Ортодоксально-консервативные ритуалы царя скрывали за собой консервативно-либеральные практики.

Созданию превратного впечатления о политической индивидуальности Николая способствовала его крайняя скрытность. Подлинные политические взгляды монарха были тайной даже для представителей бюрократической элиты, причем не только в первые годы царствования Николая, но и позже.¹²⁹

Дистанцирование царя от партий также способствовало созданию неверного представления о политической индивидуальности Николая. Будучи сторонником либеральных реформ, он, однако, не хотел казаться либералом. «Отчего могли думать, что я буду либералом? — говорил Николай П.Д.Святополк-Мирскому в ноябре 1904 г. — Я терпеть не могу этого слова». Тем не менее, когда П.Д.Святополк-Мирский заметил, что «вы в душе либеральны», Николай «ничего определенного не ответил», т.е. молчаливо согласился с собеседником.¹³⁰ Отказ Николая от самоидентификации с какой-либо партией детерминировался мнением императора о том, что сутью царской власти является политическая нейтральность.¹³¹

Консервативно-либеральный габитус Николая заставлял его дистанцироваться не только от ортодоксального либерализма, но и от ортодоксального консерватизма. Николай считал себя левее консерваторов. «Вы знаете, что я запретил Грингмуту хвалить меня? — в мае 1901 г. поинтересовался царь у начальника главного управления по делам печати князя Н.В.Шаховского. — Он большой роялист, чем король, и большой католик, чем сам папа римский».¹³²

Беспартийности Николая не противоречило то, что 23 декабря 1905 г. он принял от А.И.Дубровина, лидера «Союза русского народа», его значок. Этот акт имел исключительно ритуальное значение.¹³³ Если бы свой значок императору преподнесла какая-либо либеральная партия, то он бы его тоже принял. Но вопрос об этом либералы никогда не поднимали. К осени 1907 г. крайне правые лишились у Николая всякого авторитета.¹³⁴ Получая от манифестаций черносотенцев доказательства лояльности простого народа, царь игнорировал их политические рекомендации.

Отсутствие близости между Николаем и черносотенцами доказывается личным составом придворного штата. В 1905–1907 гг. царь исключил из него общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к нелегальной кадетской партии.¹³⁵ В то же время в течение 1906–1917 гг. придворные, которые были лидерами легальных либеральных партий, т.е. прогрессисты,¹³⁶ октябристы¹³⁷ и националисты,¹³⁸ составляли заметную прослойку, особенно по сравнению с придворными, являвшимися руководителями «Союза русского народа».¹³⁹ Последние составляли ничтожное меньшинство. Отсутствие близости между Николаем и черносотенцами доказывается и тем, что царь и царица не оказывали поддержки своими личными средствами черносотенным изданиям и организациям.¹⁴⁰ Первоначально сочувствием Николая пользовались октябристы.¹⁴¹ Затем, из-за левения их лидера А.И.Гучкова, предпочтениями царя стали пользоваться умеренно-правые.¹⁴² Лидер умеренно-правых П.Н.Балашев был «консервативно-либерального направления».¹⁴³ В конце марта 1911 г., с

подачи П.А.Столыпина, царь уверился в том, что «все, что правее Нейдгарта, — революционеры».¹⁴⁴ Лидер группы правого центра Государственного совета А.Б.Нейдгарт являлся единомышленником П.Н.Балашева. Несомненные симпатии Николая к умеренно-правым доказывали консервативно-либеральный характер его габитуса. В конкретном контексте политического спектра России начала XX в. царь являлся центристом. «Россия, — писал уже в эмиграции А.Ф.Мейендорф, — была страной причудливых мечтаний, в которой императорская власть была наименее эксцентричным центром».¹⁴⁵

Искажению представлений о политической индивидуальности царя способствовала политическая борьба, в пылу которой оппоненты Николая были склонны преувеличивать его консервативность и влияние на монарха крайне правых.¹⁴⁶ Наконец, из-за своего статуса царь являлся самым консервативным либералом Российской империи, и одно это приводило к аберрации зрения любого, даже наиболее умеренного оппозиционера. Но либеральные компоненты царского габитуса в июле 1914 г. сделали неизбежным выбор Николая в пользу «священного единения» с оппозицией.

2. «Распространить контроль Думы». Фактическое премьерство А.В.Кривошеина (июль 1914 — июль 1915 г.)

С началом войны альфой и омегой внутренней политики Николая II и правительства И.Л.Горемыкина стало поддержание «единения царя и народа».¹⁴⁷ Идею «священного единения» воплотила чрезвычайная сессия законодательных учреждений, состоявшаяся 26 июля 1914 г. Однодневную сессию премьер наметил по совету лидера фракции националистов П.Н.Балашева.¹⁴⁸ Созыв палат император публично объяснил своим желанием «быть в полном единении с народом».¹⁴⁹ Правительство пошло навстречу Думе не только в этом вопросе, но и относительно срока ее последующего созыва.

Министр внутренних дел Н.А.Маклаков предлагал не созывать нижнюю палату до осени 1915 г. Однако среди думцев обнаружилось единодушное желание перенести срок будущего созыва на более близкое время. О необходимости этого лидеры фракций сообщили фактическому премьеру, главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В.Кривошеину. Он согласился, что «для поддержания создавшегося настроения» необходимо приблизить срок созыва.¹⁵⁰ Свою точку зрения А.В.Кривошеин доложил Совету министров. После обсуждения поднятого главноуправляющим вопроса правительство единогласно решило, что «к удовлетворению заявленного Думою пожелания препятствий не усматривалось бы». Поэтому срок ее будущего созыва министры отнесли ко времени «не позднее 1 февраля 1915 г.».¹⁵¹

Мнение Совета министров император утвердил 26 июля. В этот день, перед открытием чрезвычайной сессии законодательных учреждений, Николай принял депутатов в Зимнем дворце, выступив перед ними с благожелательной речью.¹⁵² На заседании палат «единение царя и народа»

нашло свое выражение в полной поддержке кабинета И.Л.Горемыкина подавляющим большинством Думы. Впервые со времени существования нижней палаты Совет министров получил вотум доверия всех ее фракций, за исключением социал-демократов.

Изменение отношения к правительству со стороны Думы, ранее находившейся в почти перманентной оппозиции, вызвало изменение отношения к нижней палате со стороны Николая.¹⁵³ Дума реабилитировала себя в глазах императора. Это, в свою очередь, обусловило координирование деятельности правительства с пожеланиями оппозиции. С началом войны Николаю «казалось необходимым, чтобы его правительство работало в полном согласии с Думой».¹⁵⁴

Пожелания оппозиции представил от имени левого крыла Думы ее председателю М.В.Родзянко лидер фракции трудовиков А.Ф.Керенский. Его программа содержала такие пункты, как политическая амнистия, восстановление конституции Финляндии, создание автономной Польши, культурная автономия национальных меньшинств, еврейское равноправие, религиозная терпимость, отказ от преследования профсоюзов и других рабочих организаций. Листок бумаги с программой реформ М.В.Родзянко передал императору. Николай, мельком проглядев листок, положил его на стол «без каких-либо замечаний».¹⁵⁵ В данном случае молчание было знаком согласия.

С первых же дней войны ради наполнения конкретным содержанием союза правительства и оппозиции царь учитывал ее пожелания при введении в августе и сентябре 1914 г. «сухого закона»¹⁵⁶ и частичной амнистии¹⁵⁷ и при решении польского¹⁵⁸ и еврейского вопросов.¹⁵⁹ Когда М.В.Родзянко попросил Николая «ускорить созыв Думы», обещанный в июле 1914 г., царь был «очень любезен».¹⁶⁰ Однако поддержание «единения царя и народа» мыслилось Николаю единственно в рамках дуалистической системы. Она исключала вмешательство Думы в управление, и прежде всего — в назначение и увольнение министров. В собственноручных пометах императора, делавшихся им на официальных документах периода войны, «развивались типичные для так называемых конституционно-дуалистических монархий рассуждения о недопустимости вторжения законодательной власти в область исполнительную».¹⁶¹

Единомышленником Николая являлся И.Л.Горемыкин.¹⁶² Демонстрируя благожелательное отношение к оппозиции, премьер лично приезжал к М.В.Родзянко для обсуждения вопроса о созыве Думы.¹⁶³ Платформу такого сотрудничества кабинета И.Л.Горемыкина и Думы, которое бы не выходило за пределы дуалистической системы, содержала записка Н.И.Туган-Барановского, директора канцелярии министра путей сообщения.¹⁶⁴ Записка была представлена А.В.Кривошеину в конце октября 1914 г.

Записка предусматривала разрешение польского и еврейского вопросов, осуществление мероприятий по ликвидации немецкого участия в российской экономике, принятие законов о неприкосновенности личности, об исключительных положениях, о свободе передвижения и печати, создание волостного земства, реформирование земских и городских учреждений, налоговой системы и мелкого кредита.¹⁶⁵

Если для осуществления либеральных реформ дуалисты не планировали выхода за пределы Основных законов, то парламентаристы с А.В.Кривошеиным во главе придерживались иной точки зрения.¹⁶⁶ «Священное единение» А.В.Кривошеин расценил как уникальную предпосылку для введения парламентаризма путем замены кабинета И.Л.Горемыкина коалиционным, общественно-бюрократическим кабинетом. Полагая, что положение дел могут исправить не паллиативы, а только радикальные уступки оппозиции, А.В.Кривошеин «мечтал образовать такой правительственный синклит, который заключал бы сколь можно больше лиц из общественной среды».¹⁶⁷

К парламентаризации верховного управления фактического премьера подталкивали не только его взгляды, но и связи с лидерами оппозиции, в частности — М.В.Родзянко и А.И.Гучковым.¹⁶⁸ Габитус А.И.Гучкова имел конфронтационный характер. Задолго до войны он являлся сторонником низложения Николая.¹⁶⁹ Этапом на пути к осуществлению своей цели А.И.Гучков считал установление парламентаризма, к чему стремился и А.В.Кривошеин. Поэтому у него существовали особо близкие отношения с А.И.Гучковым.¹⁷⁰ Их объединяло и то, что в качестве главного аргумента в пользу парламентаризма они использовали миф о влиянии на царя «темных сил», олицетворяемых Г.Е.Распутиным.¹⁷¹

Непосредственной предпосылкой парламентаризации верховного управления было, с точки зрения А.И.Гучкова и А.В.Кривошеина, увольнение в отставку негодных оппозиции министров: народного просвещения — Л.А.Кассо, внутренних дел — Н.А.Маклакова, юстиции — И.Г.Щегловитова, а также обер-прокурора Синода В.К.Саблера. Все они, кроме более правого Н.А.Маклакова, являлись дуалистами.

Война придала большую актуальность борьбе А.В.Кривошеина с военным министром генералом В.А.Сухомлиновым, на которую фактического премьера вдохновляли А.И.Гучков и М.В.Родзянко.¹⁷² Против В.А.Сухомлинова действовал и другой парламентарист — министр иностранных дел С.Д.Сазонов.¹⁷³

В декабре 1914 г. выдвинулся вопрос об отставке И.Л.Горемыкина. Против нее сам он ничего не имел. И.Л.Горемыкин заявил французскому послу Ж.М.Палеологу 8 декабря 1914 г.: «Я так стар. Уж так давно следовало бы положить меня в гроб. Я говорил это еще на этих днях императору».¹⁷⁴ Главным кандидатом в премьеры, естественно, был А.В.Кривошеин. В конце 1914 г., писал 29 декабря лидер фракции центра граф В.В.Мусин-Пушкин своему тестю, кавказскому наместнику графу И.И.Воронцову-Дашкову, стало известно, что «будет новое министерство с Кривошеиным во главе».¹⁷⁵

Начиная постепенное осуществление выношенного им плана, А.В.Кривошеин решил назначить своим товарищем (заместителем) по должности главноуправляющего землеустройством и земледелием именно В.В.Мусина-Пушкина. К намерению фактического премьера царь отнесся «очень одобрительно».¹⁷⁶ На заседании правительства 23 января 1915 г. намерение А.В.Кривошеина получило и одобрение министров. В.В.Мусин-Пушкин был назначен товарищем главноуправляющего 9 февраля.¹⁷⁷ Он явился первым за всю историю Думы депутатом, перешедшим непосредственно из Таврического дворца на столь высокий пост.

После назначения графа предметом его совещаний с А.В.Кривошеиным оказалась идея «сборного кабинета», аналога «министерства доверия». Кто именно, по мысли фактического премьера, должен был войти в «сборный кабинет», видно из его списка, написанного рукой В.В.Мусина-Пушкина не позднее февраля и сохранившегося в бумагах А.В.Кривошеина.¹⁷⁸ «Комбинации» списка (см. таблицу 2 приложения) предусматривали создание кабинета, возглавляемого либо А.В.Кривошеиным, либо государственным контролером П.А.Харитоновым, другим лидером парламентаристов.¹⁷⁹ А.В.Кривошеин и В.В.Мусин-Пушкин полагали, что новый председатель Совета министров должен руководить министрами не только на заседаниях кабинета, но и при их докладах императору. Характеризуя полномочия премьера, граф писал про его «присутствие на докладах, когда [он] пожелает».¹⁸⁰ Большинство членов обновленного кабинета принадлежали бы к составу законодательных палат, а значит — и зависели бы от них. Это видно и из того, что явное предпочтение авторы списка отдавали поклонникам парламентаризма — кадетам, прогрессистам, левым октябристам и сочувствовавшим им сановникам. Замена кабинета И.Л.Горемыкина «синклитом» во главе с А.В.Кривошеиным или П.А.Харитоновым означала бы введение парламентаризма де-факто.

Первым шагом на пути к созданию общественно-бюрократического кабинета стало назначение 9 января управляющим Министерством народного просвещения графа П.Н.Игнатъева. Назначение графа, предшественника В.В.Мусина-Пушкина по должности товарища главноуправляющего, произошло с подачи А.В.Кривошеина и И.Л.Горемыкина после смерти дуалиста Л.А.Кассо. Своей предыдущей карьерой П.Н.Игнатъев, являвшийся парламентаристом, заслужил «популярность в общественных кругах».¹⁸¹ Другими кандидатами А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина в министры просвещения были выборный член Государственного совета граф Андрей А.Бобринский и брат А.И.Гучкова, московский общественный деятель Н.И.Гучков.

Николай обдуманно назначил кандидата, приемлемого для Думы. При получении министерского портфеля П.Н.Игнатъев заявил императору, что считает необходимым работать «в полном единении с Государственной думой». Николай выразил «одобрение» такому взгляду и надежду на то, что это графу «удастся».¹⁸² Однако сотрудничество правительства и оппозиции не должно было, по мнению царя, вести к установлению парламентаризма. В начале 1915 г. А.И.Гучков говорил, подразумевая дарование «ответственного правительства», что «пока шансов на это мало», поскольку царь «упорен и хитер».¹⁸³

Накануне созыва Думы фактический премьер активизировал свои усилия, направленные на то, чтобы добиться от Николая согласия на введение парламентаризма. В это время А.В.Кривошеин считал, что «существенная задача министров — устранить несогласие, которое обнаруживается в течение нескольких месяцев между правительством и общественным мнением». «Это условие, — полагал фактический премьер, — sine qua non [непременное условие. — С.К.] нашей победы». Именно об этом А.В.Кривошеин говорил императору 19 января.¹⁸⁴ Через четыре дня, 23 января,

фактический премьер объявил Ж.М.Палеологу: «Я считаю, что более определенное ограничение императорской власти все же необходимо, а также, что надо будет распространить контроль Думы на управление; наконец, я считаю, что надо будет осуществить во всех наших ведомствах широкую децентрализацию».¹⁸⁵ Следовательно, А.В.Кривошеин хотел добиться ограничения царской власти не только в законодательстве, но и в управлении, т.е. именно введения парламентаризма и замены дуалистической монархии монархией парламентарной.

Приверженность А.В.Кривошеина парламентаризму была принципиальной. Столь масштабную уступку, как его введение, фактический премьер планировал тогда, когда авторитет власти, благодаря успехам, сопутствовавшим русскому оружию вплоть до марта 1915 г., находился на недостижимой высоте и не давал никакого повода к тому, чтобы задумываться о способах успокоения оппозиции.

Шагом на пути к парламентаризации верховного управления стала трехдневная сессия Думы, проходившая 27–29 января 1915 г. За день до ее открытия прошло частное совещание Комиссии государственной обороны с участием кабинета. На совещании деятельность министров подверглась критике со стороны лидеров оппозиции. Вдохновителем этой критики был А.И.Гучков.¹⁸⁶ Несмотря на выявившийся конфликт между правительством и Думой, И.Л.Горемыкин произнес на совещании «несколько примирительных слов».¹⁸⁷ В декларации премьера, зачитанной им 27 января, говорилось «о предстоящей правительству, в дружном единении с законодательными учреждениями, созидательной деятельности в области внутренней жизни страны».¹⁸⁸

Благожелательное отношение И.Л.Горемыкина к оппозиции продемонстрировал и раут, устроенный премьером 30 января для членов Думы и Государственного совета. Раут означал, что И.Л.Горемыкин «не чуждается их, а, наоборот, желает установить добрые с ними отношения».¹⁸⁹ Представление о реформах, на которые были готовы идти дуалисты, дает очередная записка Н.И.Туган-Барановского, датированная 31 января. В записке мотивировалась необходимость автономии Польши, уравнивания в правах евреев, развития местного самоуправления, политической амнистии, подоходного налога, а также законов о свободе личности, союзов, собраний, печати, совести, передвижения и преподавания.¹⁹⁰

В отличие от дуалистов, парламентаристы придавали первостепенное значение координированию с Думой высшей кадровой политики. Именно этим было вызвано последовавшее 21 февраля назначение управляющим Министерством торговли и промышленности, вместо С.И.Тимашева, начальника управления внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС князя В.Н.Шаховского. Кандидатами А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина в министры торговли являлись граф Андрей А.Бобринский, Н.И.Гучков, лидер фракции прогрессистов А.И.Коновалов и другой прогрессистский лидер — С.И.Четвериков. Явное предпочтение А.В.Кривошеин отдавал Н.И.Гучкову и С.И.Четверикову. В последний момент фактический премьер выдвинул В.Н.Шаховского как «человека, пользующегося симпатиями Думы».¹⁹¹

Неожиданность появления князя на посту министра торговли породила слухи о том, что для получения этого поста он использовал Г.Е.Распутина.¹⁹² Однако мнение о причастности старца к назначению В.Н.Шаховского совершенно неосновательно. В январе—феврале 1915 г., накануне своего назначения, князь ни разу с Г.Е.Распутиным не встречался.¹⁹³

Еще одним актом координирования высшей кадровой политики с оппозицией стало назначение товарищем министра просвещения выборного члена Государственного совета А.К.Рачинского, фигурировавшего в списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина. Предположение П.Н.Игнатъева о замене А.К.Рачинским барона М.А.Таубе кабинет одобрил 13 марта. Назначение А.К.Рачинского произошло 3 апреля.¹⁹⁴ Все эти кадровые перемены, последовавшие до и после краткой сессии Думы, как и сама эта сессия, не означали демонтажа дуалистической системы, к чему стремилась оппозиция. В результате — противоречия между кабинетом и Думой лишь усилились.

Колебание «священного единения», в свою очередь, усилило противоречия между парламентаристами и дуалистами внутри правительства.¹⁹⁵ Борьбе А.В.Кривошеина с его оппонентами, и прежде всего В.А.Сухомлиновым, весьма способствовало дело полковника С.Н.Мясоедова, бесосновательно обвиненного в измене. Слухи о связи С.Н.Мясоедова с В.А.Сухомлиновым раздували князь М.М.Андроников, А.И.Гучков и назначенный член Государственного совета генерал А.А.Поливанов.¹⁹⁶ Дело С.Н.Мясоедова А.И.Гучков рассматривал как этап на пути к демонтажу дуалистической системы.¹⁹⁷ Союзниками оппозиции были парламентаристы. Они принимали за чистую монету обвинения, выдвигавшиеся по адресу С.Н.Мясоедова и В.А.Сухомлинова, тем более что эти обвинения дали дополнительные аргументы в пользу парламентаризации верховного управления.¹⁹⁸ Поэтому весну 1915 г. фактический премьер и его соратники посвятили дальнейшему воплощению плана радикального обновления кабинета.

Конкретизируя мотивы поведения парламентаристов, один из них, министр финансов П.Л.Барк, писал: «Ввиду натянутых отношений между Думой и правительством было два выхода: или нужно было распустить Думу на все время войны и возложить всю ответственность за все будущие события полностью на правительство государя императора, или же принять все возможные меры, чтобы Дума разделила ответственность за войну с государем императором и исполнительной властью». «Наше мнение, — подчеркивал П.Л.Барк, — было таково: раз парламентский режим введен у нас и так как Дума состоит из избранных представителей народа, необходимо, чтобы эти представители и через их посредство нация были призваны оказать поддержку в грозном кризисе, переживаемом страной».¹⁹⁹

В своих рассуждениях П.Л.Барк весьма последователен. Действительно, с точки зрения дуалистической системы правительство, неся ответственность исключительно перед императором, а не законодательными палатами, имело законное право игнорировать народное представительство. Однако, допуская разделение лежавшей на нем ответственности за управление с Думой даже на короткое время, правительство создавало совершенно иную ситуацию. Суть ее как раз и была в постепенном, состоящем из целого ряда прецедентов переходе к парламентаризму.

Одним из прецедентов на пути к парламентаризации верховного управления стало создание Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия. Его прототипом являлся Комитет военных заготовок. Создание комитета, вместе с тремя другими комитетами (по продовольствию страны и армии, снабжению топливом и делам Польши), планировали в начале 1915 г. А.В.Кривошеин и В.В.Мусин-Пушкин. Председатели комитетов (депутат Думы, бывший товарищ ее председателя князь В.М.Волконский, главноуполномоченные Земского и Городского союзов князь Г.Е.Львов и М.В.Челноков и выборный член Государственного совета И.А.Шебеко) должны были войти в кабинет на правах министров без портфелей. Особые совещания по усилению снабжения действующей армии и Польше правительство создало в мае, а по продовольствию и топливу — в августе 1915 г. Первенствующее значение имело Особое совещание по усилению снабжения. Оно начало функционировать 14 мая.

Наряду с бюрократами, членами совещания стали М.В.Родзянко, его заместитель А.Д.Протопопов, секретарь Думы И.И.Дмитрюков, член кадетской фракции А.А.Добровольский и лидер фракции земцев-октябристов Н.В.Савич. По справедливому замечанию В.С.Дякина, «включение в совещание думцев было небывалым явлением в российской практике».²⁰⁰ М.В.Родзянко сразу же выступил за то, чтобы совещание получило статус не межведомственного учреждения, а органа верховного управления, хотя это противоречило Основным законам, не предусматривавшим участия законодателей в деятельности подобных органов.

На заседании Совета министров, состоявшемся 29 мая, во время обсуждения проекта положения об Особом совещании претензии думцев получили отпор со стороны дуалистов — И.Г.Щегловитова и В.К.Саблера, а также Н.А.Маклакова. Несоответствие статуса совещания предшествовавшей практике верховного управления признал и лидер парламентаристов. Целесообразность изменения сложившейся практики А.В.Кривошеин мотивировал не политическими, а функциональными причинами: «Такого соединения власти исполнительной и законодательной никогда не было. Но положение настолько тревожно, что надо на все закрыть глаза, лишь бы иметь не уверенность, а надежду, что все будет сделано».²⁰¹ Благодаря фактическому премьеру положение об Особом совещании министры одобрили в редакции думцев. Это решение правительства царь утвердил 7 июня.²⁰²

Тактика А.В.Кривошеина доказывала, что его стратегической целью было введение парламентаризма если не де-юре, то де-факто.²⁰³ Поэтому повышенное внимание неформального премьера и сочувствовавших ему министров занимал вопрос о созыве законодательных учреждений. Прерывая в январе 1915 г. занятия Думы, Николай планировал возобновить их «не позднее ноября 1915 г.».²⁰⁴ Но в мае этого года парламентаристы решили добиться созыва в ближайшее же время. Для получения правительством вотума доверия Думы они хотели приурочить к началу ее занятий удаление из кабинета Н.А.Маклакова, В.К.Саблера, В.А.Сухомлинова и И.Г.Щегловитова. От выступления против И.Л.Горемыкина министры-

оппозиционеры пока воздерживались. Они полагали, что без дуалистов роль престарелого премьера «будет ничтожна».²⁰⁵

Преемником Н.А.Маклакова А.В.Кривошеин предложил назначить выборного члена группы правого центра Государственного совета и главноуправляющего государственным коннозаводством князя Н.Б.Щербатова. Кроме него, кандидатами в министры внутренних дел были сам фактический премьер, В.М.Волконский и товарищ министра внутренних дел генерал В.Ф.Джунковский. В списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина генерал фигурировал в двух из трех комбинаций.²⁰⁶ В конце мая В.В.Мусин-Пушкин выдвинул В.Ф.Джунковского на пост министра полиции.²⁰⁷

Преемниками В.К.Саблера и В.А.Сухомлинова фактический премьер предложил сделать назначенных членов Государственного совета А.Д.Самарина (правая группа) и А.А.Поливанова (кружок внепартийного объединения). Они также присутствовали в списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина.

В министры юстиции А.В.Кривошеин хотел провести либерального сенатора П.Н.Милютина или назначенного члена группы центра верхней палаты С.С.Манухина.²⁰⁸ Но, чтобы не обидеть формального премьера, выбор преемника И.Г.Щегловитова А.В.Кривошеин предложил предоставить исключительно И.Л.Горемыкину. Впоследствии на пост министра юстиции премьер выбрал своего бывшего сотрудника по МВД — назначенного члена правой группы Государственного совета А.А.Хвостова.

Выражая мнение единомышленников, 28 мая П.Л.Барк потребовал от И.Л.Горемыкина обратиться к Николаю с просьбой о приближении созыва Думы и замене негодных оппозиции министров сановниками, пользующимися общественным доверием. И.Л.Горемыкин не только присоединился к этому требованию, но и пошел дальше. Он заметил: «В сущности, нужно было бы, чтобы более молодой человек заменил меня, я слишком стар для вас всех».²⁰⁹ Во время встречи с императором, состоявшейся 30 мая,²¹⁰ И.Л.Горемыкин получил от Николая согласие по всем пунктам. Тогда же премьер, сознавая свою неприемлемость для Думы, умолял императора принять его отставку. Николай дал на это «лишь уклончивый ответ».²¹¹

Параллельно с министрами действовал М.В.Родзянко. На следующий день, 31 мая,²¹² председатель Думы постарался доказать императору, что Н.А.Маклаков, В.К.Саблер, В.А.Сухомлинов и И.Г.Щегловитов «совершенно нетерпимы». Реакция Николая на выступление М.В.Родзянко была благосклонной. По окончании беседы с председателем Думы Николай сказал: «Благодарю вас за вашу прямую, искреннюю и смелую доклад». В дополнение к докладу М.В.Родзянко отправил императору письмо, в котором еще раз доказывал, что «необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созыв Думы». На выдвижение этих требований, как и на постановку вопроса о низложении Николая, председателя нижней палаты подталкивал А.И.Гучков.²¹³

Наступление парламентаристов и лидеров оппозиции против дуалистов увенчал демарш, направленный против Г.Е.Распутина. В его гипотетическом влиянии на царицу, а через нее — на царя, противники старца видели преграду на пути к парламентаризму. Вечером 1 июня В.Ф.Джун-

ковский, с ведома Н.А.Маклакова, доложил императору о скандальном поведении Г.Е.Распутина при посещении им в марте 1915 г. московского ресторана «Яр».²¹⁴ На обвинение старца В.Ф.Джунковский решился несмотря на то, что документальная база для этого была зыбкой.²¹⁵ Генерал заявил Николаю, что поведение Г.Е.Распутина представляет «опасность, которая угрожает государству и династии». В.Ф.Джунковский полагал, что старец является «орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели». На просьбу генерала разрешить ему расследование деятельности Г.Е.Распутина Николай ответил: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами».²¹⁶

Просьбы царя генерал не выполнил. Доклад о Г.Е.Распутине В.Ф.Джунковский показал великому князю Дмитрию Павловичу, который рассказал о нем отцу, великому князю Павлу Александровичу, и сестре А.А.Вырубовой А.А. фон Пистолькорс.²¹⁷ Впоследствии поведение генерала привело к разочарованию царя в В.Ф.Джунковском и его отставке.

Объединенные усилия И.Л.Горемыкина, парламентаристов и лидеров оппозиции были весьма результативными. Беседуя с М.В.Родзянко 2 июня, И.Л.Горемыкин заявил: «Подождите настаивать на немедленном созыве Думы и отложите его до того времени, когда последует смена некоторых министров. А такая смена будет, я вас в этом могу уверить, так как уже беседовал по этому поводу с государем, и он согласился с необходимостью изменения министерского кабинета».²¹⁸

Уже 4 июня Николай послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите мне указ об увольнении министра внутренних дел и о назначении управляющим Министерством внутренних дел управляющего государственным коннозаводством князя Щербатова. Составьте краткий теплый рескрипт на имя Маклакова. Николай».²¹⁹ Замена Н.А.Маклакова Н.Б.Щербатовым произошла 5 июня, В.А.Сухомлинова А.А.Поливановым — 13 июня, В.К.Саблера А.Д.Самариным — 5 июля и И.Г.Щегловитова А.А.Хвостовым — 6 июля.²²⁰

Назначения Н.Б.Щербатова, А.А.Поливанова и А.Д.Самарина состоялись несмотря на то, что против этих назначений была императрица Александра Федоровна. Против назначения А.Д.Самарина высказался Г.Е.Распутин.²²¹

Новые члены кабинета пользовались «доверием Думы».²²² В итоге совершенных летом 1915 г. кадровых перемен возникла реальная предпосылка для фактического введения парламентаризма. Его сторонники составили в кабинете подавляющее большинство, а первую скрипку играл А.В.Кривошеин. Парламентаристы входили в так называемую «прогрессивную группу».²²³

За летними назначениями было не только влияние А.В.Кривошеина, но и не находившееся в прямой зависимости от обострения внутривнутриполитической ситуации «личное желание» Николая привлечь общественных деятелей на министерские посты.²²⁴ Настаивая на том, что «эти перемены должны состояться, и нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается», царь писал супруге: «С такими людьми в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно — это совершенно несомненно».²²⁵

Легкость, с которой Николай шел на удовлетворение требований парламентаристов летом 1915 г., объяснялась тем, что обновление кабинета протекало в рамках дуалистической системы, без формального влияния на формирование правительства со стороны Думы, пока что не заседавшей. Само же по себе участие в высшем управлении отдельных общественных деятелей данной системе не противоречило.²²⁶ Согласование кадровой политики с обществом, не колеблющее дуалистической системы, казалось императору более чем необходимым, особенно в условиях нарастающего внутривластного кризиса, вызванного поражениями русской армии. Когда 9 июня английский посол Д.У.Бьюкенен сообщил Николаю об образовании в Англии коалиции «из лучших умов страны», он «согласился, что при таком большом национальном переломе это — единственный путь».²²⁷

Если царь и бюрократы, ради сохранения «священного единения», шли на дальнейшие уступки оппозиции, ее лидеры на уступки идти не хотели. Выступая 7 июня на конференции кадетской партии, П.Н.Миллюков заявил: «У нас противопоставляются не одна партия другой: правительственная — оппозиционной, у нас противопоставляются бюрократия и общество».²²⁸ Точка зрения П.Н.Миллюкова, грешившая догматизмом, не отражала реальной ситуации, сложившейся на вершине власти в годы войны. При воплощении курса на «священное единение» правительства и оппозиции, выступавшей за введение парламентаризма, влияние его идеологии на представителей бюрократической элиты сильно возросло.²²⁹ Тем не менее П.Н.Миллюков, а за ним — и большинство членов кадетской партии, с упорством, достойным лучшего применения, придерживались устаревшего мнения о реакционности всей бюрократии и необходимости не союза, а борьбы с нею.

Кадеты, подчеркивал оппонент П.Н.Миллюкова слева, привыкли к положению «безответственной оппозиции», а потому им было трудно встать «на точку зрения здорового компромисса».²³⁰ Непримируемость наиболее влиятельного лидера оппозиции носила всеобъемлющий характер.²³¹

Кадеты, настроенные по отношению к бюрократической элите примирительно, составляли явное меньшинство. Политика А.В.Кривошеина встречала с их стороны полную поддержку.²³² П.Б.Струве, наиболее принципиальный сторонник самого тесного союза бюрократических и общественных деятелей, вообще вышел из кадетского ЦК. В июне 1915 г. он выдвинулся на роль политического консультанта фактического премьера.

В письме от 11 июня П.Б.Струве развернул перед А.В.Кривошеиным аргументацию в пользу немедленного разрешения вопросов об обновлении кабинета и созыве Думы. Выступая за то, чтобы «власть закрепила себя на известном минимуме и закрепила общественное мнение на этом минимуме», П.Б.Струве высказался за «скорейший “ремонт” правительства в пришедших в негодность частях» и приглашение в Совет министров, на правах членов без портфеля, «общественных деятелей, пользующихся широким доверием», а именно — А.И.Гучкова и князя Г.Е.Львова. После такого «ремонта» правительства, полагал П.Б.Струве, «скорейший созыв» Думы «не страшен нисколько, и чем скорее он будет произведен, тем глаже он сойдет».²³³

Еще дальше П.Б.Струве шел в это время В.В.Мусин-Пушкин. После ознакомления с письмом П.Б.Струве граф не только согласился с аргументацией этого письма, но и настойчиво призывал своего патрона сместить И.Л.Горемыкина, который «больше не ко времени», и занять его место.²³⁴

Прежде чем отставить И.Л.Горемыкина, необходимо было добиться созыва Думы. Окончательное решение этого вопроса последовало на заседании правительства, состоявшемся 13 июня в Барановичах, где располагалась Ставка верховного главнокомандующего. В ходе заседания министры остановились на мысли о том, что необходимо, в дополнение к обновлению кабинета, обнародовать обращение царя к народу. Оно должно было, «ободря общество», призвать его «к совместной с правительством работе для подготовки победы» и указать «на предстоящий созыв Государственной думы».²³⁵ Подобное обращение А.В.Кривошеин предложил сделать в форме царского рескрипта на имя И.Л.Горемыкина. Его проект, составленный неформальным премьером, министры тут же одобрили. Николай подписал рескрипт 14 июня.²³⁶

Настаивая на скорейшем созыве Думы, А.В.Кривошеин и другие парламентаристы вступали в противоречие с дуалистической системой. В контексте внутривластной ситуации лета 1915 г. фактическое введение парламентаризма означал уже сам экстренный созыв нижней палаты. Для дуалистов это не вызывало никакого сомнения. «Созыв Государственной думы, в настоящее тяжелое время, должен являться крайне опасным, — писал А.В.Кривошеину 16 июня бывший начальник Петербургского охранного отделения отставной генерал А.В.Герасимов. — Опасность заключается в возможном захвате правительственной власти Государственной думой». А.В.Герасимов полагал, что «при вырастающем авторитете Государственной думы в глазах общества последнее может признать в лице Думы правительственную исполнительную власть».²³⁷

На опасность досрочного созыва Думы обращал внимание в записке, датированной 1 и представленной А.В.Кривошеину 20 июня, и Н.И.Туган-Барановский, выступавший с позиций принципиального дуалиста. «Государственная дума Российской империи, — писал он, — является учреждением чисто законодательного характера». «В России не было парламентаризма, — подчеркивал Н.И.Туган-Барановский. — Власть принадлежала и принадлежит государю императору». С этой точки зрения «внезапный, для постоянной деятельности», созыв Думы символизировал бы «переход к новым формам управления».²³⁸

Хотя прогнозы высокопоставленных аналитиков относительно последствий созыва полностью сбылись, неформальный премьер не изменил своего политического курса. Это является очевидным доказательством того, что А.В.Кривошеин действовал в пользу введения парламентаризма вполне сознательно.

И.Л.Горемыкин, понимая, что функционирование Думы при обострении внутривластного кризиса может повести к фактическому демонтажу дуалистической системы, сначала всячески оттягивал созыв нижней палаты. Он хотел пойти на это не ранее начала августа. Тогда 24 июня Совет старейшин Думы в полном составе отправился к И.Л.Горемыкину.

Думцы сообщили премьеру постановление Совета старейшин о необходимости скорейшего созыва законодательных палат. И.Л.Горемыкин ответил, что ставит определение дня созыва «в зависимость от подготовки правительственных законопроектов», и обещал обсудить вопрос о созыве на ближайшем заседании Совета министров, т.е. 26 июня.²³⁹ На заседании И.Л.Горемыкин, сообщив о встрече с думцами, отнесся к их предложению скептически. Но благодаря парламентаристам, вопреки премьеру и поддерживавшей его царше, созыв Думы был намечен на 19 июля, годовщину начала войны.²⁴⁰

Согласившись на приближение созыва, премьер, однако, решил добиться хотя бы предварительного ограничения срока занятий палат. Вопрос об этом И.Л.Горемыкин поднял на заседании Совета министров, состоявшемся 7 июля. Мотивируя, с точки зрения дуалистической системы, необходимость ограничения длительности думских занятий, И.Л.Горемыкин сослался на то, что даже в союзных странах «общих собраний законодательных палат не было и действовало правительство при содействии комиссии из членов законодательных палат». Поскольку такая комиссия, в виде Особого совещания по снабжению армии, действовала теперь и в России, премьер находил, что «нет основания законодательным палатам длительно заседать». Парламентарист П.Н.Игнатьев выступил решительно против ограничения занятий Думы заранее определенным сроком и был поддержан единомышленниками — А.В.Кривошеиным, А.А.Поливановым и А.Д.Самариным. «В первый раз, — отмечал П.Н.Игнатьев, — активное выступление председателя Совета министров встретило неодобрение».²⁴¹

Точку зрения премьера оспорили также парламентаристы П.Л.Барк, П.А.Харитонов и Н.Б.Щербатов и дуалисты С.В.Рухлов и А.А.Хвостов.²⁴² Николай поддержал большинство кабинета, подписав уже 8 июля указ о созыве Думы 19 июля, причем указ не содержал каких-либо ограничительных условий.²⁴³ Впрочем, выступление министров против И.Л.Горемыкина не поколебало его положения. «Горемыкин сильнее сильного, — писал брату М.М.Андроников, — и никуда не уходит. Это говорят вздор».²⁴⁴ Расхождение между премьером и остальными министрами доказывало, что А.В.Кривошеин и его единомышленники уже явно начинали выходить за пределы дуалистической системы. Это стало еще более очевидным на заседании Совета министров 14 июля, когда рассматривался законопроект об Особом совещании. Он подразумевал объединение мероприятий лишь по обеспечению армии предметами боевого и материального снабжения.

По настоянию А.В.Кривошеина в законопроект были внесены существенные изменения. Они сводились к возложению на Особое совещание, помимо задачи снабжения армии, еще и принятия мер «к обеспечению топливом, а равно согласованию отдельных по продовольственному делу мероприятий, вызываемых временными обстоятельствами».²⁴⁵ Идея изменений, которые предложил А.В.Кривошеин, совпадала с идеей «общественной диктатуры», выдвинутой в начале июня, в качестве первого шага на пути к «ответственному министерству», фракцией прогрессистов.²⁴⁶ Следовательно, предложение фактического премьера, помимо функционального, имело и политический подтекст, подтверждающий, как

и позиция А.В.Кривошеина по другим вопросам, решавшимся правительством летом 1915 г., что в пользу введения парламентаризма он действовал сознательно.

Впрочем, пока фактический премьер и его сторонники не выказывали слишком явного стремления выйти за границы дуалистической системы, их политика находила полную поддержку у формального премьера. Текст его декларации был выработан именно А.В.Кривошеиным и на заседании правительства 16 июля одобрен «с незначительными редакционными исправлениями».²⁴⁷

Принципиальное противоречие между взглядами И.Л.Горемыкина и А.В.Кривошеина на разрешение внутривластного кризиса выявилось полностью после открытия 19 июля очередной сессии Думы. В течение сессии премьер осуществил ряд мер, имевших целью поддержание «священного единения». На первом заседании Думы И.Л.Горемыкин выступил с декларацией. В ней подчеркивалось, что свою дальнейшую деятельность правительство представляет «не иначе, как в полном единомыслии с законодательными учреждениями».²⁴⁸

Первые дни сессии показали всю тщетность надежд на единомыслие правительства и Думы. Она отказалась от признания обновленного кабинета «министерством доверия», что повело к обострению борьбы между дуалистами и парламентаристами. На заседании кабинета, состоявшемся 24 июля, министры пришли к выводу, что Дума настроена «непримиримо» и правительство «не может дать от нее поддержки». После этого отношения между членами кабинета и премьером приобрели «нервный характер».²⁴⁹ Тем не менее И.Л.Горемыкин, идя навстречу желанию оппозиции, 24 июля высказался за назначение особой комиссии для расследования деятельности В.А.Сухомлинова и привлечение в нее членов Думы и Государственного совета. О согласии царя на создание комиссии, существенно расширявшей полномочия Думы, ее уведомил 30 июля А.А.Поливанов.²⁵⁰

Уступкой кабинета оппозиции стало и состоявшееся 27 июля назначение товарищем министра внутренних дел В.М.Волконского.²⁵¹ Когда фактический премьер выдвинул его кандидатуру, то кабинет единогласно приветствовал это предложение. Министры были убеждены, что «при содействии Волконского можно будет добиться хороших сношений с Думой».²⁵²

Цель, которую имели в виду А.В.Кривошеин и его сторонники при назначении князя, состояла в том, чтобы добиться «хороших сношений» путем введения парламентаризма. Вскоре после назначения В.М.Волконского министры поручили ему дать заключение по законодательному предположению «о расширении запросного права Государственной думы».²⁵³ Предположение это было разработано в МИДе по инициативе С.Д.Сазонова и с ведома А.В.Кривошеина. Мидовский проект подразумевал установление «широкого контроля Думы над всеми действиями правительства, что являлось первой серьезной ступенью к парламентскому режиму».²⁵⁴

Готовя демонтаж дуалистической системы, парламентаристы нанесли еще один удар по Г.Е.Распутину, который расценивался ими как главная преграда на пути к этому. В.М.Волконский и Н.Б.Щербатов сняли существовавший с 1912 г. запрет писать о старце. В августе пресса снова «заго-

ворила о нем». ²⁵⁵ Газеты способствовали широкому распространению бездоказательных слухов о германофильстве Г.Е.Распутина.

Характер уступок, на которые пошло правительство летом 1915 г., был таков, что современники расценили их как фактическое введение парламентаризма. ²⁵⁶ Однако уступки, сделанные в рамках дуалистической системы для успокоения оппозиции, не привели к упрочению «священного единения». Оппозиционеры расценили сделанные уступки как поводы для предъявления требований о более радикальных уступках, направленных на введение парламентаризма не только де-факто, но и де-юре. В ходе заседания кабинета 4 августа министры говорили, что тон Думы «повышается» и все ярче видны с ее стороны «захватные стремления». ²⁵⁷

Непримиримостью Думы Николай был «горько разочарован». ²⁵⁸ Но, несмотря на то, что оппозиционность нижней палаты росла, царь не пошел на немедленный перерыв ее занятий, хотя это диктовала логика дуалистической системы. Николай надеялся, что соглашение правительства с Думой на базе Основных законов по-прежнему достижимо. Надеялся на это и И.Л.Горемыкин. Именно с его согласия 4 августа министры поручили А.А.Поливанову и Н.Б.Щербатову переговорить с М.В.Родзянко и лидерами фракций относительно дальнейшего течения занятий Думы. ²⁵⁹

Более того, продолжая реформаторскую деятельность, на заседании 4 августа кабинет уполномочил управляющего МВД разрешить евреям «жительство в городских поселениях вне черты общей их оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Двора и военного». ²⁶⁰ Тем самым отменялась черта еврейской оседлости. Решение правительства в известной степени стало результатом датированного 1 августа письма П.Б.Струве А.В.Кривошеину. В нем доказывалась необходимость этой меры. ²⁶¹ Но самое главное — она встретила полную поддержку царя. С его стороны «никакого сопротивления» в данном случае «не было». Поэтому ликвидация черты оседлости прошла «довольно легко». ²⁶²

На заседании кабинета 9 августа последовала отмена процентной нормы в вузах для евреев—участников войны и их детей, а также детей евреев, служивших по Министерству народного просвещения. ²⁶³ Решение об этом император утвердил уже 10 августа. Сразу после принятия 23 августа верховного главнокомандования Николай «по собственной инициативе» отменил практиковавшиеся Ставкой «бесчеловечные притеснения евреев». ²⁶⁴

Признание необходимости либеральных реформ объединяло царя, премьера и парламентаристов. Разъединяло их лишь одно — полярные мнения относительно введения парламентаризма. Если царь и И.Л.Горемыкин полагали, что преодоление внутриполитического кризиса возможно только при сохранении дуалистической системы, то фактический премьер именно вследствие кризиса начал действовать еще активнее в пользу введения парламентаризма. Результатом этого стало появление Прогрессивного блока.

3. «На счет казны». Парламентаристы, дуалисты и общественные организации (июль 1914 — август 1915 г.)

При проведении курса на «священное единение» важнейшее значение приобрели отношения правительства с общественными организаци-

ями — Земским и Городским союзами. ²⁶⁵ Их появлению предшествовала либерализация правительственной политики, которая в области самоуправления нашла свое выражение в привлечении земств и городов к приречию солдатских семей. ²⁶⁶

Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам был образован 30 июля 1914 г. в Москве, на съезде председателей губернских земских управ. Его главноуполномоченным земцы избрали князя Г.Е.Львова. Начиная с 1904 г. он возглавлял Общеземский союз помощи больным и раненым воинам. Неделий позже, 8—9 августа, также в Москве на съезде городских голов образовался Всероссийский союз городов. Его главноуполномоченным являлся товарищ московского городского головы В.Д.Брянский, а затем — московский голова М.В.Челноков.

Создание организаций, объединяющих органы местного самоуправления, противоречило закону. Городской союз, указывал М.В.Челноков, «не имел под собой никакого законного основания. Он был сооружен просто явочным порядком». ²⁶⁷ Кроме того, поначалу союзы не представляли все местное самоуправление. ²⁶⁸

Несмотря на то, что, согласно закону, органы самоуправления уже были объединены в рамках МВД, Совет министров не сопротивлялся возникновению новых общественных организаций. Съезд городских голов состоялся благодаря разрешению кабинета, последовавшему 30 июля. ²⁶⁹

Благожелательное отношение правительства к союзам дошло до того, что оно согласилось на появление во главе их оппозиционных, а не более лояльных деятелей, хотя это вело к усилению политической роли оппозиции. В официальных кругах Общеземский союз и Г.Е.Львов «считались неблагонадежными» по причине их «кадетизма». Благодаря своему руководству «кадетской организацией» был и Городской союз. ²⁷⁰

Почему же в таком случае Совет министров не препятствовал образованию и деятельности союзов? Одна из причин этого — обстоятельство функционального характера. Потребность в оказании помощи больным и раненым солдатам резко выросла с первых же дней войны. Но для ее удовлетворения существовали казенные учреждения. «Нельзя сказать, чтобы эта существенная потребность, — отмечал П.Г.Курлов, — объяснялась дефектами санитарной части Военного министерства: казенные госпитали и санитарные поезда имелись с первого момента войны». ²⁷¹

Эффективность казенных учреждений общественные деятели оценивали крайне низко. Однако, по свидетельству соратника Г.Е.Львова князя С.Е.Трубецкого, степень неспособности правительства «преувеличивалась нашей самовлюбленной общественностью». «Особенно гордиться» перед «военными бюрократами» общественным деятелям «не приходилось». ²⁷² Это проявилось еще в 1904—1905 гг., когда функционеры Общеземского союза, подчеркивал П.Н.Милуков, не смогли «многого». ²⁷³ Союзы стали такими же бюрократическими организациями, как и аналогичные казенные учреждения, с той лишь разницей, что у первых зачастую не было профессионализма последних. Из-за этого деятельность общественных организаций характеризовали «отсутствие настоящего хозяйственного расчета», «наплевательское отношение к вопросу о стоимости», «самоуверенная без-

грамотность во многих вопросах» и «распоясанность иных руководителей дела, не считающихся ни с какими правилами». ²⁷⁴

Если тем не менее правительство поддержало союзы с момента их возникновения, то в силу не столько функциональной, сколько политической целесообразности. Содействие власти созданию и деятельности союзов, по мнению минского губернатора князя В.А.Друцкого-Соколинского, «последовало исключительно в целях политических», и потребовалось, отмечал один из руководителей Земского союза В.И.Гурко, не столько «для пользы и существа дела, сколько психологически». ²⁷⁵

Союзы, как инструменты политики «священного единения», должны были продемонстрировать искреннее стремление власти к сотрудничеству с общественными силами, даже если ранее некоторые из них являлись, по ее мнению, неблагонадежными. Появление новых благотворительных организаций сделала возможным инициатива не только снизу, со стороны лидеров оппозиции, но и сверху, со стороны их единомышленников — парламентаристов. ²⁷⁶

Главным покровителем союзов являлся лидер парламентаристов А.В.Кривошеин. Как политик, он действовал под влиянием «московских, главным образом промышленных, тузов, к которым он зачастую ездил за осведомлением». ²⁷⁷ Между тем союзы создали именно «московские тузы», т.е. вожди левых октябристов, прогрессистов и кадетов. Помощь, оказанная им А.В.Кривошеиным, была такова, что давала основания для причисления его к создателям союзов. ²⁷⁸ После того как 1 августа 1914 г. заготовку продовольствия для армии правительство по инициативе А.В.Кривошеина возложило на его ведомство и земства, ²⁷⁹ Главное управление землеустройства и земледелия не препятствовало земствам, которым оно поручило продовольственное дело, присоединяться к Земскому союзу. Содействуя созданию и деятельности общественных организаций, чьи руководители принадлежали к оппозиции, А.В.Кривошеин обеспечивал массовую опору политике «священного единения», нацеленной, по замыслу фактического премьера, на введение парламентаризма, к чему стремились и оппозиционеры.

Положение А.В.Кривошеина облегчалось тем, что сторонником тесного сотрудничества власти и общества, но только в рамках Основных законов, являлся сам император, который с образованием союзов демонстрировал по отношению к ним явное расположение. При посещении Москвы 7 августа Николай со свитой «заехал в один из складов Общеземской организации», ²⁸⁰ где присутствовали ее руководители. Г.Е.Львов обратился к императору с приветственной речью. Николай поблагодарил Г.Е.Львова, принял его доклад и обошел всех членов московского комитета Земского союза. При представлении царю руководителей Городского союза после приветственной речи В.Д.Брянского монарх обратился к присутствующим с ответной речью, а затем «очень долго беседовал с представителями городов, подходя к каждому». ²⁸¹

Самым ярким доказательством того, что политику «священного единения» царь и его правительство проводили на деле, стало массивное финансирование союзов государством. Уже 8 августа делегаты съезда городских голов признали, что «без денежной помощи со стороны государственной казны города многого сделать не в состоянии». ²⁸²

Еще раньше по поводу выделения Земскому союзу казенных субсидий Г.Е.Львов обратился к И.Л.Горемыкину. Поскольку 20 000 000 рублей, необходимых Красному Кресту, под началом которого первоначально действовал союз, по мнению Г.Е. Львова, «не хватит», то «придется, — полагал он, — просить у казны», тем более что у него «нет врачей и фельдшеро». Таким образом, Г.Е.Львов просил деньги не под уже существующую санитарную организацию, а для того, чтобы организацию создать. Поэтому поначалу просьбу князя правительство встретило прохладно. Суммируя суждения, высказанные на заседании кабинета 3 августа, помощник управляющего делами Совета министров А.Н.Яхонтов записал: «1) Деньги — пока рано говорить; надо их подсчет и финансовый чек. Подпись не давать. 2) Врачи — надо сначала военные потребности и Красный Крест». Итак, царское правительство сознавало, что, наряду с Земским союзом, имеются организации (Красный Крест), содействием которых оно могло пользоваться с большей безопасностью для режима. Тем не менее Г.Е.Львову кабинет не отказал, а решил направить его к министру финансов П.Л.Барку. ²⁸³

При встрече с министром финансов руководитель Земского союза заявил, что призрение раненых и больных солдат «требует огромных ассигнований, выполнение же его на местные земские средства представляется, конечно, невозможным, а потому необходимо вспомоществование союзу из средств казны». Сообщив П.Л.Барку о поступлении в распоряжение союза пожертвований на 12 000 000 рублей, главноуполномоченный высказался за выделение из казны, «для первоначальной организации дела», сразу 10 000 000 рублей. ²⁸⁴

Просьбу Г.Е.Львова П.Л.Барк доложил коллегам 9 августа. Реагируя на слова министра финансов, И.Л.Горемыкин заметил: «Государь и я говорим о будущем, а не сейчас». Однако государственный контролер П.А.Харитонов оспорил позицию премьера: «Придется дать». Министр путей сообщения С.В.Рухлов высказался за то, чтобы выбрать одно из двух, раз налицо «2 русла — Красный Крест и Земская организация». Поскольку даже Г.Е.Львов расценивал Земский союз как «ячейку Красного Креста», П.Л.Барк отметил: «Казалось бы, нам иметь дело только с Красным Крестом». А.В.Кривошеин разрешил поставленную дилемму в пользу союза: «Надо обе организации, а от Львова потребовать примерный расчет и план организации, а затем отчет». Мнение А.В.Кривошеина возобладавало. Для начала правительство решило дать союзу 1 000 000 рублей. Победу парламентаристов обусловило то, что А.В.Кривошеин настаивал «от имени государя императора». ²⁸⁵ По этой причине Земский союз являлся столько же детищем фактического премьера, сколько и Николая. После начала войны он жертвовал на благотворительные нужды все 200 000 000 рублей, хранившихся на единственном заграничном счету царя в Английском банке. ²⁸⁶

Вопрос о финансировании Союза городов был решен 12 августа, когда В.Д.Брянский посетил И.Л.Горемыкина, А.В.Кривошеина и П.Л.Барка. Министры обещали выделить союзу пособие в размере 20 000 000 и немедленный аванс в 1 000 000 рублей. ²⁸⁷ Начиная с августа 1914 г. (см. таблицу 3 приложения) при субсидировании благотворительных органи-

заций правительство оказывало предпочтение союзам, несмотря на то, что их деятельность повышала престиж оппозиции.

Предпочтение, оказанное не Красному Кресту, а союзам, доказывало, что к началу войны внутри Совета министров оппозиция имела мощное лобби в лице парламентаристов. Это выявилось и при решении вопроса об отпуске союзам казенных сумм на условии контролирования государством их использования. Сославшись на то, что земские учреждения не подчинены Государственному контролю, а ревизуются своими органами, Г.Е.Львов занял точку зрения, согласно которой никакая правительственная ревизия расходования Земским союзом казенных сумм недопустима. Это, по мнению князя, было бы «оскорблением земства и общечеловечности». Данное мнение, «до смешного наивное, разумеется, — полагал В.И.Гурко, один из лидеров союза, — не выдерживало ни малейшей критики».²⁸⁸

Действительно, с ревизией многомиллионных сумм, расходованных союзами, мог бы справиться только Государственный контроль, обладавший соответствующим аппаратом. Исходя из этого, на заседании правительства 9 августа С.В.Рухлов заявил о необходимости ввести в руководство союзов представителей Министерства финансов и Государственного контроля, чтобы были «отчетность и учет». Однако предложение С.В.Рухлова сочувствия не встретило. «Мысль [о необходимости] подчинения контролю, — полагали министры, — вызовет негодование и протест, обида».²⁸⁹

Против того, чтобы союзы получали кредиты не иначе, как под условием подчинения союзных организаций Государственному контролю, «с необыкновенной энергией восставал» ... сам государственный контролер П.А.Харитонов.²⁹⁰ Между тем ревизия расходов Земского союза была крайне необходима. Влившаяся в него Общеземская организация во время русско-японской войны также получала «крупные» казенные ассигнования.²⁹¹ Однако организация не только не представила «вполне обоснованной» отчетности по этим ассигнованиям, но за ней с того времени числился долг в 800 000 рублей.²⁹² Позицию П.А.Харитонova нельзя объяснить его некомпетентностью. Занимая пост государственного контролера семь лет, он являлся одним из крупных специалистов ревизионного дела. Но в данном случае профессионализм П.А.Харитонova был заслонен его политическими симпатиями, аналогичными тем, которые разделял и фактический премьер.

Неудивительно, что вопрос о контролировании расходования союзами казенных сумм А.В.Кривошеин попросту спустил на тормозах. «Потребовать смету и проект организации, — заявил он 9 августа, — а затем о контроле». Впрочем, вопрос о финансовом контроле возник на заседании правительства 14 августа, когда обсуждался механизм отпуски союзам казенных субсидий. Министры решили создать постоянный межведомственный комитет «для рассмотрения ходатайств о восполнениях», целью которого стало бы также «выяснение настоятельности расхода и пособия». В Совет министров ходатайства могли направляться только после экспертизы комитета. А.В.Кривошеин, подразумевая ведомственную принадлежность комитета, заметил: «Лучше Военное ведомство — авторитетнее для земцев, чем штатские».²⁹³ После этого при Военном мини-

стерстве было создано Особое совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам. Его председателем являлся сначала генерал П.А.Фролов, а затем — генерал А.А.Веденяпин.²⁹⁴

Совещание не рассматривало существа проектировавшихся союзами затрат и их соответствия задачам общественных организаций. Оно решало только, согласуются ли кредиты с общепринятыми нормами и расчетами или нет. Поэтому «эта комиссия была чисто формальная».²⁹⁵ Союзы, вопреки требованиям совещания, не признавали нужным давать какие-либо отчеты «об использовании ранее отпущенных им кредитов».²⁹⁶ Позднее П.А.Харитонов согласился на командирование в главные комитеты союзов, по просьбе их же главноуполномоченных, особого представителя Государственного контроля. Ему поручили «общее наблюдение за расходами союзов из ассигнуемых казною средств».²⁹⁷ Однако и эта мера была чисто символической. В итоге расходы союзов «никакому контролю ни разу не были подвержены».²⁹⁸

Покровительство парламентаристов союзам выявилось и при решении вопроса об их легализации как самостоятельных организаций, независимых от Российского общества Красного Креста. На заседании правительства 19 августа, подразумевая устав Городского союза, министр внутренних дел Н.А.Маклаков отметил: «Устав туманный, по всеподданнейшему докладу признать организацию состоявшейся в рамках помощи раненым и больным. Нежелательно идти дальше». Начальник главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Н.Анциферов заявил: «Земцы не возбуждали легализацию, а лишь просили денег из казны. Таким образом, вопрос легализации возбужден правительством. Надо дать организацию целевого союза: совместная работа для целей городских потребностей». По вопросу о легализации союзов кабинет опережал их самих. Окончательное решение этого вопроса сформулировал А.В.Кривошеин: «Временная легализация для временных целей: только больные и раненые воины».²⁹⁹

В результате 25 августа было объявлено высочайшее повеление об образовании самостоятельного Земского союза, не подчиненного российскому Красному Кресту и пользующегося эмблемой международного Красного Креста.³⁰⁰ Аналогичный статус получил и Городской союз.

Легализация союзов содействовала росту их финансовых запросов, которые министрами удовлетворялись без проволочек. Уже 16 августа члены кабинета узнали, что Г.Е.Львов просит 101 500 000 рублей. На заседании правительства 25 августа П.Л.Барк сообщил о телеграмме В.Д.Брянского, который просил 3 000 000. Выданный П.Л.Барком аванс кабинет утвердил немедленно. Четырьмя днями позже, 29 августа, П.Л.Барк, сообщив о том, что Г.Е.Львов просит 3 000 000 рублей, заявил: «Я перевел тотчас же».³⁰¹

В демонстрировании своего расположения руководителям союзов дуалисты не отличались от парламентаристов. Так, 4 сентября В.А.Сухомлинов принял В.Д.Брянского «очень любезно» и обещал содействие, а П.Л.Барк «обнадежил» его относительно субсидии в 11 000 000 рублей. А.В.Кривошеин принял В.Д.Брянского тоже любезно и даже «либеральничал».³⁰²

Итогом массированного субсидирования союзов государством оказалось то, что с самого начала своей деятельности фактически они стали государственными структурами, числясь общественными организациями только формально. На заседании правительства 16 сентября министры говорили о том, что Г.Е.Львов «живет на счет казны». ³⁰³ К концу ноября 1914 г. выделенные Советом министров ассигнования союзам составили около 43 000 000 рублей. По сравнению с этими цифрами сумма общественных пожертвований была ничтожной. Даже к январю 1915 г. из обещанных Г.Е.Львовым еще в августе 1914 г. 12 000 000 в дело пошли только 3 000 000 рублей. ³⁰⁴

Помимо Совета министров, массированное финансирование союзов осуществляли Военное министерство и главное управление землеустройства и земледелия. Они «сыпали этим организациям десятки и сотни миллионов и тем содействовали их развитию». ³⁰⁵ Массированное финансирование казной союзов обуславливалось исключительно благожелательным отношением к общественным организациям со стороны самого царя.

Во время очередного пребывания в Москве, 10 декабря, Николай посетил 7-й передовой отряд Земского союза. ³⁰⁶ Вспоминая о своей беседе с императором, Г.Е.Львов отмечал: «Казалось, глядя на него, что он всей своей душой сочувствует нам, ценит нашу работу, совершенно готов идти с нами, с обществом». ³⁰⁷ Когда князь пожаловался Николаю на проблемы, стоявшие перед союзом, император немедленно поинтересовался: «За чем же дело стало?» «За деньгами», — сказал Г.Е.Львов. «А вы, — посоветовал Николай, — попросите в Петрограде». «Протекции нет, ваше величество», — явно прибедняясь, ответил Г.Е.Львов. «А вы, — заявил император, — сошлитесь на меня». ³⁰⁸ На массированное финансирование казной союзов Николай соглашался, несмотря на то, что оно порождало беспокойство у крайне правых. ³⁰⁹

Филантропические организации черносотенцев император и правительство не финансировали. В начале войны Главный совет «Союза русского народа», сообщив о том, что не позже 14 сентября в Петрограде откроется его лазарет, призвал все местные отделы союза последовать «сему примеру». ³¹⁰ Однако эта инициатива заглохла. Для ее развития были только частные средства.

Черносотенная печать, как и прежде, получала казенные субсидии по линии главного управления по делам печати МВД. В 1914 г. эти субсидии составили 298 364 рубля, или 31,5% от общего количества сумм, отпущенных на финансирование рептильной прессы. ³¹¹ Естественно, что на такие маленькие средства вести благотворительную деятельность, хоть отчасти сопоставимую с деятельностью Земского и Городского союзов, черносотенцы не могли.

Более внимательное отношение встретили со стороны власти не крайне правые, а консервативные либералы, националисты. На заседании правительства 21 августа 1914 г. было решено дать беспроцентную ссуду на 5 лет Юго-Западному областному комитету по оказанию помощи раненым. Он объединял земства Юго-Западного края и возглавлялся лидером думской фракции националистов П.Н.Балашевым. ³¹² Однако финансирова-

ние правительством организации П.Н.Балашева не приняло слишком заметных размеров (см. таблицу 3 в приложении). Она так и не стала серьезным конкурентом Земского и Городского союзов, хотя позднее получала казенные средства и на другие благотворительные цели. Согласно особому журналу от 10 февраля 1915 г., утвержденному царем 21 февраля, Совет министров удовлетворил ходатайство П.Н.Балашева о выделении его организации 1 000 000 рублей «для удовлетворения продовольственной нужды населения Восточной Галиции». ³¹³

На заседании кабинета 17 февраля было принято решение об отпуске П.Н.Балашеву 10 000 000 рублей «для оказания населению Восточной Галиции семенной помощи, а также для снабжения его лошадьми». ³¹⁴ Это решение царь утвердил 6 марта. ³¹⁵ С потерей не только Восточной Галиции, но и ряда районов Юго-Западного края масштабы деятельности организации П.Н.Балашева, естественно, уменьшились.

Итак, политика правительства в области финансирования благотворительных организаций была нацелена преимущественно на поддержку Земского и Городского союзов. Это доказывало, что начатая после провозглашения «священного единения» либерализация правительственного курса, сопровождавшаяся дистанцированием императора и Совета министров от черносотенцев и националистов, отличалась несомненной радикальностью. Между тем, несмотря на то, что массированное финансирование казной союзов повлекло за собой их огосударствление, псевдообщественные организации пытались дистанцироваться от администрации и приобрести положение государства в государстве. ³¹⁶

Автономия союзов от администрации нашла свое выражение в том, что ее представители не могли влиять на личный состав союзов путем утверждения их служащих, как это было в случае с остальными органами местного самоуправления. Союзы «отстояли без особенного напряжения, чтобы наших служащих, — отмечал М.В.Челноков, — не утверждать; а в городе и в земстве служащие утверждаются и представляются; до самого конца мы принимали в союз, кого хотели». ³¹⁷ Поскольку руководители союзов были лидерами оппозиции, значительную часть их подчиненных составляли представители левых партий. «Характерно, — говорилось на заседании правительства 25 ноября, — всюду забирают попечение о ранних левых партиях». ³¹⁸

Создавалась парадоксальная ситуация, при которой союзы, материально зависимые от царского правительства, постепенно переходили в открытую оппозицию к этому правительству. Данная тенденция проявилась уже в начале войны. На совещании общественных деятелей, состоявшемся 15 сентября в Москве, П.Н.Милоков, намекая на 1905 г., говорил о том, что «надо снова возродить» «общественные организации» «под флагом и на почве пособия и помощи жертвам войны». ³¹⁹ Более того, с первых дней войны у Г.Е.Львова возникла мысль «о необходимости отстранения царя от престола». ³²⁰

Вопрос о потенциальной политической опасности союзов поставил Н.А.Маклаков, который тем самым, несмотря на правизну своих воззрений, не собирался подвергать ограничению благотворительную деятель-

ность общественных организаций. «Со стороны МВД, — отмечал М.В.Челноков, — мы не встречали никакого сопротивления в деле расширения нашей деятельности на чисто военные нужды».³²¹

В записке Н.А.Маклакова от 18 ноября, обсуждавшейся Советом министров 25 ноября, указывалось на то, что союзы «определенно готовятся к той работе по переустройству общественной жизни, очередь которой должна наступить, по их мнению, после благополучного окончания войны». «За неизбежность уклонения в сторону политики, если не в настоящем, то в последующее и, несомненно, недалекое время, — подчеркивал Н.А.Маклаков, — говорит, между прочим, самый состав главных деятелей союзов, в большинстве принадлежащих к нашим оппозиционным партиям».³²² Согласно закону, градоначальники и губернаторы имели право утверждения в должности лиц, поступавших на службу в органы местного самоуправления. Поэтому Н.А.Маклаков, ради нейтрализации политической опасности общественных организаций, высказался за наделение представителей власти аналогичным правом и в отношении лиц, поступавших на службу в учреждения союзов.

Точка зрения Н.А.Маклакова была вполне правомерной. С этим соглашались даже руководители союзов. Если бы правительство, по словам М.В.Челнокова, предъявило ему требования, что «московские служащие должны представляться градоначальнику, а провинциальные губернатору», то «пришлось бы этому требованию подчиниться, по аналогии с Городовым положением».³²³ Однако министры, и прежде всего — парламентаристы, оказались либеральнее лидера оппозиции. Коллеги Н.А.Маклакова не поддержали его предложение.³²⁴ Потерпев неудачу в этом вопросе, он попытался противодействовать расширению компетенции союзов.

На заседании Совета министров 12 декабря стало известно, что покровительствовавший оппозиции верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поручил председателю Думы М.В.Родзянко со «своими земствами» заняться заготовкой для армии сапог и подков. Для выполнения возложенного на него поручения М.В.Родзянко хотел собрать под своим председательством Городской и Земский съезды.³²⁵ К этой идее И.Л.Горемыкин и А.В.Кривошеин отнеслись «сочувственно». Они обещали М.В.Родзянко «поддержать» ее в Совете министров. Против созыва съездов выступил только Н.А.Маклаков. Он заявил М.В.Родзянко, что «под видом съезда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию».³²⁶

На заседании кабинета 12 декабря по инициативе Н.А.Маклакова, к которому присоединились В.А.Сухомлинов и В.К.Саблер, предложение о созыве съездов было провалено.³²⁷ Поставку сапог министры поручили главному интенданту генералу Д.С.Шуваеву. Однако ему разрешили «входить в сношения с земствами и городами».³²⁸ Решение правительства создало предпосылки для сотрудничества правительства и оппозиции в области снабжения армии. На заседании кабинета 10 января 1915 г. министр торговли и промышленности С.И.Тимашев отметил, что Д.С.Шуваев «широко использовал общественный почин».³²⁹

Лидеры оппозиции и парламентаристы не оставили намерения добиться еще большего расширения компетенции союзов. Именно в конце 1914 г.

один из лидеров Городского союза Д.В.Сироткин выдвинул план, который подразумевал привлечение общественности не только к благотворительности, но и к снабжению армии. По мнению Д.В.Сироткина, для организации снабжения надлежало создать Центральный совет под председательством А.В.Кривошеина. В совет вошли бы такие деятели, как Г.А.Крестовников, Г.Е.Львов и П.П.Рябушинский. М.В.Челноков полагал, что правительство «никогда не согласится» на осуществление плана Д.В.Сироткина, так как Центральный совет «приобрел бы характер кабинета, составленного из общественных деятелей». Тем не менее, когда 26 декабря А.В.Кривошеин принял М.В.Челнокова и Д.В.Сироткина, то «нашел весьма желательным организацию дела снабжения армии сапогами через общественных деятелей». Фактический премьер посоветовал переговорить об этом с П.А.Харитоновым. У него руководители Городского союза встретили «довольно холодный, но, в общем, благосклонный прием». От П.А.Харитонova они поехали к В.А.Сухомлинову. Генерал объявил, что «ничего» без главного интенданта Д.С.Шуваева, своего «личного друга», «ни решать, ни делать не будет».³³⁰

Парламентаристы учли предложение Д.В.Сироткина (см. таблицу 2 приложения). Под влиянием его плана, в начале 1915 г. А.В.Кривошеин предусматривал создание комитетов военных заготовок, по продовольствию страны и армии и по снабжению топливом. Председателем первого комитета намечался князь В.М.Волконский либо А.В.Кривошеин. Запасным кандидатом на этот пост являлся Н.И.Гучков. Товарищем председателя первого комитета должен был стать преподаватель Николаевской инженерной академии генерал В.Л.Колонтай. В председатели второго комитета выдвигался Г.Е.Львов. В его товарищи прочились начальник переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия Г.В.Глинка, член совета главноуправляющего землеустройством и земледелием С.Н.Ленин и член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов. Председателем третьего комитета намечался М.В.Челноков.

Председатели комитетов вошли бы в кабинет на правах министров без портфелей. Комитеты стали прототипами Особых совещаний по усилению снабжения действующей армии, продовольствию и топливу. Первое было создано в мае, а два других — возникли в августе 1915 г. Но уже в начале этого года правительство разрешило всероссийский съезд Городского союза. Не желая раздражать оппозицию, Совет министров устранился от контроля ее деятельности в области благотворительности. Когда на заседании кабинета 31 января 1915 г. Н.А.Маклаков сообщил, что на собирающийся 15 февраля в Москве съезд необходимо командировать особого представителя МВД, министры решили: «Не стоит на них обращать внимание. Пусть собираются и никого им не посылать».³³¹

Однако оппозиционные взгляды, разделявшиеся многими членами союзов, заставляли даже сановников, относившихся к ним положительно, беспокоиться относительно их потенциальной политической опасности. Характерна в этой связи точка зрения Н.И.Туган-Барановского.³³²

Во всем ее объеме проблема политической опасности союзов возникла перед министрами 27 февраля. Тогда на заседании правительства наказ-

ной атаман Войска Донского генерал В.И.Покотило сообщил о том, что в одном из донских лазаретов Земского союза его заведующий «ведет агитацию». Причиной такой ситуации генерал выставил политику союзного руководства: «Поговоришь со Львовым — такой хороший, что жаль с ним расстаться. Двучинный фарисей. Каков поп — таков и приход. Одно сплошное фарисейство — весь этот союз». Выходом из положения В.И.Покотило считал наделение наказного атамана правом на то, чтобы все назначения в учреждения Земского союза происходили бы только с его согласия. Предложение генерала поддержали Н.А.Маклаков и, с оговорками, В.К.Саблер. Остальные дуалисты (И.Л.Горемыкин, С.В.Рухлов и И.Г.Щегловитов) и парламентаристы (П.Л.Барк, граф П.Н.Игнатъев, А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, П.А.Харитонов и князь В.Н.Шаховской) выступили категорически против наделения атамана просимыми им полномочиями.³³³

Отказ министров от установления контроля над личным составом союзов объяснялся не только их нежеланием вызвать у общества раздражение, но и принципиальной позицией Николая. Он, как и в начале войны, продолжал демонстрировать по отношению к союзам явное расположение. Во время состоявшейся 26 марта встречи царя с Г.Е.Львовым Николай «горячо жал» ему руку, благодарил его и «совершенно обнадеживал».³³⁴

Даже накануне перехода общественных организаций в открытую оппозицию наблюдалось уклонение правительства от какого-либо вмешательства в их деятельность. На заседании кабинета 19 мая министр торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской сообщил, что открывающийся 26 мая 9-й съезд представителей промышленности и торговли «собирается по действующему положению», а потому его программа не утверждается. Министры сообщение князя только приняли «к сведению». И.Л.Горемыкин же заметил: «Поболтают и разъедутся».³³⁵ Между тем участники съезда не только потребовали немедленного созыва Думы, но и говорили об образовании «ответственного министерства».³³⁶

Впервые за время войны вопрос о введении парламентаризма был поднят недвусмысленно и публично. Правительство, однако, реагировать на это не стало. Только В.Н.Шаховской по поручению И.Л.Горемыкина переговорил с председателем съезда Н.С.Авдаковым, заявив ему, что съезд уклонился «в политическую сторону». На это собеседник министра выразил «полное согласие».³³⁷

Переход в открытую оппозицию Земского и Городского союзов под лозунгом установления парламентаризма состоялся на их съездах, заседавших 5–6 июня в Москве. Политические силы, вызванные к жизни А.В.Кривошеиным и его единомышленниками, начинали выходить из-под контроля их создателей, что, в общем-то, неудивительно. Для некоторых лидеров союзов парламентаризм являлся лишь этапом на пути к свержению Николая. В июне на совещании у А.И.Коновалова мысль «о необходимости отстранения царя от престола» впервые была высказана М.М.Федоровым «более конкретно».³³⁸ Мысль эта встретила сочувствие.

В середине июня начальник дворцовой охраны генерал А.И.Спиродович получил из Москвы письма, в которых говорилось о том, что состоявшееся там совещание представителей земств и городов «вынесло

постановление добиваться устранения государя от вмешательства в дела войны и даже верховного управления, об учреждении диктатуры или регентства в лице великого князя Николая Николаевича».³³⁹ Резкую радикализацию своей позиции общественные деятели объясняли тем, что первым на нарушение «священного единения» пошло правительство. Но этому противоречит информация таблицы 3 приложения. Благодаря массивному финансированию правительством Земского союза к 26 июня 1915 г. он получил от казны 72 241 050 рублей. Начиная с августа 1914 г. в среднем ему выделялось около 6 000 000 в месяц.³⁴⁰

Очевидно, что правительство было нацелено на самое тесное сотрудничество с общественностью в области благотворительности. Более того, согласившись на создание в июне Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и системы его местных учреждений, правительство допустило широкое участие общественности и в области снабжения армии.³⁴¹ Эффект от этого не мог оказаться особенно большим. Почти вся крупная промышленность была уже мобилизована. По свидетельству независимого эксперта, «в крупном» комитеты «помочь не могли», ибо все крупные заводы «уже работали на оборону».³⁴²

Вместо мобилизации крупной промышленности, сотрудничавшей непосредственно с государством, ЦВПК объединил «среднюю и мелкую промышленность».³⁴³ Из-за маломощности предприятий, подведомственных ЦВПК, его деятельность имела второстепенное значение. Она «не касалась важнейших боевых средств обороны, сосредоточиваясь главным образом на обзоне и санитарном имуществе, седлах, подковах».³⁴⁴ Тем не менее правительство в политических целях поставило комитеты на первое место. Оно «искусственно» «поддерживало авторитет ЦВПК», который превратился «как бы во вспомогательный отдел Военного министерства».³⁴⁵ Покровительство правительства ЦВПК было вызвано тем, что 13 июня во главе Военного министерства вместо дуалиста В.А.Сухомлинова оказался парламентарист А.А.Поливанов. Новый член кабинета являлся давним другом одного из руководителей ЦВПК — А.И.Гучкова. Между ним и А.А.Поливановым возникло «самое тесное сотрудничество».³⁴⁶

Комитеты получили большие привилегии, в частности — права на отсрочки и реквизиции. Но самое главное — в их распоряжение потекли казенные суммы на субсидии и авансы. Так, уже в течение июня—июля ЦВПК и другим комитетам казна выделила 10 450 000 рублей.³⁴⁷ Несмотря на то, что комитеты с начала своей деятельности фактически были государственными организациями, они, как и союзы, стали оплотами оппозиции. Благодаря парламентаристам руководство комитетами перешло от представителей промышленности к политическим деятелям «резко противоправительственно направленного».³⁴⁸ А.И.Гучков имел заслуженную репутацию сторонника свержения Николая.³⁴⁹ Тем не менее А.А.Поливанов не препятствовал избранию в конце июля именно А.И.Гучкова председателем ЦВПК. Проведению этой кандидатуры способствовала не только поддержка парламентаристов, но и неоднозначная позиция Николая.

Хотя царь и подозревал А.И.Гучкова в подготовке переворота, но, выказывая благожелательное отношение к лидеру октябристов, награждал его

15 мая 1915 г., за труды по Красному Кресту, чином действительного статского советника.³⁵⁰ Доводы в пользу появления А.И.Гучкова во главе ЦВПК выдвинул обер-егермейстер И.П.Балашев. В письме Николаю от 23 июля, выступая за назначение А.И.Гучкова руководителем особого ведомства снабжения армии, И.П.Балашев советовал «устранять личные симпатии или антипатии».³⁵¹

Содействие царя и правительства созданию ЦВПК было вызвано не функциональной, а политической целесообразностью, поскольку дало продемонстрировать углубление «священного единения». Продемонстрировать это позволило и образование 10 июля Главного комитета Земского и Городского союзов по снабжению армии (Земгора).³⁵² Как и ЦВПК, Земгор уже в начале своего функционирования отличался неэффективностью. При распределении заказов союзы сотрудничали не с крупными заводами, производившими пушки и снаряды, а «преимущественно с предприятиями мелкой, часто кустарной, и средней промышленности».³⁵³ Поэтому еще до образования Земгора, по ходатайству Г.Е.Львова, Земскому союзу для постройки снарядного завода казной были отпущены 5 000 000 рублей.³⁵⁴

Соглашаясь на создание, в дополнение к союзам, ЦВПК и Земгора, парламентаристы тем самым имели целью расширение массовой базы своей политики. Цель эту преследовал и организованный 2 июля раут у нового руководителя МВД князя Н.Б.Щербатова. На рауте присутствовали все министры с И.Л.Горемыкиным во главе, председатели Думы и Государственного совета, а также чины МВД. Большинство приглашенных составляли председатели губернских земских управ, т.е. члены Земского союза. Во время этого мероприятия было заметно желание правительства «идти рука об руку с общественными элементами и некоторое заигрывание с ними».³⁵⁵ Благожелательные жесты власти не помогли сохранению контроля парламентаристов над оппозицией.

Созванный с разрешения правительства Союзом городов всероссийский съезд по вопросу о дороговизне и о снабжении армии, проходивший в Москве 11–13 июля, способствовал дальнейшей радикализации оппозиции. Накануне Н.Б.Щербатов попросил М.В.Челнокова не допускать к обсуждению на съезде «вопросов об изменении состава русского правительства».³⁵⁶ Но резолюция съезда требовала, чтобы «правительство состояло из лиц, пользующихся доверием страны».³⁵⁷

После начала 19 июля сессии Думы туда переместилась и главная арена борьбы оппозиции за введение парламентаризма. Несмотря на то, что общественные организации в этой борьбе стали опорой Думы, парламентаристы по-прежнему оказывали им активную поддержку, доказывая, что у оппозиционеров и парламентаристов одна и та же цель. Исключительно благодаря А.В.Кривошеину³⁵⁸ и А.А.Поливанову³⁵⁹ А.И.Гучков добился утверждения правительством «Положения о военно-промышленных комитетах». На заседании кабинета 4 августа, которое происходило в присутствии А.И.Гучкова, положение «возражений не встретило».³⁶⁰ Правительство одобрило его «для примирения с общественностью».³⁶¹ Николай согласился с министрами 27 августа.³⁶² В дополнение к этому ЦВПК и другие комитеты получили от казны 13 400 000 рублей.³⁶³

Политическую солидарность оппозиционеров и парламентаристов показала реакция последних на поддержку Прогрессивного блока органами самоуправления. Решение об организации этой поддержки было принято 16 августа в Москве участниками совещания у А.И.Коновалова. Они обсудили идею «создания повсеместной агитации в целях поддержки программы Прогрессивного блока».³⁶⁴ А.В.Кривошеин узнал о результатах совещания уже в день его проведения. В.В.Мусин-Пушкин сообщил фактическому премьеру 16 августа, со слов товарища председателя Государственной думы С.Т.Варун-Секрета, что в Москве «было постановлено в один день во всех городских думах поднять вопрос о смене правительства, за этим может пойти и улица и быть забастовка».³⁶⁵ Первой поручили выступить московской городской думе. Н.Б.Щербатов потребовал от администрации столицы не допускать постановки думой вопроса о «министерстве доверия». На заседании правительства 18 августа он заметил: «Боюсь, что сделают это самочинно. Как тогда реагировать?» Однако в итоге министры «никаких мер» не наметили.³⁶⁶ Тем временем, пока министры рассуждали, московская дума приняла 19 августа резолюцию о создании вместо кабинета И.Л.Горемыкина «правительства, сильного доверием общества» и возглавляемого лицом, которому «верит страна».³⁶⁷

Содержание резолюции М.В.Челноков сообщил императору по телеграфу. На заседании правительства 21 августа, выполняя волю Николая, министры обсуждали проект его ответной телеграммы. Почти все члены кабинета, кроме двух дуалистов (И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова), выступили за удовлетворение требований московской думы. Проект ответа министры поручили составить исправлявшему должность обер-прокурора Синода А.Д.Самарину. Самаринский проект, составленный в духе полной солидарности с оппозицией, был одобрен кабинетом, а затем утвержден императором.³⁶⁸

Отправка телеграммы свидетельствовала о том, что Николай, как и парламентаристы, стремился к соглашению с оппозицией, хотя, в отличие от них, условием такого соглашения считал не введение парламентаризма, а сохранение дуалистической системы. Впрочем, это не мешало парламентаристам оказывать активное содействие оппозиции, в частности — по вопросу об учреждении внутри ЦВПК и других комитетов рабочих групп, которые состояли бы из представителей пролетариата. С помощью групп руководители ЦВПК А.И.Коновалов и М.И.Терещенко хотели использовать рабочее движение для достижения целей оппозиции. Они «мечтали создать “пролетарскую армию” под своей командой, чтобы ее усилиями заставить правительство пойти на уступки Думе».³⁶⁹

Понимая, что создание групп усилит оппозицию, даже парламентаристы были не склонны соглашаться на это сразу. Сообщив кабинету 24 августа о решении ЦВПК организовать выборы в Рабочую группу, Н.Б.Щербатов заявил: «С формальной стороны это постановление основано на чрезмерно распространительном толковании Положения о Комитете». Сомнения Н.Б.Щербатова развеял А.А.Поливанов, который заметил: «Но нельзя же отрицать, что без содействия рабочих никакая мобилизация промышленности не осуществима».³⁷⁰ Следовательно, бла-

годаря поддержке парламентаристов замыслы оппозиционеров получили почти беспрепятственное воплощение.

4. «Пора действовать». Парламентаристы и Ставка Николая Николаевича (июль 1914 – август 1915 г.)

Влияние парламентаристов на внутривластную ситуацию многократно усиливалось тем, что их союзницей была Ставка верховного главнокомандующего, находившаяся в Барановичах.³⁷¹ За дальнейшую либерализацию правительственного курса верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич выступал не только потому, что видел в этом условие победы, но и в силу своих убеждений. Николай Николаевич, будучи вне всяких партий, в то же время сочувствовал не консервативным, а либеральным идеям. Именно поэтому великий князь ориентировался на Думу и оппозицию.³⁷²

Продумская ориентация Николая Николаевича усилилась еще более с началом войны.³⁷³ Великий князь поддержал ходатайство М.В.Родзянко о создании должности верховного начальника санитарной и эвакуационной части.³⁷⁴ Царь назначил на новую должность 3 сентября 1914 г. принца А.П.Ольденбургского. Благодаря продумской ориентации верховного он имел огромный авторитет у думцев и оппозиционеров.³⁷⁵

Ближайшие сотрудники Николая Николаевича принадлежали к числу его политических единомышленников. У начальника Штаба Ставки генерала Н.Н.Янушкевича расхождений с великим князем «не было никогда».³⁷⁶ Генерал-квартирмейстер Ю.Н.Данилов являлся убежденным парламентаристом.³⁷⁷ Посредничество между Ставкой и министрами-парламентаристами осуществлял начальник военно-походной канцелярии царя генерал князь В.Н.Орлов. Он был известен как личный друг великого князя и его «вдохновитель».³⁷⁸

Политические планы Николая Николаевича и В.Н.Орлова шли вплоть до парламентаризации верховного управления. Предпосылку этого они видели в удалении от императора Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Ту же точку зрения разделяли жена великого князя Анастасия Николаевна и ее сестра Милица Николаевна (жена его брата – Петра Николаевича).³⁷⁹

Популярности Николая Николаевича у оппозиции способствовало участие верховного в разрешении польского вопроса.³⁸⁰ Воззвание великого князя к полякам от 1 августа содержало обещание создать объединенную и автономную Польшу. К составлению воззвания Николай Николаевич никакого касательства не имел. Его написал находившийся в Петербурге посланник в Сербию князь Г.Н.Трубецкой и отредактировали А.В.Кривошеин и С.Д.Сазонов.³⁸¹

Планы парламентаристов относительно Польши поддерживал И.Л.Горемыкин.³⁸² Оппонентами парламентаристов были Н.А.Маклаков и И.Г.Щегловитов. Уже на заседании правительства 3 августа они заявили, что «слишком много обещано полякам в воззвании».³⁸³ Ставка встала на сторону парламентаристов. В конце августа через Н.Н.Янушкевича великий князь довел до сведения И.Л.Горемыкина, что «ныне наступило время дать полякам

некоторые положительные заверения относительно предположенных им «ступок».³⁸⁴ Непримируемая позиция руководителя МВД по польскому вопросу подвигнула Николая Николаевича, А.В.Кривошеина и В.Н.Орлова принять более активное участие в интриге, нацеленной на замену Н.А.Маклакова кандидатом, который бы пользовался доверием оппозиции. В этом направлении Ставка и парламентаристы действовали, принимая во внимание не только собственные планы, но и пожелания Думы.³⁸⁵

Первоначально, еще с весны 1914 г., наиболее желательным кандидатом на пост министра внутренних дел В.Н.Орлову виделся князь В.М.Волконский.³⁸⁶ А.В.Кривошеин в руководители МВД прочил своего сотрудника – товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием графа П.Н.Игнатьева. После оккупации Россией Галиции А.В.Кривошеин решил, что промежуточным этапом на пути П.Н.Игнатьева к посту министра внутренних дел будет назначение графа начальником гражданского управления на захваченной территории.

В середине сентября у А.В.Кривошеина появился союзник в деле подготовки назначения П.Н.Игнатьева – Милица Николаевна. Будучи дочерью черногорского короля, она попросила А.В.Кривошеина поддержать ходатайство Черногории об оказании ей Россией военной помощи.³⁸⁷ А.В.Кривошеин обусловил поддержку просьбы Милицы поддержкой комбинации с П.Н.Игнатьевым. Великая княгиня составила для верховного специальную записку. В ней мотивировалась необходимость назначения П.Н.Игнатьева помощником по гражданской части генерал-губернатора Галиции графа Г.А.Бобринского.³⁸⁸

А.В.Кривошеин хотел большего – назначения П.Н.Игнатьева в помощь не Г.А.Бобринскому, а самому Николаю Николаевичу.³⁸⁹ Но великий князь был против любого ограничения сферы своей компетенции деятельностью высокопоставленных гражданских лиц.³⁹⁰ Одновременно верховный поддерживал интригу против Н.А.Маклакова. Осенью министр внутренних дел оппонировал парламентаристам не только по польскому вопросу, но и по другим острым вопросам. Поэтому его положение в кабинете стало чрезвычайно шатким.³⁹¹

На борьбу с Н.А.Маклаковым парламентаристов подталкивали лидеры оппозиции, в том числе член фракции октябристов А.И.Звегинцев.³⁹² В.Н.Орлов допускал возможность назначения руководителем МВД П.Н.Игнатьева. В преемники графу В.Н.Орлов рекомендовал А.В.Кривошеину главноуправляющего коннозаводством и выборного члена Государственного совета князя Н.Б.Щербатова.³⁹³ Впрочем, уже 29 октября вместо П.Н.Игнатьева В.Н.Орлов предложил А.Д.Самарина, московского губернского предводителя дворянства и назначенного члена верхней палаты.³⁹⁴

Между тем, выполняя просьбу Николая Николаевича, в конце октября – начале ноября Совет министров обсудил возможные способы осуществления воззвания великого князя к полякам. Правительство пришло к выводу, что в состав будущего «Польского края» должны войти губернии варшавского генерал-губернаторства и польские земли, принадлежавшие Австро-Венгрии и Германии. Границы возрожденной Польши предполагалось определять «этнографическим признаком». В благопри-

ятном для поляков смысле министры рассмотрели такие вопросы, как свобода вероисповедания в Польше, употребление в ней русского и польского языков и организация местного управления и самоуправления.³⁹⁵ При этом кабинет учитывал пожелания оппозиционеров.³⁹⁶

Самым активным противником немедленных уступок полякам являлся Н.А.Маклаков. На заседании правительства 15 ноября по поводу польского вопроса произошел «инцидент тяжелый» между ним и А.В.Кривошеиным.³⁹⁷ Н.А.Маклаков присоединился к дуалистам И.Г.Щегловитову и заместителю смертельно больного Л.А.Кассо, товарищу министра народного просвещения барону М.А.Таубе, которые заявили особое мнение. Дуалисты находили разрешение польского вопроса «преждевременным» и «подлежащим обсуждению лишь по окончании войны и по удовлетворении всех других, более важных задач». Такими задачами они считали: исправление русско-германской границы с присоединением к России Восточной Пруссии, присоединение к России земель Австро-Венгрии, населенных «русскою народностью», осуществление «исторических задач» России в Черном море и «действительное внутреннее ослабление Германии».³⁹⁸

Уступки, сделанные полякам, дуалисты находили слишком большими, а парламентаристы — явно недостаточными.³⁹⁹ Царь, будучи в Ставке 19 ноября,⁴⁰⁰ передал меморию Совета министров по польскому вопросу великому князю. Верховный поддержал парламентаристов. Он, сообщил 22 ноября Н.Н.Янушкевич И.Л.Горемыкину, разделил «высказанные Советом министров соображения».⁴⁰¹ На заседании кабинета 25 ноября была оглашена телеграмма Н.Н.Янушкевича о том, что дальнейшая разработка польского вопроса «будет иметь законодательный характер».⁴⁰²

Политическая солидарность парламентаристов и Ставки проявилась и по вопросу об увольнении тех представителей администрации варшавского генерал-губернаторства, которые не пользовались доверием польского общества. Благодаря усилиям А.В.Кривошеина и Н.Н.Янушкевича 2 декабря получили отставку помощники варшавского генерал-губернатора по гражданской части — А.О. фон Эссен, назначенный сенатором, и по полицейской части — генерал Л.К.Утгоф, замененный начальником Петроградского губернского жандармского управления генералом М.Я.Клыкковым.⁴⁰³

Парламентаристы и Ставка действовали солидарно и при решении вопроса о порядке предания суду пяти большевиков, являвшихся членами социал-демократической фракции Думы. На заседаниях кабинета 7 и 14 ноября министры говорили об аресте пяти депутатов по обвинению в «ниспровержении существующего строя».⁴⁰⁴ И.Г.Щегловитов настаивал на осуждении депутатов по законам военного времени, т.е. на предании их военному суду. Это могло привести к суровому приговору, в том числе — смертной казни. А.В.Кривошеин и Н.Н.Янушкевич выступили против И.Г.Щегловитова.⁴⁰⁵ Парламентаристов поддержал товарищ министра внутренних дел генерал В.Ф.Джунковский.⁴⁰⁶ Верховный главнокомандующий согласился с мнением В.Ф.Джунковского и отказался от идеи военного суда. На заседании правительства 5 декабря И.Г.Щегловитов сообщил, что верховный приказал передать дело депутатов гражданскому суду. Несмотря на

это, министр юстиции оспорил решение Ставки. Другие министры решили «ждать ответа» Н.Н.Янушкевича.⁴⁰⁷ Начальник штаба присоединился к парламентаристам. Тем самым предание пяти депутатов военному суду было окончательно предотвращено. В то же время парламентаристы выступали против полного помилования большевиков.⁴⁰⁸ В феврале 1915 г. гражданский суд рассматривал дело депутатов как обычное политическое дело. Это предопределило сравнительно мягкое наказание. Депутатов осудили на поселение в Сибирь и лишение всех прав.

Политическую солидарность парламентаристов и Ставки закрепило декабрьское пребывание монарха в Барановичах. Официально его целью было решение вопроса о назначении варшавского генерал-губернатора. Данный вопрос рассматривался 14 декабря на совещании царя с И.Л.Горемыкиным, Николаем Николаевичем и Н.Н.Янушкевичем.⁴⁰⁹ Премьер выдвинул кандидатуру назначенного члена Государственного совета генерала А.А.Поливанова.⁴¹⁰ Великий князь поддержал кандидатуру начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала князя П.Н.Енгальчева. Влияние верховного пересилило.⁴¹¹ Варшавским генерал-губернатором 23 декабря был назначен П.Н.Енгальчев. Его помощником по гражданской части 28 декабря стал товарищ главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя Д.Н.Любимов. По требованию Н.Н.Янушкевича Д.Н.Любимов получил уже 29 декабря звание сенатора, а 19 января 1915 г. варшавский губернатор барон С.Н.Корф был уволен в Сенат.⁴¹² Его преемником оказался костромской губернатор П.П.Стремоухов.

Во время декабрьского пребывания Николая в Барановичах верховный попытался нанести удар по Г.Е.Распутину. Он сообщил императору о «порочных наклонностях» старца и выступил за его «удаление из Петрограда».⁴¹³ Параллельно И.Л.Горемыкин, князь М.М.Андроников и В.Н.Орлов действовали против военного министра генерала В.А.Сухомлинова. Великий князь также являлся противником В.А.Сухомлинова.⁴¹⁴

Первоочередные планы парламентаристов и Ставки подразумевали замену Н.А.Маклакова А.Д.Самариным, назначение министром просвещения, за смертью Л.А.Кассо, П.Н.Игнатьева и товарищем главноуправляющего землеустройством, вместо графа, — Н.Б.Щербатова. Информирова премьеру 16 декабря о шагах, предпринятых им накануне, В.Н.Орлов писал, что «почву всю подготовил и про все комбинации подробно доложил его величеству».⁴¹⁵ Беседа В.Н.Орлова с императором о комбинациях состоялась 15 либо 16 декабря. Тогда Николай, судя по его дневнику, играл в кости. Постоянным партнером царя по этой игре бывал именно В.Н.Орлов.⁴¹⁶ Он информировал И.Л.Горемыкина 16 декабря, что «имя Самарина» принято монархом «еще более» «хорошо». Заканчивая свое письмо, князь отмечал: «Дело слишком серьезно, вопрос идет о спасении государя и России, и надо пока помолчать до Вашего доклада».⁴¹⁷

Беседа Николая с премьером по поводу нового министра внутренних дел, по-видимому, имела место 27 декабря⁴¹⁸. Сразу после беседы, сообщил В.Н.Орлов Николаю Николаевичу 30 декабря, И.Л.Горемыкин известил В.Н.Орлова, что «государь в этот раз был совершенно подготовлен к

его докладу мною и что вопрос об уходе Маклакова решен; государь почему-то сказал Ивану Логгиновичу, что это можно будет сделать к 15-му января. Причину этого промедления ни я, ни он не понимаем, да оно и неважно — лишь бы это было бы сделано до созыва Думы». Очерчивая круг участников антимаклаковской интриги, В.Н. Орлов писал, что о ней «знают теперь только государь, Ваше высочество, Горемыкин, Кривошеин и я. И больше никто». ⁴¹⁹ Секрета соблюсти не удалось. ⁴²⁰ Утечка информации привела к тому, что усилия участников антимаклаковской интриги увенчались успехом наполовину.

В начале января 1915 г. П.Н. Игнатьев получил Министерство народного просвещения, Н.А. Маклаков же — остался на своем посту. Между тем именно в начале января вопрос о гражданском управлении завоеванными территориями как будто бы сдвинулся с мертвой точки. Более того, кандидатура П.Н. Игнатьева на пост заведующего гражданской частью котировалась даже в мае. ⁴²¹ Но после проведения графа в министры А.В. Кривошеин уже не проявлял инициативы относительно назначения П.Н. Игнатьева в Галицию. Победе Н.А. Маклакова содействовал ... М.В. Родзянко. Во время встречи с императором, состоявшейся до январской сессии Думы, ее председатель обвинил министра внутренних дел в «неосновательных подозрениях против земств». ⁴²² Увольнение Н.А. Маклакова выглядело бы как результат влияния Думы на управление, т.е. как парламентарный прецедент. Николай сохранил МВД за Н.А. Маклаковым и назначил его 21 января присутствующим членом Государственного совета. Подобное совмещение постов допускалось по отношению к сановникам, пользовавшимся особой монаршей милостью. ⁴²³

Победа Н.А. Маклакова только раззадорила парламентаристов и Ставку. Перспективы его пребывания во главе МВД они расценивали весьма пессимистически. В письме Н.Н. Янушкевичу от 2 апреля В.Н. Орлов констатировал, что «мы идем быстрыми шагами к революции общей, грозной и более сильной, чем 1906 г.». ⁴²⁴ Предотвратить революцию парламентаристы и Ставка планировали путем не только кадровых перемен, но и радикальных реформ. Одна из них имела в виду льготное наделение, по окончании войны, награжденных и раненых солдат участками земли, отобранными у подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции и немецких колонистов.

Инициатором земельной реформы был император. ⁴²⁵ На заседании Совета министров 3 марта вопрос о наделении солдат землей поднял А.В. Кривошеин. Его поддержали не только парламентаристы, но и дуалисты — обер-прокурор Синода В.К. Саблер ⁴²⁶ и В.А. Сухомлинов. ⁴²⁷ Начинание парламентаристов получило одобрение Ставки. ⁴²⁸ Именно в Барановичах император, А.В. Кривошеин, Николай Николаевич и Н.Н. Янушкевич обсудили 8 апреля принципы будущей земельной реформы. ⁴²⁹ На заседании правительства 17 апреля вопрос о наделении солдат землей рассматривался снова. Царская резолюция по этому поводу гласила: «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса наладить теперь же подготовку зе-

мель казенных». ⁴³⁰ Тем самым фактически были созданы предпосылки для разрешения земельного вопроса на основе принудительного отчуждения частной собственности.

В ходе весеннего отступления русской армии получила дополнительный стимул борьба парламентаристов и Ставки за привлечение общественных сил к артиллерийскому снабжению армии. С 1 января 1915 г. артиллерийским снабжением ведала созданная по инициативе Николая Николаевича Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части. Ставка хотела видеть во главе комиссии коменданта кронштадтской крепости генерала А.А. Маниковского. Однако царь назначил ее председателем великого князя Сергея Михайловича, а А.А. Маниковского — его помощником. Комиссия работала автономно от Военного министерства. В.А. Сухомлинов намеревался взяться за артиллерийское снабжение сам и поручить организацию сотрудничества своего министерства и общественности на этом поприще управляющему отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В.П. Литвинову-Фалинскому. ⁴³¹

Позиции В.П. Литвинова были сильны не только в столице, но и в Ставке. Ему «покровительствовал» В.Н. Орлов. ⁴³² Именно в Ставке возникла идея назначить В.П. Литвинова третьим товарищем министра торговли и промышленности, который имел бы широкие полномочия в области привлечения общественности к артиллерийскому снабжению. По представлению великого князя Николай согласился с этой идеей. ⁴³³ На заседании правительства 6 марта стало известно о рескрипте верховного премьера. В рескрипте говорилось о создании третьей должности товарища министра «для объединения торговли и промышленности и частных заводов в целях обороны». Он должен был получить право на участие в заседаниях кабинета. Министры решили запросить о целесообразности этого управляющего Министерством торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского. ⁴³⁴ В том, что идея создания новой должности возникла помимо него, князь усмотрел покушение на свои права. Поэтому он выступил не только против этой идеи, но и за увольнение В.П. Литвинова. Демарш В.Н. Шаховского закончился успехом. ⁴³⁵ Тем не менее В.А. Сухомлинов не хотел отказываться от услуг В.П. Литвинова. ⁴³⁶

Военный министр высказался за образование при Военном министерстве Особого совещания по усилению снабжения действующей армии. Параллельно в пользу образования совещания действовал М.В. Родзянко. Во время встречи с царем, состоявшейся 12 мая в Ставке, ⁴³⁷ председатель Думы поддержал идею В.А. Сухомлинова. Фактически Особое совещание возникло благодаря именно военному министру. ⁴³⁸ Однако, видя в нем конкурента, М.В. Родзянко попросил Николая уволить не только Н.А. Маклакова и неугодных оппозиции дуалистов — И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера, но и самого В.А. Сухомлинова. ⁴³⁹ Согласию Николая на образование Особого совещания способствовал верховный. ⁴⁴⁰

В июне Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части была ликвидирована, Сергей Михайлович уволен, а А.А. Маниковский — назначен начальником Главного артиллерийского управления Военного министерства. Впрочем, в июне внимание парламентаристов и Ставки

занимала не столько война, сколько внутренняя политика.⁴⁴¹ Указав на то, что «грозная туча революции надвигается быстрыми шагами», В.Н. Орлов писал Н.Н. Янушкевичу 2 июня, объясняя неизбежность уступок Думе: «Пора действовать — думские фракции понемногу съезжаются “in corpore” [вместе. — С.К.], и, может быть, не в далеком будущем они силою посадят Родзянко на председательское кресло... Тогда будет поздно уступать, тогда потребуют большего, и много большего. Разум говорит: сейчас надо бросить им кость, надо удалить хотя бы Маклакова и Щегловитова — и это одно даст успокоение; можно будет созвать Думу».⁴⁴²

Решающее значение для дальнейшей либерализации правительственного курса имела июньская поездка А.В. Кривошеина в Барановичи. Она была оформлена как чисто деловая, а не политическая акция.⁴⁴³ Пока готовилась поездка, произошла замена Н.А. Маклакова Н.Б. Щербатовым. В ходе июньских переговоров А.В. Кривошеина и Николая Николаевича они запланировали отставки В.А. Сухомлинова, В.К. Саблера и И.Г. Щегловитова⁴⁴⁴ и назначения вместо них генерала А.А. Поливанова, А.Д. Самарина и А.А. Хвостова.⁴⁴⁵

На заседании кабинета, состоявшемся 14 июня в Барановичах с участием Николая Николаевича и Н.Н. Янушкевича, министры попросили великого князя ознакомиться с проектом царского рескрипта о созыве Думы. Верховный внес в проект «несколько метких редакционных замечаний».⁴⁴⁶ Согласие царя с парламентаристами по вопросам об обновлении кабинета и созыве Думы предопределила поддержка, оказанная планам А.В. Кривошеина со стороны Ставки.

Для великого князя и В.Н. Орлова, как и для парламентаристов, июньские уступки оппозиции были шагами на пути к парламентаризации верховного управления. Беседуя с Николаем в июне, верховный просил его дать «ответственное министерство».⁴⁴⁷ Препградой этому Ставка считала Александру Федоровну и Г.Е. Распутина. Летом верховный и В.Н. Орлов неоднократно высказывались относительно того, что «императрица — виновница всех неурядиц и что единственное средство, чтобы избежать больших несчастий, — заточить ее в монастырь».⁴⁴⁸ Подобные взгляды разделяли и лидеры оппозиции. В.Н. Орлов поддерживал контакты с ними через И.П. Демидова, члена кадетской фракции Думы и уполномоченного Земского союза.⁴⁴⁹

В середине июня слухи «о заключении императрицы Александры Федоровны в монастырь», исполнение которых «связывалось» со Ставкой и В.Н. Орловым, дошли до Царского Села.⁴⁵⁰ Несмотря на слухи, во второй половине июня Николай действовал совместно с верховным. Это показало назначение А.Д. Самарина, вопреки мнению царицы и старца, обер-прокурором Синода.

Накануне назначения, 20 июня, в Ставке произошла встреча Николая с А.Д. Самариним. Перед нею В.Н. Орлов и флигель-адъютант граф Д.С. Шереметев упрасивали А.Д. Самарина не отказываться от назначения. Собеседники говорили ему о влиянии Г.Е. Распутина при дворе и о том, что есть признаки, будто царь «желает освободиться от этого влияния». «Необходимо, — полагали В.Н. Орлов и Д.С. Шереметев, — его под-

держать в этом». Беседуя с Николаем, принятие поста обер-прокурора А.Д. Самарин обусловил разрывом императора с Г.Е. Распутиным. «Послушайте, Самарин, — поинтересовался после его обличений Николай, — ведь вы признаете ее величество и меня людьми верующими?» А.Д. Самарин дал утвердительный ответ. «Как же мы, — спросил император, — могли бы допустить возле себя человека такого, каким Вы изображали Распутина?»⁴⁵¹ Николай заявил А.Д. Самарину, что «роздаки» о старце «придуманы врагами престола».⁴⁵² Видя, что А.Д. Самарина не переубедить, Николай разволновался. На глазах у него показались слезы. Тем не менее Николай согласился выслать Г.Е. Распутина из Петрограда.⁴⁵³

Вслед за А.Д. Самариним о Г.Е. Распутине «очень решительно» говорил императору министр двора граф В.Б. Фредерикс. После этого Николай «решил удалить Распутина от Двора».⁴⁵⁴ С 15 июня по 31 июля и с 5 августа по 28 сентября в Петрограде старец отсутствовал.⁴⁵⁵

Верховный был настроен более радикально. Он заявил Г.И. Шавельскому 20 июня, что «всему виной» царица. Поэтому «только один может быть выход: запрятать ее в монастырь, тогда все пойдет по-хорошему, и распутинщины не станет».⁴⁵⁶ Стремление Ставки к изолированию Николая от супруги и старца вызывалось, помимо прочего, циркулировавшими в обществе слухами о склонности царицы к сепаратному миру.⁴⁵⁷ Несмотря на ложность этих слухов, им верил даже А.В. Кривошеин. Он полагал, что между монархом и его женой по вопросу о продолжении войны возникли разногласия. «Ваше предположение о распре между супругами меня напугало, — писал А.В. Кривошеину В.В. Мусин-Пушкин. — Нет сомнения, что мир будет заключен скорый и победоносный со стороны жены; как бы контрибуция не отозвалась больно на нас всех!»⁴⁵⁸

Слухи об измене наверху должен был развеять отданный в годовщину начала войны, 19 июля, приказ Николая армии и флоту. Идея этого приказа принадлежала В.Н. Орлову. «Хорошо бы было, — писал князь Н.Н. Янушкевичу 2 июня, — какой-нибудь предлог найти, чтобы государь еще бы раз подтвердил каким-нибудь образом войскам, что мир он не заключит, пока враг не будет сломлен. До меня доходят слухи, что в армиях даже солдаты поговаривают с досадой: “Как бы немцы, окружающие царя, не заставили бы его подписать мир до разгрома врага”».⁴⁵⁹ Н.Н. Янушкевич поддержал идею В.Н. Орлова перед А.А. Поливановым. Приказ армии и флоту, составленный последним и правленный А.В. Кривошеиным, содержал не только заявление о полной победе над Германией, но и строки, благожелательные по отношению к оппозиции.⁴⁶⁰

Политическая солидарность парламентаристов и Ставки привела к ослаблению цензурного пресса. Во время встречи Н.Б. Щербатова с журналистами И.В. Гессеном и М.А. Сувориним они сообщили князю о злоупотреблениях военной цензуры. «Обещаю вам, — ответил Н.Б. Щербатов, — этим вопросом немедленно заняться».⁴⁶¹ Свое обещание князь полностью сдержал. Управляющий МВД попросил Н.Н. Янушкевича «указать военным цензорам о более распространительном понимании их задач».⁴⁶² Н.Б. Щербатова поддержал А.А. Поливанов. Он высказался «против обращения военной цензуры в политическую».⁴⁶³ Результатом совместной деятельности парла-

ментаристов и Ставки стала циркулярная телеграмма Н.Н.Янушкевича от 31 июля главнокомандующим Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и 6-й армией, а также командующим 7-й и Кавказской армиями.⁴⁶⁴

Циркуляр Н.Н.Янушкевича стал одним из факторов обострения внутривнутриполитической ситуации. Устранив цензурные плотины на пути потока оппозиционных публикаций (в том числе посвященных Г.Е.Распутину), циркуляр вызвал резкое повышение общественных настроений.⁴⁶⁵ За мерами, подобными циркуляру, стояло стремление парламентаристов и Ставки к изолированию Николая от Александры Федоровны и Г.Е.Распутина.

Союз парламентаристов и Ставки начал давать трещину в ходе дальнейших поражений русской армии. Они толкали Ставку на усиление вмешательства в гражданское управление, что не устраивало Совет министров и фактического премьера. В июне распоряжения в этой области Ю.Н.Данилова и Н.Н.Янушкевича спровоцировали А.В.Кривошеина на критику сотрудников Николая Николаевича перед императором.⁴⁶⁶

Особое недовольство правительства порождали жесткие меры Ставки по отношению к евреям, которые подозревались ею в измене. Полагая, что данные меры «совершенно нетерпимы», министр финансов П.Л.Барк по просьбе царя неоднократно говорил об этом и с Николаем Николаевичем, и с Н.Н.Янушкевичем, но без особого результата.⁴⁶⁷ В конце июля чаша терпения правительства переполнилась. Последней каплей было предпринятое с ведома великого князя обращение Н.Н.Янушкевича к А.В.Кривошеину с просьбой добиться немедленного издания «торжественного монаршего акта, воздвигающего о наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов».⁴⁶⁸ Правительство под председательством императора 29 июля согласилось на «дальнейшее развитие» этого вопроса.⁴⁶⁹ Но немедленному изданию какого-либо монаршего акта министры категорически воспротивились.

Недовольство кабинета импровизациями генералов дошло до того, что, как сообщал великий князь Николаю 1 августа, Совет министров намеревался приехать к верховному и предъявить ему просьбу о замене Н.Н.Янушкевича и Ю.Н.Данилова «другими лицами».⁴⁷⁰ Критика министрами сотрудников Николая Николаевича рикошетом ударила по великому князю. Она стала одной из причин того, что Николай решил взять верховное главнокомандование в свои руки.⁴⁷¹

Другую причину, вызвавшую смещение великого князя, современники и исследователи трактовали слишком упрощенно, сводя ее к влиянию Г.Е.Распутина.⁴⁷² Так, его секретарь А.С.Симанович описал состоявшуюся в Петрограде встречу старца с «представителями еврейства». Во время нее Г.Е.Распутин пообещал, что «Николай Николаевич будет отстранен от должности вождя русской армии в течение десяти дней». «С удивлением мы следили, как Распутин сдержал свое обещание, — сообщал А.С.Симанович. — Еще до истечения десяти дней Николай Николаевич был смещен и назначен командующим Кавказской армией».⁴⁷³ Однако показания секретаря Г.Е.Распутина далеки от реальности. За десять дней до смещения великого князя, т.е. до 25 августа, когда об этом событии объявили официально, старец находился в Сибири (с 5 августа по 28 сентября).⁴⁷⁴

Таким образом, отсутствуя в Петрограде, на принятие Николаем решения о взятии верховного главнокомандования Г.Е.Распутин повлиять не мог. Не имела прямого отношения к царскому решению и Александра Федоровна. Ни в одном из ее писем супругу, которые предшествовали смещению великого князя, просьб об этом нет.⁴⁷⁵ Импульс, обусловивший взятие Николаем верховного главнокомандования, дал его мистицизм. Согласно собственному признанию царя, решение о смещении дяди он принял во время церковной службы, скорее всего — обедни.⁴⁷⁶ Следовательно, это решение стало мистическим актом. Его дату нетрудно установить довольно точно, если учесть, что он имел место во время обедни.

Принять главнокомандование Николай решил «бесповоротно» после падения Варшавы,⁴⁷⁷ о чем узнал 23 июля.⁴⁷⁸ Ближайшие по времени обедни были 26 и 30 июля.⁴⁷⁹ Очевидно, что решение о смещении великого князя царь и принял в один из этих дней.

Со старцем Николай встретился только 31 июля, после двухмесячного перерыва. Но в собственные планы царь посвятил Г.Е.Распутина лишь вечером 4 августа, уже после того, как сообщил о нем А.А.Поливанову.⁴⁸⁰ Это видно из записи в царском дневнике: «Принял доклады Поливанова... Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой». Понятно, что такое важное для монарха ритуальное действие, как благословение иконой, Г.Е.Распутин совершил, когда узнал от Николая о его намерениях относительно верховного главнокомандования.⁴⁸¹

Роль последнего аргумента в пользу смещения великого князя сыграло не благословение старца, а послание Николая Николаевича от 1 августа. Оно было привезено А.В.Кривошеину адъютантом верховного, братом управляющего МВД полковником князем П.Б.Шербатовым. Из послания, в частности, явствовало: «Я всегда шел и буду идти навстречу всему, что России может дать наибольшую нравственную поддержку — в ее вере, что с помощью Божьей мы достигнем славного и победоносного конца... Обстоятельства могли бы сложиться иначе, а именно — залог успеха считали бы в удалении меня. В таком случае — я восторженно уступил бы свое место. Если бы было сочтено, что на меня следует надеть кандалы, сам бы помогал их на себя накладывать... Просил бы статс-секретаря Кривошеина дословно это передать государю императору».⁴⁸² Итак, великий князь недвусмысленно поднял вопрос о своей отставке. С содержанием этого патетического послания А.В.Кривошеин ознакомил монарха 3 августа, когда состоялся всеподданнейший доклад фактического премьера.⁴⁸³

Послание великого князя придало мистической уверенности Николаю рациональную опору. Последняя точка была поставлена. На следующий день А.А.Поливанов услышал от императора о его намерении взять верховное главнокомандование и назначить Николая Николаевича кавказским наместником. Тогда же Николай сообщил, что Н.Н.Янушкевича и В.Н.Орлова великий князь может взять с собой. Первоначально царь намеревался появиться в Могилеве, куда переехала Ставка, 14 августа.⁴⁸⁴

Парламентаристы попытались оттянуть наступление этого события, а по возможности — и предотвратить его вообще. Вмешательство Ставки в гражданское управление они расценивали критически.⁴⁸⁵ Однако удале-

ние великого князя, который пользовался доверием общества, вызвало бы недовольство оппозиции. Поэтому уже 4 августа А.А.Поливанов представил императору «ряд военных соображений», сводившихся к тому, что перемена верховного главнокомандования была бы «весьма опасна».⁴⁸⁶

В ходе заседания Совета министров 6 августа Н.Б.Щербатов заявил, что великий князь пользуется «благорасположением среди думцев». Министры, кроме И.Л.Горемыкина, сошлись на необходимости «во что бы то ни стало отговорить государя». Коллеги А.А.Поливанова уполномочили генерала доложить императору их точку зрения.⁴⁸⁷ Николай согласился с А.А.Поливановым относительно того, чтобы не торопиться с отставкой великого князя. В то же время царь поручил генералу отвезти в Могилев письмо, в котором извещал дядю о переводе его на Кавказ. Прочитав это письмо 9 августа, верховный присоединился к мнению А.А.Поливанова о том, что в данную минуту «перемена в командовании была бы неудобна».⁴⁸⁸

Встреча с А.А.Поливановым убедила великого князя, что он пользуется поддержкой кабинета. После встречи у Николая Николаевича «теплилась надежда»: решение о его смещении «еще не последнее решение государя».⁴⁸⁹

К мнению парламентаристов присоединился намеченный царем в начальники штаба Ставки главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В.Алексеев. Беседуя 10 августа с А.А.Поливановым, доставившим ему известие о его новом назначении, М.В.Алексеев признал перемену верховного главнокомандования в данную минуту «безусловно вредной».⁴⁹⁰ С подачи А.А.Поливанова М.В.Алексеев подтолкнул Николая Николаевича к самозащите.⁴⁹¹

Кампания по оттяжке смещения великого князя закончилась успехом. Император согласился перенести срок осуществления своего решения с 14 августа на более позднее время.⁴⁹²

Во время наметившейся паузы Николай подвергся давлению со стороны лидеров оппозиции и парламентаристов, нацеленному на оставление великого князя в Могилеве. Впрочем, на заседании правительства 10 августа министры узнали о том, что у царя «возникла мысль пока оставаться в Петрограде, где и основать Ставку». Это вполне устраивало кабинет. А.В.Кривошеин, допуская возможность отставки великого князя, предложил сопроводить ее царским рескриптом. Он, по мнению И.Л.Горемыкина, смог бы «сгладить многие углы».⁴⁹³

На следующий день, 11 августа,⁴⁹⁴ С.Д.Сазонов сообщил об идее рескрипта императору, который ее одобрил. После министра иностранных дел Николая посетил М.В.Родзянко. Председатель Думы высказался против отставки великого князя. В ответ на предостережения М.В.Родзянко преисполненный мистическим настроением Николай заявил: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию». В тот же день М.В.Родзянко посетил А.В.Кривошеина, И.Л.Горемыкина и председателя Государственного совета А.Н.Куломзина. В содействии председателю Думы они отказали.⁴⁹⁵ Аргументы М.В.Родзянко несколько охладили решимость императора.

После посещения вечером 11 августа⁴⁹⁶ А.А.Поливановым резиденции Николая у генерала сложилось впечатление, что «там интерес к вопросу о личном предводительстве армией значительно ослабел».⁴⁹⁷

Парламентаристы, в отличие от М.В.Родзянко, решили действовать не напролом, а более осторожно. Понимая, что отговорить императора невозможно, они выдвинули мысль о сохранении великого князя в Ставке, но в качестве помощника монарха. Поддержку этого плана парламентаристы получили от Думы в лице октябриста Н.В.Савича. Он посоветовал Н.Б.Щербатову совместить пребывание царя во главе армии «с его ближайшим участием в координации действий тыла и фронта».⁴⁹⁸ Тем самым удалось бы отвлечь Николая от участия в верховном главнокомандовании, которое фактически оставалось бы за великим князем как помощником императора.

Рекомендацию Н.В.Савича А.А.Поливанов доложил коллегам 12 августа. Кабинет поручил военному министру сообщить Николаю свое ходатайство «о созыве в Ставке военного совета с участием великого князя и правительства».⁴⁹⁹ Между тем великий князь настаивал на немедленном приезде в Ставку М.В.Алексеева и царя. Доказательству необходимости этого верховный посвятил письма и телеграмму, адресованные Николаю и А.А.Поливанову. Первое предложение великого князя царь одобрил.⁵⁰⁰ Указы о назначении Н.Н.Янушкевича помощником кавказского наместника по военной части, а М.В.Алексеева — начальником штаба Ставки Николай подписал 18 августа. Эти назначения были встречены в Думе и обществе «с чувством большого удовлетворения».⁵⁰¹

Настаивая на приезде Николая, великий князь надеялся, что верховное главнокомандование монарха «будет только внешне и до известной степени фикцией» и что он останется при племяннике фактическим главнокомандующим. Телеграммы монарха «не опровергали этих предположений».⁵⁰² Надежды великого князя на сохранение своего поста имели и другие, не менее веские причины. Николай Николаевич и его сотрудники знали и о том, что решение царя хорошо известно столичному обществу, и о борьбе лидеров оппозиции и парламентаристов за отмену данного решения. Поэтому в Могилеве и полагали, что смещение великого князя не состоится.⁵⁰³

Оптимизм Ставки подпитывался тем, что в защиту Николая Николаевича выступили представители ближайшего царского окружения, в том числе — дворцовый комендант генерал В.Н.Воейков. Дворцовый комендант высказался перед императором против удаления великого князя 16 августа.⁵⁰⁴ В.Н.Воейков пошел на это с подачи Н.Б.Щербатова.⁵⁰⁵

К решительному натиску на Николая парламентаристов подвинула резолюция Московской городской думы, принятая 19 августа. В ней говорилось, что Москва «неуклонно и твердо верит в русскую армию и ее вождя великого князя».⁵⁰⁶ На заседании правительства 19 августа А.В.Кривошеин дал окончательную формулировку настроению своих единомышленников: «царь принимает на себя верховное главнокомандование и назначает великого князя своим помощником».⁵⁰⁷ Воплотить намеченную комбинацию парламентаристы попытались 20 августа, когда в Царском Селе, под председательством Николая, прошло заседание правительства.

Описывая настроение царя перед заседанием, А.А.Вырубова вспоминала: «За обедом государь волновался, говоря, что какие бы доводы ему не представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: “Ну,

«молитесь за меня!» Помню, я сняла образок и дала ему в руки». ⁵⁰⁸ Заседание, начавшееся в 21.00, проходило в присутствии всех министров, кроме находившегося на лечении министра путей сообщения С.В. Рухлова. ⁵⁰⁹ А.В. Кривошеин, выражая взгляды парламентаристов, высказался за то, чтобы Николай, беря бразды верховного главнокомандования, оставил бы Николая Николаевича при себе в качестве помощника. ⁵¹⁰ Несмотря на то, что против себя царь имел все правительство, за исключением И.Л. Горемыкина и А.А. Хвостова, заседание, затянувшееся до 23.40, ⁵¹¹ закончилось поражением парламентаристов.

«Уже подали чай, — вспомнила А.А. Вырубова, — когда вошел государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: “Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!”» Передавая А.А. Вырубой образок и смеясь, Николай заметил: «Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные, скучные речи министров, я сказал приблизительно так: “Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня! Некоторые министры выглядели, как в воду опущенные!”» ⁵¹²

На следующий день, 21 августа, по инициативе морского министра адмирала И.К. Григоровича ⁵¹³ парламентаристы решились на беспрецедентный шаг — посылку Николаю письма. В нем они еще раз попытались уговорить его отказаться от удаления великого князя. Письмо написал А.Д. Самарин, ⁵¹⁴ отредактировали А.В. Кривошеин и П.А. Харитонов, ⁵¹⁵ переписал начисто П.Л. Барк, ⁵¹⁶ и подписали восемь министров. Подписи И.К. Григоровича и А.А. Поливанова отсутствовали только потому, что поддержку подобного демарша они расценивали как нарушение военной дисциплины. К парламентаристам присоединился министр двора граф В.Б. Фредерикс. Когда царь уже подъезжал к Могилеву, граф посоветовал императору оставить великого князя «при особе его величества». ⁵¹⁷ «Лавры, которых вы доискиваетесь, — заявил В.Б. Фредерикс, — обратятся вскоре в шипы». ⁵¹⁸

Царь полностью проигнорировал точку зрения графа, вдохновляемый ... лидерами оппозиции. Перед отъездом Николая в Ставку, при открытии им 22 августа работы Особого совещания по обороне, кадет А.И. Шингарев передал императору доклад военно-морской комиссии Думы. Датированный 20 августа, доклад содержал аргументацию в пользу объединения царем деятельности правительства и Ставки. Эта аргументация могла лишь утвердить Николая в необходимости смещения великого князя. ⁵¹⁹

В Могилеве сопротивление царскому решению грозило принять еще более серьезные формы. Среди сотрудников Николая Николаевича составил заговор. Его участники решили, что для «спасения страны» необходимо просить великого князя царской воле «не подчиняться», верховного главнокомандования «не сдавать», а царя, «если то будет нужно, по приезде в Могилев арестовать». ⁵²⁰ Заговорщики совещались на квартире могилевского губернатора А.И. Пильца. Он являлся либеральным администратором. ⁵²¹ Посредником между заговорщиками и Николаем Николаевичем выступил Г.И. Шавельский. Выслушав протопресвитера, великий князь не дал немедленного ответа. Лишь на следующий день он

повелел Г.И. Шавельскому передать посланным его лицам, что он, великий князь, «прежде всего верноподданный, а потому сделанное ему предложение отвергает». ⁵²²

Ответ Николая Николаевича не означал того, что он отказался от надежд на сохранение своего поста. ⁵²³ Надежды на это питали и его сотрудники, в том числе — новый начальник штаба М.В. Алексеев. ⁵²⁴ Однако попытки парламентаристов поколебать императора в его решении относительно верховного главнокомандования потерпели крах. Это решение имело под собой не только рациональную, но и не менее важную, с точки зрения Николая, мистическую подоплеку. Поведение же парламентаристов основывалось исключительно на рациональной мотивации. В силу мистицизма царя, доводы рассудка, взятые сами по себе, неизмеримо уступали, по мнению Николая, иррациональным аргументам. ⁵²⁵ Именно метафизическое разногласие по вопросу о смещении великого князя способствовало разрыву царя с парламентаристами.

5. «Сдвиг налево». Бюрократическая элита и образование Прогрессивного блока (август 1915 г.)

Ускорению процесса политической дифференциации бюрократической элиты способствовало образование при ее участии Прогрессивного блока. ⁵²⁶ Сообщая мотивацию, которая предопределяла поведение парламентаристов, сенатор Г.А. Евреинов писал И.Л. Горемыкину в конце июля, что «правительству теперь необходимо податься влево, в сторону умеренного, но бесспорного народопрямства, и это не только потому, что такая политика полезна сама по себе, но это единственное средство предупредить революционный катаклизм». ⁵²⁷ Руководствуясь этими соображениями, А.В. Кривошеин решил на фактическое введение парламентаризма путем инициирования законодательного большинства, равнявшегося на кадетов. Оно и стало известно под названием Прогрессивного блока. Мысль об образовании блока «впервые возникла» именно у фактического премьера. ⁵²⁸

Представление о том, на какие фракции А.В. Кривошеин хотел опираться в первой половине 1915 г., можно получить из списка, написанного рукой графа В.В. Мусина-Пушкина (см. таблицу 2 приложения). Согласно списку, кандидатами второго эшелона на планировавшийся для прогрессиста Н.Н. Львова пост министра без портфеля, представляющего в кабинете Думу, были лидеры фракций от правых до кадетов. Таким образом, первоначально, в течение февраля — июня 1915 г., из состава запланированного большинства А.В. Кривошеин не предполагал исключать правых.

На заседании Совета министров 26 июня фактический премьер, пытаясь показаться более консервативным, чем на самом деле, предлагал использовать идею правоокабристского большинства и «опереться на правые партии, кончая октябристами, как делал Петр Аркадьевич Столыпин». В ответ на реплику И.Л. Горемыкина: «Пока имеем дело с левыми» А.В. Кривошеин заявил: «Потому и надо правых привлечь». ⁵²⁹ Но перед очередной думской сессией, начавшейся 19 июля, фактический премьер окончательно поставил на кадетов.

Накануне, 18 июля, А.В.Кривошеин, по сообщению П.Н.Милюкова, имел частную беседу с «одним из членов Государственной думы». ⁵³⁰ Во время беседы фактический премьер говорил о программе реформ, на почве которой было бы возможно сотрудничество правительства и Думы. П.Н.Милюков озвучил эту программу на следующий день, выступая в Таврическом дворце. Кадетская программа, с одной стороны, перекликалась с программой реформ, выдвинутой в конце 1914 — начале 1915 г. Н.И.Туган-Барановским, а с другой — предвосхищала программу Прогрессивного блока. Очевидно, что кадетская программа испытала на себе влияние программы правительственного либерализма, как, впрочем, и наоборот.

Еще в середине июня 1915 г. один из негласных сотрудников дворцового коменданта генерала В.Н.Воейкова принес ему записку, написанную рукой А.А.Поливанова. Записка содержала 14 пунктов. Они «вполне совпадали с требованиями общественных кругов, составлявших оппозицию правительству». ⁵³¹ В самом начале июля П.Б.Струве послал А.В.Кривошеину, С.Д.Сазонову и князю В.Н.Шаховскому тезисы программы, на которой могли бы сойтись общество и власть. «Правительство, — подчеркивал, обосновывая тезисы, П.Б.Струве, — должно явиться в Государственную думу с ясным планом серьезных мероприятий, основанных на принципиальном признании общественности как союзника в общем государственном деле». План П.Б.Струве включал в себя девять пунктов, созвучных будущей программе Прогрессивного блока. ⁵³²

Самый главный пункт плана П.Б.Струве заключался в образовании законодательного большинства, за пределами которого остались бы как революционеры, так и реакционеры. Обоснованию этого пункта и было посвящено письмо П.Б.Струве А.В.Кривошеину, написанное в течение 9—10 августа. Суть письма П.Б.Струве содержали следующие строки: «Правительство, путем прямых переговоров с лидерами ответственных думских групп, должно условиться о программе действий и поведения и, таким образом, организовать думское большинство на основе лояльного компромисса». Обрисовывая желательные контуры законодательного большинства, П.Б.Струве предлагал отсечь от него трудовиков и правых. Идея дистанцирования бюрократической элиты от правых проводилась корреспондентом фактического премьера совершенно недвусмысленно. Доказывая необходимость этого, П.Б.Струве подчеркивал, что «сдвиг налево, — хотя термины "лево" и "право" грубы и не выражают сложности и своеобразия исторической задачи, — должен быть произведен правыми руками».

Нагнетая страсти, П.Б.Струве попытался подтолкнуть А.В.Кривошеина к более активной деятельности. «На будущей неделе, — писал П.Б.Струве, — может быть уже поздно для осуществления той задачи, о которой я говорю, в единственно разумных очертаниях ее выполнения, в условиях войны. Если Вы, как единственное лицо в бюрократическом мире, которое может взяться за эту задачу, от нее уклонитесь, то она перейдет в руки, которые с ней не могут справиться». ⁵³³

Письмо П.Б.Струве нашло живейший отклик со стороны А.В.Кривошеина, поскольку в августе 1915 г. они «чувствовали себя единомышленниками». ⁵³⁴ П.Б.Струве выражал не только свое личное мнение, но и, так

сказать, философию политического курса фактического премьера. Вот почему в сентябре 1915 г. кривошеинский советник был назначен на пост председателя вновь образованного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при Министерстве торговли и промышленности. ⁵³⁵

Внушения П.Б.Струве способствовали окончательному самоопределению А.В.Кривошеина в пользу того, чтобы содействовать образованию законодательного большинства, равнявшегося не на правую, а на кадетскую фракцию. Неосознанно варьируя свою, появившуюся в цитированном выше письме, фразу о том, что «сдвиг налево должен быть произведен правыми руками», П.Б.Струве подчеркивал уже после революции, что А.В.Кривошеин «напрягал все усилия к тому, чтобы этот спасительный сдвиг осуществился без всякого ущерба для государства». ⁵³⁶ В самом деле, тянувшийся с конца мая 1915 г. процесс консолидации думских фракций сразу после написания письма П.Б.Струве вступил-таки в свою завершающую фазу. Во время нее консультации между членами Думы и Государственного совета привели к образованию законодательного большинства с кадетами, но без правых. ⁵³⁷ Уже 16 августа законодатели выработали программу, «вполне приемлемую для всех и для правительства». ⁵³⁸

Формальное отцовство А.В.Кривошеина по отношению к Прогрессивному блоку признавал даже П.Н.Милюков, сам претендовавший на это. Он указывал, что «первая мысль» о блоке «исходила из министерских кругов». Попытку «первоначальных переговоров» по поводу его создания лидер кадетов объяснял тем, что А.В.Кривошеин «все время был начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опираться на большинство в палатах». ⁵³⁹

Рассуждая о причинах возникновения блока, член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов писал, что «он родился не как Афродита из пены морской, а его кто-то организовывал, кто-то спаивал, кто-то говорил "прелестные слова", от которых даже у первых чинов Двора закружилась голова». «В числе шептунов, — отмечал Н.П.Муратов, — называют Волконского, а в последнее время — Кривошеина. Я не думаю, чтобы Кривошеин дал против себя в этом отношении какие-либо "уличающие обстоятельства"; но не сомневаюсь, что он, как бы это так выразиться, симпатично и благожелательно относился к Блоку, учитывая, что при окончательном выборе министров, главное — премьера, он забыт не будет». ⁵⁴⁰

Конечно, стремление к образованию законодательного большинства, равнявшегося на кадетов, существовало среди думцев независимо от А.В.Кривошеина. Однако, при наличии в IV Думе влиятельных проправительственных фракций (националистов, центра и земцев-октябристов), для воплощения этого стремления была необходима инициатива не только снизу, но и сверху, со стороны бюрократической элиты. До поры до времени правительство, пользуясь услугами упомянутых фракций, блокировало попытки создания прокадетски настроенного большинства. К июлю 1915 г. фактический премьер от этого отказался, и инициатива снизу получила поддержку в инициативе сверху.

Не случайно, что лозунг о «министерстве доверия», объединивший участников Прогрессивного блока, впервые выдвинул именно лидер нацио-

налистов граф В.А.Бобринский. На заседании Думы 19 июля граф от имени трех проправительственных фракций предложил формулу перехода к очередным делам. В ней говорилось, что «привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием».⁵⁴¹

В дальнейшем А.В.Кривошеин находился «в постоянном контакте» с Думой.⁵⁴² Поэтому, чтобы инициировать Прогрессивный блок, ему не требовалось опускаться до черновой работы «честного маклера». В его распоряжении находился своего рода штат публичных маклеров, готовых осуществлять намерения фактического премьера в Думе. Одним из них являлся лидер фракции центра П.Н.Крупенский, непререкаемый посредник между правительством и нижней палатой.⁵⁴³ При инициировании блока фактический премьер опирался и на представителей других фракций, поскольку он поддерживал «близкие отношения с членами Думы разных партий».⁵⁴⁴ Имея в своем распоряжении деятелей, подобных В.А.Бобринскому и П.Н.Крупенскому, А.В.Кривошеину, склонявшемуся к закулисной режиссуре, не нужно было лично заниматься формированием думского большинства.

Более активного участия фактического премьера требовала подготовка создания приемлемого для этого большинства кабинета. А.В.Кривошеин надеялся, что «удастся, в конце концов, свалить министерство и сменить председателя Совета министров».⁵⁴⁵ Те же самые надежды разделял и В.В.Мусин-Пушкин. В письме А.В.Кривошеину от 9 августа, придя к выводу о «необходимости немедленной смены министерства Горемыкина», граф призывал «к составлению нового Правительства государственной обороны».⁵⁴⁶

Необходимость увольнения И.Л.Горемыкина, при сохранении дуалистической системы, понимал и царь. В августе Николай говорил императрице, что И.Л.Горемыкин «стар и не может применяться к новым требованиям».⁵⁴⁷ На второй неделе августа царь напрямую предложил пост председателя Совета министров А.В.Кривошеину. Свое согласие тот поставил в зависимость от выполнения двух условий. Первое из них — премьер «должен руководить всей политикой», а другие министры — «должны подчиниться ему», второе — «новый кабинет при своем представлении Думе потребует ее доверия».⁵⁴⁸ А.В.Кривошеин хотел, чтобы его правительство получило от нижней палаты вотум доверия. Между тем, как отмечал П.Б.Струве, «в странах парламентского режима главная форма политической ответственности — это зависимость пребывания министров от вотума палат».⁵⁴⁹

Осуществление кривошеинской программы привело бы к отмене «самодержавного» и водворению «представительного режима»,⁵⁵⁰ т.е. к замене дуалистической системы парламентаризмом. В ответ на свои условия А.В.Кривошеин получил «принципиальное согласие» царя.⁵⁵¹ Николай не был против образования думского большинства. Он сопротивлялся лишь установлению зависимости кабинета от этого большинства. П.Н.Крупенский действовал с ведома не только А.В.Кривошеина, но и Николая.⁵⁵² Если, тем не менее, замена И.Л.Горемыкина А.В.Кривошеиным не состоялась, то исключительно по вине последнего. Объясняя, уже после

революции, почему он отказался от поста премьера, А.В.Кривошеин говорил, что ему «нужна была твердая поддержка государя», а на нее-то он «рассчитывать не мог».⁵⁵³ Это признание подтверждает лучше всего, что фактический премьер выступал именно за введение парламентаризма. Сознавая невозможность его введения при таком принципиальном дуалисте, как Николай, А.В.Кривошеин предпочел по-прежнему находиться в тени. Николай же, вследствие несговорчивости лидера парламентаристов, остался с тем премьером, который у него уже имелся.

Впрочем, отказ фактического премьера объяснялся еще одной причиной, а именно — неприемлемостью для левой части формировавшегося Прогрессивного блока даже А.В.Кривошеина. Рассуждая о возможных кандидатах в председатели Совета министров и приводя по этому вопросу мнения думцев, В.В.Мусин-Пушкин отмечал: «Голоса разделяются, кем его озаглавить — Вами или Гучковым. Думаю, что Вы уже опоздали».⁵⁵⁴

Вскоре, а именно 13 августа, лидер парламентаристов мог убедиться воочию, что в своем пессимизме В.В.Мусин-Пушкин был прав. В этот день прогрессистская газета «Утро России» опубликовала список «кабинета обороны», составленный членами кадетской фракции. На следующий день та же газета опубликовала список кабинета, желательного для октябристской фракции. Очевидно, что к августу 1915 г. относятся и сохранившиеся в бумагах императора списки правительства, желательного для кадетов, октябристов и Государственного совета.⁵⁵⁵ Как видно из списков, большинство «кабинета обороны», согласно планам оппозиции, составили бы исключительно члены Государственной думы из кадетской, прогрессистской и октябристской фракций. Царские бюрократы, сочувствующие оппозиции, в августовских списках, в отличие от февральских «комбинаций» начала 1915 г. (см. таблицу 2), составляли, кроме списка Государственного совета, явное меньшинство. Ни один из них, за исключением князя Н.Б.Щербатова в случае со списком верхней палаты, на место премьера уже не намечался.

Не переоценивая свой авторитет у общества, А.В.Кривошеин думал, что председателем правительства должно быть «широко общественное лицо. Ходили слухи, — вспоминал граф П.Н.Игнатьев, — о Родзянке, о Г.Е.Львове, А.И.Гучкове, а в последний момент говорили о Поливанове».⁵⁵⁶ Действительно, в конечном итоге фактический премьер, ища премьера для «кабинета обороны», остановился на кандидатуре управляющего Военным министерством А.А.Поливанова.⁵⁵⁷ Выбор этот не был неожиданным. Наряду с А.В.Кривошеиным, чаще всех остальных представителей бюрократической элиты в августовских списках фигурировал А.А.Поливанов.

Во время состоявшейся 12 августа беседы с генералом А.В.Кривошеин говорил про «полную непригодность для данных обстоятельств» И.Л.Горемыкина. Фактический премьер заявил, что председателем Совета министров надо на время войны назначить его, А.А.Поливанова. Во-первых, Дума и общественные круги «относятся к нему с доверием», а во-вторых, «во время великой войны, когда вся страна должна быть тылом для армии, сосредоточение полной власти в руках военного министра вполне логично».⁵⁵⁸ В пользу

А.А.Поливанова А.В.Кривошеин действовал искренно. Соратник фактического премьера был убежден, что А.В.Кривошеин «сам лично стать во главе не хотел». ⁵⁵⁹ Пока фактический премьер интриговал против премьера формального, он предпринял попытку договориться с Думой.

Вечером 15 августа И.Л.Горемыкин пригласил к себе представителей «центральных групп» законодательных учреждений и задал им вопрос «о возможности образования большинства для поддержки правительства». Думцы не видели смысла договариваться с И.Л.Горемыкиным, полагая, что его падение не за горами. Поэтому они заявили, что «взгляд Блока на состав обновленного кабинета исключает возможность соглашения с председателем Совета министров». ⁵⁶⁰ Такой ответ оттолкнул от формирования законодательного большинства И.Л.Горемыкина. Впрочем, полного разрыва между премьером и оппозиционерами не произошло. Председатель бюро Прогрессивного блока октябрист С.И.Шидловский сразу после встречи с И.Л.Горемыкиным сообщил коллегам: «У Горемыкина возник вопрос [о декларации блока. — С.К.], и я ответил, что по окончании разработки доставлю. Отклоняю от себя полномочие говорить с Горемыкиным (с кабинетом, весь Блок, быстрота)». На заседании бюро блока 22 августа С.И.Шидловский заявил: «У Горемыкина мы говорили, что программа — в работе. Я не возражал против осведомления его. Горемыкин спросил: желаете ли вы пленум Совета министров? Мы отвечали, что не с глаза на глаз... Мы от них очной ставки не требуем, потому что считаем неподходящими, но не отказываемся». ⁵⁶¹

Примирительное отношение к думскому большинству было свойственно и для Николая. Существование у царя стремления к соглашению с оппозицией доказывало последовавшее 17 августа утверждение Николаем законопроекта о создании особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу. ⁵⁶² Солидное представительство в них получили лидеры оппозиции. Согласие царя на реформу, которая способствовала дальнейшей парламентаризации верховного управления, свидетельствовало о его намерении «управлять страной в соответствии с пожеланиями Думы». ⁵⁶³ На заседании правительства 16 августа А.А.Поливанов сообщил о решении Николая присутствовать на открытии Особого совещания по обороне и приветствовать его специальной речью. Проект этой речи министры поручили составить А.В.Кривошеину. ⁵⁶⁴ В составлении проекта участвовал А.А.Поливанов. ⁵⁶⁵

Между тем, опасаясь, как бы непопулярность фактического премьера среди части депутатов не ослабила активности А.В.Кривошеина, В.В.Мусин-Пушкин попытался его обнадежить. Со слов В.А.Бобринского и октябриста С.Т.Варун-Секрета, граф передал А.В.Кривошеину 16 августа, что Дума «смеется над возможностью министерства Родзянки, не говоря уже о князе Львове, хотели одно время Гучкова, но теперь только и хотят и говорят о Вас». На посту премьера, подчеркивал В.В.Мусин-Пушкин, «никто не хочет» видеть и П.А.Харитонову. ⁵⁶⁶ Но выбор фактического премьера в пользу А.А.Поливанова был окончательным. Во время доклада, состоявшегося 17 августа, А.В.Кривошеин говорил царю «о непригодности Горемыкина» и целесообразности назначения вместо него

А.А.Поливанова. Как показалось докладчику, «мысль о сосредоточении власти над страной, являющейся во время великой войны тылом для армии», в руках военного министра царю «понравилась». А.В.Кривошеин упомянул о необходимости ввести в кабинет лиц «из числа известных общественных деятелей» и назвал А.И.Гучкова. ⁵⁶⁷

Выдвижение кандидатуры А.И.Гучкова снова доказывало, что в пользу парламентаризма А.В.Кривошеин действовал сознательно. В одном из позднейших бюрократических документов фамилию фактического премьера поместили в следующий контекст: «Гучков. Кривошеин. Законы 17 августа. Подготовка КОНСТИТУЦИИ». ⁵⁶⁸ Кандидатура А.А.Поливанова была согласована не только с его другом А.И.Гучковым, но и с другими лидерами оппозиции. Не случайно, что 20 августа у А.А.Поливанова в Военном министерстве появился П.Н.Крупенский. После слов: «Есть соглашение, достигнуто» он вручил генералу листок, на котором была напечатана программа Прогрессивного блока. Тогда же П.Н.Крупенский заявил А.А.Поливанову, что «теперь все зависит от правительства или — как сегодня говорят в Думе — от вас». ⁵⁶⁹ После возникновения блока парламентаристам оставалось добиться создания удобного ему кабинета.

Вопрос об обновлении Совета министров обсуждался вечером 20 августа на заседании правительства, проходившем в Царском Селе под председательством императора. Парламентаристы просили Николая не отстранять от верховного главнокомандования популярного в общественных кругах великого князя Николая Николаевича. Но эта тема была поводом для развертывания аргументации в пользу фактического демонтажа дуалистической системы. А.В.Кривошеин, формулируя коллективное мнение всех министров, за исключением И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова, поставил перед Николаем ультиматум, подобный тому, который поставил в октябре 1905 г. граф С.Ю.Витте: «Сложившиеся внутренние условия допускают лишь два решения. Или примириться с общественностью, или сильная военная диктатура». ⁵⁷⁰ А.В.Кривошеин добавил, что «в военное время председателем должен быть военный министр». ⁵⁷¹ Передавая ход своей мысли, лидер парламентаристов записал: «Надо быть или сильнее, или искуснее, а мы пассивны, жизнь идет мимо, поэтому опасно. Военный лагерь. Военный лагерь. Военный во главе». ⁵⁷²

В трактовке А.В.Кривошеина диктатура подразумевала образование правительства во главе с А.А.Поливановым. Поскольку в нем участвовали бы такие общественные деятели, как А.И.Гучков, это правительство нельзя расценить иначе, как аналог «министерства общественного доверия», создание которого имела в виду первая составляющая кривошеинской дилеммы. Следовательно, это была лишь видимость дилеммы. Оба ее элемента ориентировались на одну цель — фактическое введение парламентаризма. Это представлялось очевидным не только для парламентаристов, но и для дуалистов. После заседания правительства И.Л.Горемыкин говорил начальнику канцелярии кабинета И.Н.Лодыженскому, что «в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению». ⁵⁷³

На следующий день, 21 августа, во время своего всеподданнейшего доклада В.Н.Шаховской высказал императору «свое крайнее удивление» по

поводу предложения А.В.Кривошеина о назначении председателем Совета министров А.А.Поливанова. Военный министр, отметил В.Н.Шаховской, является «столь неверным человеком, что он уже никак не подходит к этой роли». Князь «не мог не указать на его дружбу с крайне опасным Гучковым». Выслушивая эти опасения, Николай «одобрительно кивал головой», а напоследок подтвердил, что «это невозможно и этого не будет».⁵⁷⁴ Однако позиция монарха была далека от однозначности и не исключала компромисса с нижней палатой в рамках дуалистической системы.

Сопротивляясь немедленному установлению парламентаризма, Николай тем не менее не пошел на скорейший роспуск Думы, которая выступала за ликвидацию дуализма. После образования Прогрессивного блока, по мнению одного из его лидеров, «необходима была либо железная беспощадная диктатура, временное упреждение всяких общественных сборищ, в том числе и Государственной думы, или сговор с передовой общественностью».⁵⁷⁵ В августе царь отказался и от окончательного разрыва с оппозицией, и от полной капитуляции перед ней. Николай пошел по среднему пути, который пролегал между дуализмом и парламентаризмом. Это удостоверил А.В.Кривошеин, на заседаниях кабинета 19 и 24 августа назвавший позицию своего суверена «золотой серединкой».⁵⁷⁶ Вообще, в августе Николай находился на точке зрения «прогрессивного образа мысли» и не отказывался «от благосклонного отношения к общественности».⁵⁷⁷ Поэтому царь являлся сторонником рассмотрения министрами программы Прогрессивного блока.

На заседании кабинета 21 августа И.Л.Горемыкин сообщил, что «в ближайшие дни образуются среди членов Государственного совета и Государственной думы Блоком будет сообщена Совету министров и, согласно высочайшему повелению, подлежит обсуждению программа этого объединения».⁵⁷⁸ Тем не менее в тот же день, 21 августа, парламентаристы обратились к императору с письмом. Указав на то, что на заседании 20 августа «воочию сказались коренное разногласие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри России событий и в установлении образа действий правительства», парламентаристы заявляли Николаю, что они теряют «веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине».⁵⁷⁹ Таким образом, они, ориентируясь на оппозицию, подавали в коллективную отставку. Но Николай также ориентировался на Думу, хотя и не в такой степени, как парламентаристы.

Открывая 22 августа, перед своим отъездом в Ставку, работу Особого совещания, царь обусловил поддержание «священного единения» обоюдным отказом его участников от политической борьбы, намекнув на это следующим образом: «Оставим на время заботы о всем прочем, хотя бы важном государственном, но не насущном для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и сил наших от единой теперь цели: изгнать врага из наших пределов».⁵⁸⁰ Царские слова свидетельствовали о готовности Николая к соглашению с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы.

Точку зрения царя разделял И.Л.Горемыкин. Во исполнение царской воли И.Л.Горемыкин обратился к П.Н.Крупенскому, который говорил на заседании бюро блока 22 августа по поводу его декларации: «Мы можем и

изменить после беседы с объединенным правительством и тогда можно опубликовать от имени Блока. Имею полномочие от Горемыкина: просить от объединенного правительства, чтобы вошли в разговоры. Официально: кабинет делает предложение Блоку». Тогда же П.Н.Крупенский сообщил: «Горемыкин сказал мне сегодня, что соединенный кабинет желал бы говорить».⁵⁸¹ Хотя премьер и опасался, как бы «левые не взяли верх в Думе», он заявил императрице 23 августа, что нижнюю палату «нельзя распустить», пока «она не кончила своих работ». Николай согласился с этим. Он попросил супругу передать И.Л.Горемыкину, что «как только Государственный совет и Дума закончат свои работы, их надо прикрыть».⁵⁸²

Лидеры оппозиции проигнорировали отсутствие враждебности к Прогрессивному блоку со стороны Николая и И.Л.Горемыкина. Думцы не пошли на признание горемыкинского кабинета «министерством доверия», хотя он полностью контролировался союзниками оппозиции во главе с фактическим премьером. Символом отказа оппозиции от компромисса с уже существующим кабинетом оказалось опубликование 26 августа программы блока без ее предварительного согласования с правительством. Демарш оппозиции был явным нарушением Основных законов, которые не предусматривали влияния Думы на назначение министров, подразумевавшееся первым пунктом программы. Члены Блока признавали, что «вследствие преждевременного и неточного разглашения программы» «дальнейшее направление дела» о соглашении между законодательными палатами и «постановлении о сем соглашении в известность членов Совета министров пошло не по тому пути, который был намечен».⁵⁸³

Хотя с первых же дней своего существования Прогрессивный блок вышел из-под контроля инициировавшей его бюрократической группировки, стремление кабинета к соглашению с оппозицией несколько не ослабло. На заседании правительства 26 августа, в ходе обсуждения программы блока, все министры признали ее приемлемой. Даже И.Л.Горемыкин заявил, что «часть» этой программы «могла бы быть принята правительством в дальнейшей деятельности».⁵⁸⁴

Несмотря на опубликование программы, премьер согласился на переговоры с блоком. Они состоялись 27 августа на квартире государственного контролера П.А.Харитоновна. Помимо него, правительство на переговорах представляли А.А.Хвостов, В.Н.Шаховской и Н.Б.Щербатов, а оппозицию – И.И.Дмитриков, И.Н.Ефремов, П.Н.Крупенский, В.Н.Львов, П.Н.Милюков, С.И.Шидловский и В.В.Шульгин (от Думы) и Д.Д.Гримм и барон В.В.Меллер-Закомельский (от Государственного совета).⁵⁸⁵

Переговоры закончились бы полным успехом, если бы не участие в них П.Н.Милюкова и лидера фракции прогрессистов И.Н.Ефремова. Они привнесли ноту непримиримости. В начале сентября 1915 г., после одного из собраний общественных деятелей, его участники пришли к выводу, что во время переговоров представителей Прогрессивного блока с правительством «со стороны Блока можно было бы пойти на большие уступки». Но этого блок не сделал, так как переговоры вели П.Н.Милюков и И.Н.Ефремов. Как люди «определенных политических принципов», они не проявили «достаточной гибкости в таком дипломатическом деле».⁵⁸⁶

Позиция П.Н.Милокова и И.Н.Ефремова не ослабила усилий парламентаристов. На заседании правительства 28 августа П.А. Харитонов доложил о результатах переговоров и признал их в общем благоприятными. А.В.Кривошеин высказался за удовлетворение главного пункта программы блока, а именно — за «избрание государем императором лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны».⁵⁸⁷

По предложению фактического премьера министры признали, что программа «не встречает серьезных возражений». Но кабинет, «не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления».⁵⁸⁸ Парламентаристы пришли к выводу, что перерыв занятий Думы, «без одновременного ответа правительства на пожелания, заявленные образовавшимся в думской среде большинством, может вызвать различные осложнения». Поэтому парламентаристы считали необходимым «точно определить дальнейшее направление правительственной политики и призвать, сообразно с принятым по этому предмету решением, в состав правительства объединенных общностью взглядов на предстоящие задачи лиц».⁵⁸⁹

Таким образом, парламентаристы подавали в отставку снова, полагая, что перерыв занятий нижней палаты должен совпасть с образованием удобного ей кабинета и фактическим упразднением дуалистической системы. Однако и на этот раз победил И.Л.Горемыкин. Он сопротивлялся парламентаристам, исходя из чисто принципиальных соображений, а не из-за желания сохранить за собою власть. Намекая на оппозиционеров, И.Л.Горемыкин полагал, что «сейчас, — передавала мнение премьера царица, — его не следовало бы удалять, ибо это-то им и желательнее, и если им сделать эту уступку, то они станут еще хуже». И.Л.Горемыкин рекомендовал Николаю уволить его «по собственному почину и притом несколько позже», поскольку император — «самодержец».⁵⁹⁰ Очевидно, премьер опасался, как бы его немедленная отставка не стала прецедентом, ведущим к установлению парламентаризма.

Сопrotивляясь образованию «министерства доверия», И.Л.Горемыкин, далекий от какой бы то ни было реакционности, лишь отстаивал дуалистическую систему. В соответствии с ней участие народного представительства не только в законодательстве, но и в управлении, к чему стремилось думское большинство, выглядело столь же неприемлемо, как и полное устранение палат от участия в законодательстве. Дуалистический характер позиции И.Л.Горемыкина с очевидностью выявился во время диалога, состоявшегося 2 сентября между премьером и председателем Думы: «Вы, Михаил Владимирович, хотите управлять?» — «Да, понятно». — «Как понятно, управлять? Вы должны законодательствовать, а мы управлять».⁵⁹¹

Упорство И.Л.Горемыкина объяснялось не только принципиальными соображениями. В отличие от парламентаристов, премьер, подобно остальным дуалистам, расценивал замену своего кабинета «министерством доверия» как такую уступку Думе, которая не только не облегчит, но и существенно затруднит ведение войны. Подразумеваемая именно это, Н.И.Туган-Барановский в записке, посланной С.В.Рухлову в конце августа, подчеркивал, что

«величайшая опасность для государства заключается не в нашествии неприятеля — так как при длительной войне наша обеспеченность личным составом и сырьем всякого рода должна привести к победе, но в тех смутах внутри, которые уже подрывают и могут, при благоприятных для них условиях, широко и глубоко развиться».⁵⁹²

Несмотря на свои опасения, И.Л.Горемыкин попытался уйти. На встрече с императором, состоявшейся 30 августа в Ставке, премьер сообщил о разногласиях в Совете министров и подал в отставку. Но царь ее не принял. Николай повелел И.Л.Горемыкину прервать занятия Думы 3 сентября с тем, чтобы возобновить их «не позднее ноября 1915 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств».⁵⁹³ Согласно Основным законом, император имел право на полный роспуск оппозиционной Думы. Но об этом он даже не задумывался. Примирительное отношение Николая к Думе противоречило канонам дуалистической системы. Ее идеолог подчеркивал, что «в странах, где, как у нас, парламентаризма нет, Дума, большинство которой заявило бы о своем принципиальном отказе работать с правительством, очевидно, существовать не может».⁵⁹⁴ Согласно ортодоксально-дуалистической точке зрения, за объявлением думским большинством вотума недоверия кабинету И.Л.Горемыкина должен был последовать полный роспуск IV Думы и объявление выборов в новую, V. Николай разделял более либеральную точку зрения. Тем самым он показывал, что допускает возможность уступок Думе если не сейчас, то в будущем.

В конечном итоге, вину за срыв намечившегося летом 1915 г. соглашения правительства с оппозицией возлагали на Прогрессивный блок не только отчаявшиеся парламентаристы, но и его члены. Во время состоявшейся 10 ноября беседы левого октябриста И.С.Клюжева с П.Л.Барком министр финансов не преминул заметить: «Правительство шло к вам навстречу; неприятные вам министры были удалены, и все делалось для сближения с вами, но вы не захотели такого сближения. В Думе начались несвоевременные выпады — потребовали даже ответственного министерства, и дело кончилось тем, чем и должно было кончиться при таких условиях — Дума была распущена. Поверьте, что это непростительная ошибка с вашей стороны». Полностью оспаривать упрек П.Л.Барка И.С.Клюжев не стал. «Да, отчасти вы правы, — заявил он, — но при создавшихся условиях трудно было удержать равновесие».⁵⁹⁵

Перерыв думских занятий, однако, не означал того, что борьба между дуалистами и парламентаристами прекратится. Обострению этой борьбы способствовали разделявшие их разногласия по вопросу о том, тождественно ли «министерство доверия» «ответственному министерству» или нет.

Дуалисты считали, что «министерство доверия» — то же самое, что и «ответственное министерство», т.е. министерство, ответственное не перед монархом, а перед законодательными палатами. С этой точки зрения дарование «министерства доверия» было равносильно фактическому введению парламентарной системы и, следовательно, ограничению царской власти теперь уже и в управлении. Согласившись на «министерство доверия», полагали дуалисты, Николай бы стал только царствовать, но не править.⁵⁹⁶

Парламентаристы, в свою очередь, настаивали на принципиальной разнице между «министерством доверия» и «ответственным министерством». Они утверждали, что дарование «министерства доверия» не означает введения парламентаризма.⁵⁹⁷

Ответ на вопрос о том, как же было на самом деле, дает обращение к программе Прогрессивного блока. Ее первый пункт предусматривал создание политически однородного кабинета («объединенного правительства») из деятелей, пользующихся поддержкой народного представительства, как основного выразителя воли страны («из лиц, пользующихся доверием страны»), и готовых идти на воплощение программы большинства членов законодательных палат, т.е. Прогрессивного блока («согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы»).⁵⁹⁸

Согласно спискам «министерства доверия», подавляющую часть его членов должны были составить исключительно члены блока, причем не только депутаты Думы, но и царские сановники, являвшиеся назначенными членами Государственного совета. Между тем именно при «парламентском правлении», писал Б.Н.Чичерин, «министерская власть, по назначению короля, постоянно передается в руки людей, располагающих большинством в представительных палатах». ⁵⁹⁹ Следовательно, пункт о «министерстве доверия» вполне соответствовал канонам парламентаризма. Соответствовал им и тот способ осуществления этого пункта, который предлагали лидеры Прогрессивного блока.

Во время состоявшихся 27 августа переговоров между оппозиционерами и министрами на вопрос о том, каким путем может быть осуществлено «пожелание программы относительно правительства», думцы ответили, что «вопрос сводится к призыванию его императорским величеством пользующегося общественным доверием лица, которому должно быть поручено составление кабинета по своему усмотрению и установление определенных взаимоотношений с Государственной думой». ⁶⁰⁰ Однако эта рекомендация лидеров блока полностью созвучна тому, что писал об особенностях формирования кабинета в парламентарных монархиях Б.Н.Чичерин: «Обыкновенно составление министерства поручается одному лицу, которое предлагает монарху список товарищей. Это то, что называется парламентским правлением». ⁶⁰¹

Противники отождествления «министерства доверия» с «ответственным министерством» указывали на то, что первое, в отличие от второго, может состоять не только из народных представителей и общественных деятелей, но и из царских бюрократов. Однако И.Н.Ефремов, объясняя в Думе 9 февраля 1916 г. взгляды своей партии, открыто выступавшей, в отличие от кадетов, за введение «ответственного министерства», заявил, что оно «не должно непременно составляться из членов законодательных палат или даже исключительно из общественных деятелей; в его среде могут быть и опытные, талантливые чиновники». ⁶⁰²

Практически все царские бюрократы, которых думцы хотели видеть министрами, входили в состав назначенной части верхней палаты — Государственного совета. Поэтому даже если бы правительство полностью

состояло из подобных бюрократов, политического контроля со стороны народного представительства оно бы не избежало.

Канонам парламентаризма не противоречил и термин «министерство доверия», хотя именно отсутствие тождества между ним и термином «ответственное министерство» лидеры Прогрессивного блока приводили в качестве доказательства того, что дарование «министерства доверия» не равнозначно введению парламентаризма. Однако кадетский правовед Н.И.Лазаревский характеризовал парламентаризм как «зависимость состава министерства от доверия, оказываемого ему народным представительством». ⁶⁰³ То, что замена слова «ответственное» словом «доверия» — в конечном итоге всего лишь игра словами, признавал даже лидер кадетов П.Н.Милюков, самый стойкий противник отождествления упомянутых терминов. ⁶⁰⁴

Доказывая отличие «министерства доверия» от «ответственного министерства», лидеры Прогрессивного блока подчеркивали, что в первом случае речь идет именно об «общественном доверии», т.е. доверии не только Думы, но и общества, представленного такими оппозиционными организациями, как Земский и Городской союзы, между тем как во втором случае подразумевается только доверие Думы. Но П.Н.Милюков указывал на то, что Прогрессивный блок «ближайшим образом был связан с Земским и Городским союзами». ⁶⁰⁵ Общественные организации, будучи опорой Думы, сами опирались «на нее, как на настоящее народное представительство», ⁶⁰⁶ и, вспоминая соратник Г.Е.Львова, «крепко держались за Государственную думу». ⁶⁰⁷ Поскольку общественные организации и народное представительство составляли как бы одно целое, доверие первых автоматически означало и доверие второй.

Защищавшееся сторонниками Прогрессивного блока мнение о том, что создание «министерства доверия» не равнозначно переходу к парламентаризму, было бы резонно, если бы его введение происходило только при инкорпорировании формулы об «ответственном министерстве» в писаную конституцию. Однако к началу XX в. парламентарная система вводилась не путем издания соответствующих законов, а через допущение в практику народного представительства соответствующих прецедентов. ⁶⁰⁸ Лидеры Прогрессивного блока понимали, что парламентаризм устанавливается не законами, а прецедентами. ⁶⁰⁹

Не юридический, а чисто фактический характер участия законодательных учреждений в образовании кабинета имело не только при введении парламентарной системы, но и в ходе ее дальнейшего функционирования. ⁶¹⁰ Тем не менее на заседании конференции кадетской партии, состоявшемся 7 июня 1915 г., П.Н.Милюков отмечал, что, «говоря об “общественном доверии”, а не о доверии “большинства” Государственной думы», кадеты придают «понятию “ответственности” моральный характер, а не юридический». ⁶¹¹ Похожей точки зрения держался В.И.Гурко. ⁶¹² Но даже если бы кадеты, следуя рецепту П.Н.Милюкова, прямо говорили о доверии кабинету со стороны не страны, а большинства Думы, то и в этом случае понятие «ответственный» юридического характера не получило бы.

Воплощение лозунга о «министерстве доверия» было равносильно введению «ответственного министерства» именно потому, что давало

практике формирования кабинета направление, следование по которому означало фактическое установление парламентарной системы. В этом отдавали себе отчет сами члены Прогрессивного блока.⁶¹³ Тождество между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не отрицал и П.Н.Миллюков.⁶¹⁴

Соглашаясь на лозунг о «министерстве доверия», думцы считали, что об «ответственном министерстве» «должно быть сказано, но не в виде требования, а в смысле пожелания».⁶¹⁵ Вопрос об «ответственном министерстве» все фракции решили не поднимать «по тактическим соображениям», но «свои действия направить по этому руслу».⁶¹⁶ Следовательно, делавшиеся лидерами Прогрессивного блока и его сторонниками из числа бюрократов утверждения о принципиальной разнице между «министерством доверия» и «ответственным министерством» были весьма прозрачной тактической уловкой, нацеленной на то, чтобы сознательно затушевать истинную цель блока, которая состояла в ликвидации дуалистической системы.

В том, что лозунг о «министерстве доверия» не нейтрален, а ориентирован налево, в сторону парламентаризма, отдавали себе отчет и царские сановники. «Система, которая была принята в Германии, Австрии и в Соединенных Штатах, где глава государства свободен выбирать правительство, какое он считает нужным, без обязательства составлять кабинет из членов парламента, — писал П.Л.Барк по поводу первого пункта программы Прогрессивного блока, — такое положение вещей, очевидно, не удовлетворяло наших законодателей». Они, по свидетельству П.Л.Барка, хотели «англо-французской системы»,⁶¹⁷ т.е. именно парламентаризма.

Неверно утверждать, что между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не существовало вообще никаких отличий. «Министерство доверия» означало введение парламентаризма де-факто, а «ответственное министерство» — не только де-факто, но и де-юре. Однако, поскольку достаточной предпосылкой парламентаризма было достижение соответствующего фактического состояния, принципиальной разницы между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не имелось. Это понимали иностранцы, хорошо знакомые с политической практикой парламентарных государств.⁶¹⁸

Осуществление лозунга о «министерстве доверия», как и об «ответственном министерстве», означало упразднение Основных законов, т.е. государственный переворот. Антиконституционность этого лозунга признавали и члены Прогрессивного блока,⁶¹⁹ и царские сановники.⁶²⁰ В конкретном политическом контексте лета 1915 г. борьба за «министерство доверия» приобрела не только оппозиционный, но и революционный характер.

6. «Министерская чехарда».

И.Л.Горемыкин и А.Н.Хвостов (сентябрь 1915 — январь 1916 г.)

После состоявшегося 3 сентября 1915 г. перерыва сессии законодательных учреждений политическая борьба внутри Совета министров не только не прекратилась, но и заметно усилилась.⁶²¹ Это было вызвано су-

ществованием на уровне высшей исполнительной власти прогрессивной группы, в которую входили парламентаристы. В сентябре из 14 членов кабинета к составу прогрессивной группы принадлежали 11 человек — подавляющее большинство. Все эти министры, как парламентаристы, в той или иной степени идентифицировали себя с политическим курсом не премьера, а Прогрессивного блока. Оппонентами парламентаристов были только два дуалиста — глава кабинета И.Л.Горемыкин и министр юстиции А.А.Хвостов.⁶²²

Подавляющее численное превосходство парламентаристов толкало их на применение по отношению к своим оппонентам наступательной тактики. А.А.Поливанов, С.Д.Сазонов и князь Н.Б.Щербатов, будучи «резко настроены против Горемыкина», говорили членам Прогрессивного блока, что «они всеми силами будут содействовать удалению настоящего председателя Совета министров и проведению наиболее приемлемых пунктов программы Блока».⁶²³

Тактика парламентаристов совпадала с тактикой лидеров оппозиции. В сентябре М.В.Родзянко отправил всеподданнейший доклад, в котором доказывал, что «необходимо удалить Горемыкина и прислушаться к голосу страны».⁶²⁴

Принципиальная ориентация парламентаристов на оппозицию привела к перманентному конфликту между ними и Николаем. Требование Прогрессивного блока о скорейшем демонтаже дуалистической системы через немедленное дарование «министерства доверия» царь находил абсолютно неприемлемым. Сопrotивляться введению парламентаризма Николая заставляло разделявшееся им воззрение о полной неподготовленности к этому народной массы.⁶²⁵ Допущению прямого влияния Думы на формирование кабинета монарх сопротивлялся также вследствие своего убеждения в некомпетентности лидеров оппозиции. Царь исходил из того, что пользовавшиеся ее доверием деятели не сумеют, оказавшись у власти, справиться с положением лучше, нежели министры, пользовавшиеся монаршим доверием. Особый скепсис вызывали у Николая государственные потенции депутатов Думы.⁶²⁶ Неприятие царем лозунга о «министерстве доверия» объяснялось и тем, что депутаты, по его мнению, в силу своего социального статуса были далеки от народа. Поэтому, полагал император, они не являлись истинными выразителями народной воли.⁶²⁷

Николай был убежден в том, что оппозиционностью заражены только столицы, а вся остальная страна — на стороне монарха и его правительства. Во время всеподданнейшего доклада в Ставке, состоявшегося 10 сентября,⁶²⁸ главноуправляющий канцелярией по принятию прошений В.И.Мамантов попытался намекнуть императору на бытование антиправительственных настроений не только в столице, но и в провинции. Николай сначала слушал докладчика «с недоверчивою улыбкою и возрастающим изумлением», а затем воскликнул: «Да вы с ума сошли, вам все это приснилось и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И чего вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы? Можете быть спокойны; если бы и могли произойти какие-нибудь неожиданности, то

соответственные меры против них приняты и повторяю вам, победа теперь уже не за горами».⁶²⁹

Николай воспринимал активность парламентаристов, ориентированных на оппозицию, с явным раздражением.⁶³⁰ Поведение членов прогрессивной группы выглядело в глазах императора как естественное следствие потери ими политической проницательности. Для возвращения ее растерявшимся министрам Николай вызвал весь кабинет к себе в Ставку. Однако парламентаристы, считая, что политической проницательности лишились не они, а монарх и И.Л.Горемыкин, отступать не собирались. Парламентаристы решили настаивать перед Николаем на приглашении в правительство двух-трех общественных деятелей в качестве министров без портфелей или товарищей министров, замене И.Л.Горемыкина А.В.Кривошеиным и безотлагательном созыве Государственной думы.⁶³¹

Когда министры приехали в Ставку, то там их никто не встретил. Из этого они сделали вывод, что прибытие кабинета протекает «под знаком неблагоприятия».⁶³² В недовольстве Николая парламентаристами они убедились еще больше 16 сентября, на начавшемся в 17.30⁶³³ заседании правительства под председательством императора. Во время заседания Николай «сурово обошелся» с министрами, подписавшими письмо от 21 августа.⁶³⁴

Своим сотрудникам император заявил буквально следующее: «Высказываю неодобрение за письмо, удивившее и огорчившее меня. Не сбилось мнение, в нем выраженное, вся истинная Россия со мною, а что говорят в Петрограде и в Москве, мне все равно. Я имею полное доверие к председателю Совета министров и надеюсь, что он долго останется председателем, и что все будут следовать его руководству. Проведя здесь три недели, я отдохнул головой, душа успокоилась, мысли очистились. В столицах — чад. Все усилия правительства и всей страны должны быть сосредоточены на мысли о войне. Мы должны отдать все силы и разум войне. Мы должны всех подчинить, принудить к работе по снабжению армии и к достижению спокойствия в тылу. Надо добиться того настроения, которое было в первые девять месяцев войны».⁶³⁵

Заканчивая свое выступление, Николай заявил резким голосом: «Я не потерплю, чтобы мои министры вели себя, как забастовщики по отношению к моему председателю Совета. Я сумею внушить всем уважение к моей воле».⁶³⁶

Несмотря на отрицательное отношение Николая к деятельности парламентаристов, они предприняли попытку переубедить императора, выступив за принятие требований Прогрессивного блока. Наиболее активными сторонниками этого выказали себя А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, А.Д.Самарин, П.А.Харитонов и Н.Б.Щербатов. А.В.Кривошеин говорил о том, что «между правительством, с одной стороны, и обществом и народом — с другой, должна быть связь». П.А.Харитонов признал положения блоккистской программы «не противоречащими началам нашей государственности», подчеркнув особо, что в программе «вовсе не говорится» об «ответственном министерстве». И.Л.Горемыкин, однако, с доводами П.А.Харитонova не согласился.⁶³⁷

Премьер оспорил мнение парламентаристов о разрыве между властью и обществом. Он заявил: «Это не так, мы идем с Земским и Город-

ским союзами и даже с Думой». В заявлении И.Л.Горемыкина не было никакого лукавства — действительно, в его лице правительство шло вместе с обществом, но в рамках дуалистической системы, а не парламентаризма, к которому стремились оппозиция и солидарные с ней министры. Вот почему в ответ на слова премьера С.Д.Сазонов раздраженно заметил, что это «совсем не то».⁶³⁸

Предостережения парламентаристов относительно того, что «неудовольствие растет», Николай парировал указанием на пачки полученных им накануне верноподданнических телеграмм. «Вы, — обратился царь к министрам, — слишком много в Петрограде сидите, вы совершенно прониклись петроградскими болотными язвами, а вот голос народа».⁶³⁹

В конце заседания Николай «глухим и недовольным» голосом сказал: «Я вас выслушал и, когда приеду в Царское Село, то там решу». Произнося эти слова, царь сделал «жест рукой, как бы разрубая что-то».⁶⁴⁰ Как и на заседании 20 августа, парламентаристы получили твердый отпор. Окончательно отвергнув их рекомендации, Николай надеялся, что дал «хороший урок» и министрам, и лидерам оппозиции. Во время войны, полагал император, «надлежит, прежде всего, озаботиться об армии, а не заниматься внутренними раздорами».⁶⁴¹ Парламентаристы предпочитали солидаризироваться не со своим председателем, а с Прогрессивным блоком. Это утвердило Николая во мнении о необходимости реорганизации кабинета.⁶⁴²

План императора, подразумевавший увольнение наиболее активных парламентаристов, поддержал И.Л.Горемыкин. Он еще до совещания в Ставке, в течение августа — сентября, просил Николая через императрицу отставить А.В.Кривошеина,⁶⁴³ А.Д.Самарина⁶⁴⁴ и Н.Б.Щербатова.⁶⁴⁵ Просьбы премьера поддержала, в свою очередь, Александра Федоровна.

Политические расхождения с императором и премьером заставили А.В.Кривошеина, А.Д.Самарина и Н.Б.Щербатова подать в отставку. Началась так называемая «министерская чехарда».⁶⁴⁶ Уже 25 сентября Николай писал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву: «Пришлите мне указы об увольнении: князя Щербатова от должности управляющего МВД и Самарина от должности исправляющего должность обер-прокурора Святейшего Синода».⁶⁴⁷ Уход А.В.Кривошеина, несмотря на грехи главноуправляющего, царь облек в максимально мягкие формы, дав отставнику рескрипт и наградив его орденом Александра Невского.⁶⁴⁸ Помимо Н.Б.Щербатова, А.Д.Самарина и А.В.Кривошеина, осенью 1915 г., по причине нездоровья, был уволен и С.В.Рухлов.

Согласно мнению современников и историков, «министерская чехарда» стала следствием увеличения политического веса «темных сил» и «безответственных влияний».⁶⁴⁹ Под ними подразумевали Александру Федоровну, Г.Е.Распутину и их окружение, т.е. камарилью. Существует и иная точка зрения.⁶⁵⁰ Однако до сих пор она более декларировалась, нежели аргументировалась.

Попыток царицы и старца влиять на назначения и увольнения министров отрицать не приходится. Но важно выяснить, насколько результативными были эти попытки. При их анализе бросается в глаза полное обуславливание мнений Александры Федоровны и Г.Е.Распутина мнe-

нием Николая. Подобное обуславливание вытекало из их общей веры в абсолютную ценность царского волеизъявления, в то, что воля самодержца священна, поскольку «сердце царево в руке Божьей».

Более всего представление о монархе как орудии божьего промысла было свойственно самому Николаю.⁶⁵¹ Данное представление предопределяло крайне негативное отношение царя ко всем попыткам, направленным на подчинение его воли при решении политических вопросов, даже если эти попытки исходили от Александры Федоровны.⁶⁵² Для Г.Е.Распутина вход в святилище самодержавной власти Николай закрывал еще плотнее.⁶⁵³ Фанатическое отстаивание царем полноты самодержавия от покушений на нее со стороны не только оппозиции, но и камарильи делало невозможным активное участие в определении политического курса и формировании Совета министров какого-либо иного фактора, кроме монарха. Жене и «Другу» Николая оставалось только слепо преклоняться перед его волей. Тем более что она, будучи по видимости мягкой, на самом деле отличалась несомненной твердостью.⁶⁵⁴ Поэтому все политическое значение Г.Е.Распутина держалось на преклонении перед волей монарха.

Прочность положения старца объяснялась именно тем, что он не столько давал советы, сколько не противоречил Николаю. Г.Е.Распутин настаивал на том, чтобы «ты, — писала царица мужу, — выполнял свои планы, твоя первая мысль всегда бывает наиболее правильной».⁶⁵⁵ Иногда «первая мысль» Николая наталкивалась на сопротивление со стороны представителей бюрократической элиты. При разногласиях императора с его сотрудниками жена и «Друг» Николая аффективно поддерживали первоначальное мнение самодержца, даже если он склонялся к тому, чтобы отказаться от этого мнения.

Влияние старца на царя было сильным не в политической, а исключительно в духовной сфере. Николай верил в религиозность Г.Е.Распутина.⁶⁵⁶ В общении с ним император находил удовлетворение своих самых глубинных душевных запросов.⁶⁵⁷ Получая от Г.Е.Распутина именно то, что он хотел получить, Николай видел в этом доказательство неправоты тех, кто выступал с обвинениями старца в греховности. Николай и Александра Федоровна полагали, что старец «страдает за правду», как страдали святые, и что только зависть и злоба толкали людей на лжесвидетельство против него».⁶⁵⁸ Утверждению царской четы в этом воззрении содействовало то, что противники старца использовали для его дискредитации фальшивки.⁶⁵⁹ В данном случае неважно — был ли Г.Е.Распутин действительно святым или нет. Достаточно выяснить, имел ли Николай какие-либо основания лично сомневаться в истинности возводимых на старца обвинений. Многочисленные факты неоднократно давали царю основания для того, чтобы не верить обвинениям Г.Е.Распутина в том, что он хлыст⁶⁶⁰ и распутник.⁶⁶¹

Примитивное неправдоподобие мифа о Г.Е.Распутине казалось императору очевидным настолько, что для его разоблачения Николай не считал нужным употреблять какие-либо усилия. Царь находил это ниже своего достоинства.⁶⁶²

В муссировании оппозиционерами распутинского мифа Николай видел не только следствие добросовестного заблуждения, вызванного не-

осведомленностью, но и средство дискредитирования монарха и монархии.⁶⁶³ Обращение к распутинской теме было, в глазах императора, при знаком недостаточной лояльности. Поэтому увольнение А.Д.Самарина, затронувшего пресловутую тему при сопротивлении попытке епископа Варнавы, друга Г.Е.Распутина, канонизировать Иоанна Тобольского,⁶⁶⁴ доказывало не всеилие «безответственных влияний», а его мифичность.⁶⁶⁵

Не менее важная причина увольнения разоблачителей Г.Е.Распутина состояла в том, что сановники, которые верили в миф о нем, оказывались политическими оппонентами царя. Ведь этот миф использовался в качестве главного аргумента в пользу необходимости замены дуалистической системы парламентаризмом.

Доказательством мифичности всеилия «безответственных влияний» стали назначения осени 1915 г. Одно из них было связано с появлением во главе МВД А.Н.Хвостова (племянника министра юстиции А.А.Хвостова). Он оказался первым за всю историю Думы депутатом, получившим должность министра. Разделявшаяся современниками и исследователями версия о причастности к выдвижению кандидатуры А.Н.Хвостова царицы, князя М.М.Андроникова и Г.Е.Распутина лишена оснований.⁶⁶⁶

На пост министра внутренних дел А.Н.Хвостов был рекомендован императору еще в 1911 г. не кем иным, как П.А.Столыпиным.⁶⁶⁷ Николай последовал совету премьера и в августе 1911 г. послал Г.Е.Распутина в Нижний Новгород, поручив ему «посмотреть на Хвостова».⁶⁶⁸ Губернатор не выказал гостю особого внимания, а потому старцу А.Н.Хвостов не понравился.⁶⁶⁹ Несмотря на это, после убийства П.А.Столыпина, министром внутренних дел Николай по-прежнему хотел назначить именно А.Н.Хвостова. От своего намерения царь отказался только по просьбе нового премьера В.Н.Коковцова.⁶⁷⁰

Назначение А.Н.Хвостова произошло через четыре года. В это время проявилось нежелание царя пойти на немедленное установление парламентаризма, к чему стремился Прогрессивный блок. Однако точка зрения Николая не означала полного отказа от компромисса с оппозицией. Наоборот, сотрудничество правительства и Думы, но лишь на базе Основных законов, осенью 1915 г., как и в начале войны, казалось императору необходимым. Точка зрения Николая была умеренно-дуалистической. Между тем именно в это время А.Н.Хвостов зарекомендовал себя как умеренный дуалист, хотя и числился в правой фракции.⁶⁷¹ Преемник парламентариста Н.Б.Щербатова вписывался в политику Николая по отношению к Думе.

Назначение думца было шагом навстречу оппозиции.⁶⁷² Но этот шаг не выводил течение политического процесса за рамки дуалистической системы. Выбрав А.Н.Хвостова, Николай хотел добиться также нейтрализации слухов о влиянии на него «германфильской партии». Поскольку А.Н.Хвостов имел репутацию яркого германофоба и являлся в этом смысле знаковой фигурой, его нахождение во главе МВД, по мысли царя, должно было доказать несостоятельность подозрений, захвативших массовое сознание. Назначая депутата, Николай заметил: «Уж его в шпионстве не заподозрят».⁶⁷³

Первый раз о своем намерении заменить управляющего МВД Н.Б.Щербатова А.Н.Хвостовым Николай заявил И.Л.Горемыкину 25 июля.⁶⁷⁴ Премьер, поддержанный А.А.Хвостовым-дядей, оспорил намерение царя.

К выдвижению кандидатуры А.Н.Хвостова Г.Е.Распутин никакого отношения не имел. С 15 июня по 31 июля он отсутствовал в Петрограде, будучи у себя на родине, в Сибири.⁶⁷⁵ Старец не имел никакого отношения и к сопровождавшей назначение А.Н.Хвостова замене товарища министра внутренних дел генерала В.Ф.Джунковского сенатором С.П.Белецким. О необходимости такой замены Николай заявил Н.Б.Щербатову 29 июля.⁶⁷⁶

При разногласии царя с премьером по поводу назначения А.Н.Хвостова царица заняла сторону мужа.⁶⁷⁷ Впрочем, не вполне. Во время состоявшейся 28 августа встречи с Александрой Федоровной И.Л.Горемыкин, в противовес А.Н.Хвостову, выдвинул члена Государственного совета по назначению А.Б.Нейдгарта. Царица эту кандидатуру поначалу поддержала.⁶⁷⁸ Одновременно Александра Федоровна попросила А.А.Вырубову встретиться с А.Н.Хвостовым и оценить его. Для организации встречи с депутатом А.А.Вырубовой обратилась к князю М.М.Андронику. Встреча произошла 29 августа в Царском Селе. А.А.Вырубовой А.Н.Хвостов понравился. После этого князь развернул письменную агитацию в пользу назначения думца. Письмо А.А.Вырубовой, посвященное этому, М.М.Андроников написал не ранее 2 сентября,⁶⁷⁹ а Николаю — еще позже.⁶⁸⁰ Князь вел абсолютно беспроектную игру. Ведь он узнал от А.А.Вырубовой, что А.Н.Хвостов «предназначен был уже государем».⁶⁸¹

Под влиянием А.А.Вырубовой и М.М.Андроникова царица 9 сентября окончательно приняла кандидатуру А.Н.Хвостова.⁶⁸² И.Л.Горемыкин, однако, не дремал. В дополнение к А.Б.Нейдарту в министры внутренних дел премьер выдвинул еще четырех сановников. Как сообщал М.М.Андроников А.А.Вырубовой не ранее 2 сентября, ими были: директор департамента общих дел МВД А.Н.Волжин, государственный секретарь С.Е.Крыжановский, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части Д.Н.Любимов и варшавский губернатор П.П.Стремоухов.⁶⁸³ Наиболее желательным кандидатом И.Л.Горемыкин считал С.Е.Крыжановского. Именно на него премьер указал императору на встрече, состоявшейся 14 сентября в Ставке. Однако Николай по-прежнему настаивал на А.Н.Хвостове. Премьер проиграл. Из Могилева он приехал «с известием о назначении Хвостова».⁶⁸⁴

Между тем императрица решила лично встретиться с А.Н.Хвостовым, чтобы проверить положительные мнения о нем, высказанные М.М.Андрониковым и А.А.Вырубовой. В решении пойти на эту встречу Александру Федоровну утвердила телеграмма Г.Е.Распутина, все еще находившегося в Сибири. О близости назначения А.Н.Хвостова Г.Е.Распутин узнал из телеграммы А.А.Вырубовой только в середине сентября. Ответная телеграмма старца была получена ею 16 сентября.⁶⁸⁵ Г.Е.Распутин благословил выбор императора. Примечательно, что до того момента старец имел отрицательное мнение об А.Н.Хвостове. Однако Г.Е.Распутин немедленно переменял фронт, когда узнал о намерении Николая и одобрении этого намерения Александрой Федоровной.

Встреча царицы с А.Н.Хвостовым произошла 17 сентября. «Мой муж, — сказала ему Александра Федоровна, — не раз уже подумывал о назначении вашем на пост министра внутренних дел, и действительно — Щербатов совершенно не годится. Но, сознаюсь, что я этому препятствовала вследствие того, что вы так отрицательно относитесь к Григорию Ефимовичу». В конце встречи царица намекнула А.Н.Хвостову на желательность назначения С.П.Белецкого товарищем министра внутренних дел.⁶⁸⁶

Указы о назначении А.Н.Хвостова и С.П.Белецкого Николай подписал 26 и 28 сентября.⁶⁸⁷ Г.Е.Распутин же вернулся в Петроград лишь 28 сентября. Встреча Г.Е.Распутина с А.Н.Хвостовым и С.П.Белецким состоялась уже после их назначения, 29 сентября.⁶⁸⁸ «Меня злило, — подчеркивал по этому поводу М.М.Андроников, — когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24—25 августа, а Распутин приехал в сентябре!»⁶⁸⁹ Таким образом, назначение А.Н.Хвостова предопределили не «темные силы», а чисто политические причины. Поэтому его появление во главе МВД не привело к повышению результативности вмешательства Г.Е.Распутина в кадровую политику.

По просьбе старца произошло лишь одно назначение, а именно — назначение 13 ноября тобольским губернатором, вместо переведенного в Самару А.А.Станкевича, управляющего пермской казенной палатой Н.А.Ордовского-Танаевского.⁶⁹⁰ В то же время, несмотря на желания Г.Е.Распутина и его окружения, А.Н.Хвостов не пошел на замену петроградского градоначальника князя А.Н.Оболенского начальником дворцовой охраны генералом А.И.Спиридовичем⁶⁹¹ и проведение в товарищи министра торговли и промышленности или члены совета этого министра друга старца Н.Н.Решетникова. Последний не получил также и чина действительного статского советника, которого он добивался.⁶⁹²

Никакого отношения «безответственные влияния» не имели и к назначению директора департамента общих дел МВД А.Н.Волжина исправляющим должность обер-прокурора Синода. Современники и исследователи приписывали это назначение А.Н.Хвостову, которого якобы поддержал Г.Е.Распутин.⁶⁹³ На самом деле А.Н.Волжин являлся личным кандидатом Николая.

С.П.Белецкий полагал, что А.Н.Хвостов «провел мысль о Волжине» «в одном из своих ближайших докладов».⁶⁹⁴ Но первый доклад А.Н.Хвостова у царя, согласно дневнику Николая, состоялся 20 октября. Между тем уже 30 сентября, согласно тому же дневнику, царь имел встречу с А.Н.Волжиным, во время которой и предложил ему пост обер-прокурора.⁶⁹⁵ Впрочем, представители «безответственных влияний» накануне отставки А.Д.Самарина попытались найти ему преемника.

В начале сентября М.М.Андроников совместно с петроградским митрополитом Владимиром составил список кандидатов на пост обер-прокурора. В списке, представленном императрице А.А.Вырубовой, фигурировали директор канцелярии Синода П.В.Гурьев, назначенный член правой группы Государственного совета А.А.Макаров и министр юстиции А.А.Хвостов.⁶⁹⁶ Кандидатами М.М.Андроникова на пост обер-прокурора

были также почетный опекун В.С.Арсеньев, камергер С.М.Прутченко, назначенный член правой группы А.П.Рогович и редактор «Правительственного вестника» князь С.П.Урусов.⁶⁹⁷ Особое предпочтение, с подачи А.Н.Хвостова, М.М.Андроников отдавал министру юстиции.⁶⁹⁸ Под влиянием князя Александра Федоровна остановилась на А.А.Хвостове.⁶⁹⁹

В преемники своего дяди А.Н.Хвостов предложил сенатора Н.С.Крашенинникова. Царица поддержала и эту кандидатуру.⁷⁰⁰ Г.Е.Распутин в преемники А.А.Хвостова выдвинул его предшественника — назначенного члена Государственного совета И.Г.Щегловитова.⁷⁰¹ Поиски царицей нового обер-прокурора закончились на председателе Общества востоковедения генерале Н.К.Шведове.⁷⁰² М.М.Андроников, однако, выступил против Н.К.Шведова. Вместо него князь предложил кандидатуры назначенных членов правой группы графа А.А.Бобринского и Н.А.Зверева.⁷⁰³ Но никто из этого сонма сановников преемником А.Д.Самарина не стал. В сентябре 1915 г. портфель обер-прокурора получил кандидат Николая. Тем не менее в сентябре 1915 г., вопреки фактам, парламентаристы считали, что М.М.Андроников вершит судьбу России.⁷⁰⁴

Поиски царицей нового товарища обер-прокурора были более результативными. Кандидатом Александры Федоровны оказался сверхштатный помощник статс-секретаря Государственного совета князь Н.Д.Жевахов.⁷⁰⁵ Однако получения своего поста Н.Д.Жевахов дождался только через год.

Появление во главе МПС назначенного члена правой группы верхней палаты А.Ф.Трепова произошло прямо вопреки пожеланиям императрицы и старца.⁷⁰⁶ Назначение А.Ф.Трепова не устраивало и А.Н.Хвостова. Министром путей сообщения он хотел видеть сенатора Д.Б.Нейдгарта.⁷⁰⁷ Но его кандидатура не прошла.

Назначение выборного члена Государственного совета А.Н.Наумова управляющим Министерством земледелия также произошло вне всякого влияния А.Н.Хвостова. Руководитель МВД полагал, что именно он во время встречи с императором, состоявшейся 27 октября, впервые подсказал собеседнику имя А.Н.Наумова.⁷⁰⁸ В действительности о своем желании назначить его министром земледелия Николай сообщил И.Л.Горемыкину днем раньше, 26 октября.⁷⁰⁹ В преемники А.В.Кривошеина премьер намечал начальника главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов С.С.Хрипунова.⁷¹⁰ Сам А.В.Кривошеин выдвинул кандидатуру товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием Г.В.Глинки,⁷¹¹ поначалу поддержанную М.М.Андрониковым.⁷¹² Однако управляющим Министерством земледелия снова стал кандидат Николая.

Главной причиной назначения А.Н.Наумова, входившего в группу центра Государственного совета,⁷¹³ присоединившуюся к Прогрессивному блоку, была принадлежность этого деятеля к оппозиции. Перед получением министерского портфеля А.Н.Наумов откровенно признался Николаю в своей оппозиционности. «Я, — сказал тогда А.Н.Наумов, — не могу быть более верноподданным, чем те министры, которые только что ушли; они мои искренние единомышленники — Самарин, князь Щербатов; более верноподданным, чем они были, я быть не могу. Я предупреждаю

даю вас, государь». Император на это ответил: «Я вас десять лет знаю, как губернского предводителя дворянства, я неоднократно выслушивал ваши советы, в частности, по поводу землеустройства и местных дел, вы — человек земли, вы — человек правды. Надеюсь, что ваш следующий доклад будет так же в понедельник, как было при Кривошеине».⁷¹⁴ Назначение А.Н.Наумова все-таки произошло. Оно являлось очевидным доказательством наличия у Николая стремления к соглашению с Прогрессивным блоком.

А.Н.Наумов пополнил состав прогрессивной группы. Таким образом, к январю 1916 г. в нее входили 8 человек, т.е. большинство министров.⁷¹⁵ Их оппоненты в количестве 5 человек (А.Н.Волжин, И.Л.Горемыкин, А.Ф.Трепов и А.А. и А.Н.Хвостовы) по-прежнему были в меньшинстве. Реорганизация кабинета не поколебала доминирования прогрессивной группы. Сознательное сохранение Николаем, при всех перипетиях «министерской чехарды», этой группы, члены которой ориентировались на оппозицию, также доказывало, что царь являлся сторонником компромисса с Прогрессивным блоком. Вообще, кадровыми переменами осени 1915 г., и прежде всего — назначениями А.Н.Хвостова и А.Н.Наумова, Николай хотел показать, что «ничего не имеет против привлечения в состав правительства членов законодательных палат».⁷¹⁶

В ходе состоявшейся 22 октября⁷¹⁷ встречи с императором английский посол Д.У.Бьюкенен, подразумевая «министерство доверия», выразил надежду увидеть в России «сильную правительственную власть». Николай выслушал посла «весьма внимательно» и в «сдержанных, но милостивых выражениях согласился с его доводами».⁷¹⁸ В намерении добиться соглашения с Думой Николая поддерживала супруга.⁷¹⁹

В то же время, осенними назначениями царь подчеркивал, что «сохраняет за собой полную свободу выбора своих сотрудников, которые продолжают нести ответственность непосредственно перед монархом, а не перед законодательными палатами».⁷²⁰ Иными словами, Николай по-прежнему полагал, что, вопреки парламентаристским претензиям Прогрессивного блока, компромисс между ним и правительством возможен только в рамках дуалистической системы.

Назначавшиеся в Совет министров дуалисты должны были соотноситься с наличием у царя стремления к соглашению с оппозицией. Это выявилось особенно четко в случае с А.Н.Хвостовым. Он являлся таким же противником премьера, как и Н.Б.Щербатов, полагая, что И.Л.Горемыкин «ведет прямо к концу, потому что его политика — пережиток старого».⁷²¹ Более того, первые шаги нового министра показали, что «якобы “правый” господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы “левый” князь Щербатов». Выражая свое мнение по поводу назначения А.Н.Хвостова, П.Б.Струве писал: «Никакого сдвига направо не совершилось».⁷²²

Целью А.Н.Хвостова было не обуздание Прогрессивного блока, а заключение с ним соглашения. Он хотел «выдвинуться как человек, примиривший Думу с правительством».⁷²³ Сразу после получения министерского поста А.Н.Хвостов заявил журналистам: «Ничего предвзятого ни к

Блоку, ни к руководителям и создателям его у меня нет. В дальнейшей работе на правительственной скамье я не смогу опираться только на крайнее правое крыло Государственной думы, как нельзя опереться и на другое крайнее крыло. Работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с Блоком. Я вообще убежден, что будут сделаны все попытки соглашения с Государственной думой». ⁷²⁴ Прочитав интервью А.Н.Хвостова, член Прогрессивного блока отметил: «Судя по этой беседе, будущая деятельность нового министра обрисовывается в достаточно либеральном свете». ⁷²⁵

Для подготовки компромисса правительства с оппозицией А.Н.Хвостов пошел на сближение с националистами, октябристами и лидером фракции центра П.Н.Крупенским. ⁷²⁶ Контуры большинства, на которое собирался опираться А.Н.Хвостов, можно найти в «Записке о перспективах выборов в 5-ю Государственную думу», составленной в конце 1915 г. На вопрос о том, члены каких партий «могли бы быть желательны для правительства», ее авторами давался ответ, что «допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы». ⁷²⁷ Следовательно, министр внутренних дел являлся прямым наследником П.А.Столыпина. Как и его предшественник, А.Н.Хвостов собирался найти опору прежде всего у право-октябристского большинства.

Готовя почву для компромисса с оппозицией, руководитель МВД попытался «парализовать» ортодоксально-дуалистическое влияние И.Л.Горемыкина. ⁷²⁸ На заседаниях кабинета к его председателю А.Н.Хвостов «совершенно не примыкал» ⁷²⁹ и держал «какую-то особую правую линию». ⁷³⁰ Дистанцирование А.Н.Хвостова от И.Л.Горемыкина привело к тому, что деятельность нового министра получила высокую оценку со стороны парламентаристов. С.Д.Сазонов заявил своему сотруднику барону Б.Э.Нольде, что после назначения А.Н.Хвостова кабинет, «безнадежно завядший под мертвящим влиянием Горемыкина, вдруг ожил и потому можно ждать серьезного улучшения положения». ⁷³¹

Хвостовская трактовка курса на «священное единение» подразумевала демонстрацию благожелательного отношения к Думе и ее председателю. ⁷³² Но самое главное — министр внутренних дел начал координирование деятельности правительства с конкретными пунктами программы Прогрессивного блока. На заседании Совета министров 27 октября он выступил за проведение по статье 87 Основных законов предположения об улучшении обеспечения почтово-телеграфных служащих. ⁷³³ Упомянутая статья давала кабинету право проводить указами временные законы при перерыве в деятельности Думы. А.Н.Хвостов также продолжил постепенное разрешение еврейского вопроса ⁷³⁴ и проведение частичной политической амнистии. ⁷³⁵ Помимо перечисленных мер, министр внутренних дел надеялся «провести целый ряд либеральных законов». ⁷³⁶

Не принимая парламентаризма, А.Н.Хвостов попытался поставить известные пределы участию монарха в управлении, введя функциональные ограничения царской власти. В конкретной ситуации они могли оказаться и политическими. Поводом к этому А.Н.Хвостов избрал вопрос об уменьшении количества дел, поступавших на рассмотрение Николая. Уже

29 ноября А.Н.Хвостов направил И.Л.Горемыкину проект собственного доклада царю о предоставлении руководителю МВД права разрешать некоторые дела «именем его императорского величества без всеподданнейшего по каждому делу доклада или непосредственно властью министра внутренних дел». ⁷³⁷ Государственный секретарь С.Е.Крыжановский поднял вопрос о необходимости расширения власти и других министров. На заседании 15 декабря правительство, признав соображения А.Н.Хвостова и С.Е.Крыжановского заслуживающими внимания, постановило создать под председательством государственного секретаря междудомственное совещание для выяснения тех дел, которые можно было бы предоставить разрешению кабинета или власти отдельных министров. ⁷³⁸

Таким образом, своим прогнозом о том, что А.Н.Хвостов «будет ликвидировать старый порядок», ⁷³⁹ П.Б.Струве попал в самую точку. Если под «ликвидацией старого порядка» понимать осуществление мер по усилению значения Думы в его политической системе, то умеренный дуалист А.Н.Хвостов содействовал этому гораздо более эффективно, чем ортодоксальный парламентарист Н.Б.Щербатов. Неудивительно, что А.Н.Хвостов был ближе к прогрессивной группе, а не к премьеру.

И.Л.Горемыкин, отстаивая дуалистическую идею излишне прямолинейно, считал, что эта идея и достижение компромисса с Прогрессивным блоком исключают друг друга. А.Н.Хвостов, будучи умеренным дуалистом, находил возможным достижение такого компромисса именно в рамках дуалистической системы. Впрочем, не принимая программу Прогрессивного блока в целом, премьер учитывал ее отдельные пункты. ⁷⁴⁰ Показательно благожелательное отношение И.Л.Горемыкина к выдвинутому Думой предложению о создании совещания из представителей законодательных палат и торгово-промышленного мира для выработки основных направлений экономической политики правительства. Это новое высшее учреждение стало бы еще одним шагом на пути к парламентаризации верховного управления. ⁷⁴¹

Единственный союзник И.Л.Горемыкина, министр юстиции А.А.Хвостов, также уделял известное внимание выполнению программы Прогрессивного блока, в частности — относительно политической амнистии ⁷⁴² и по еврейскому вопросу, фактически ликвидировав запрет на поступление евреев в адвокаты. ⁷⁴³ Учитывать отдельные пункты программы блока И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова заставляла не только прагматическая оценка ситуации, но и принципиальная позиция Николая. Выдвижение Думой лозунга о замене дуалистической системы парламентаризмом не вызвало со стороны царя полного разочарования в возможности компромисса между его правительством и оппозицией на базе сохранения этой системы. ⁷⁴⁴ Игнорируя требование Прогрессивного блока о немедленном установлении парламентаризма, Николай был готов пойти навстречу остальным пунктам его программы.

В намерении царя добиться соглашения с оппозицией Николая всячески поддерживали члены прогрессивной группы. При встрече с императором, состоявшейся 20 ноября, ⁷⁴⁵ А.Н.Наумову «удалось внушить ему мысль о необходимости приближения к себе представителей оппозиции

с целью отнятия у нее всякого повода к неудовольствию». Николаю «эта мысль понравилась».⁷⁴⁶ В ответ на делавшиеся министром земледелия призывы к соглашению с оппозицией царь «неоднократно обещал», что «так, — вспоминал А.Н.Наумов, — как я докладывал, и будет».⁷⁴⁷

В отличие от парламентаристов И.Л.Горемыкин, ради нейтрализации оппозиционности Думы, хотел ограничить ее занятия заранее установленным коротким сроком и только рассмотрением бюджета. В октябре премьер запланировал созыв законодательных палат на 25 ноября «для рассмотрения государственной росписи доходов и расходов и относящихся к ней законодательных предположений» и «перерыв занятий оных 20 декабря 1915 г.».⁷⁴⁸ В середине ноября, под предлогом того, что Бюджетная комиссия Думы не закончила рассмотрения бюджета, И.Л.Горемыкин выступил за перенос начала занятий Думы с ноября на время окончания работы комиссии. Премьер посоветовал императору дать по этому поводу председателям Думы и Государственного совета особые рескрипты. Необходимость такого жесткого отношения к нижней палате И.Л.Горемыкин, как ортодоксальный дуалист, обосновал императрице тем, что иначе думцы «будут вмешиваться в правительственные дела, на что не имеют права».⁷⁴⁹

Политика премьера вызывала недовольство лидеров оппозиции. Во время состоявшейся 23 ноября⁷⁵⁰ встречи с Николаем М.В.Родзянко говорил императору, что И.Л.Горемыкин «мешает работать» и «тормозит деятельность тыла». Когда М.В.Родзянко попросил ускорить созыв Думы, царь ответил: «Да, хорошо, я поговорю об этом с Иваном Логгиновичем». По возвращении из Царского Села М.В.Родзянко получил тот самый рескрипт, на издании которого настаивал И.Л.Горемыкин.⁷⁵¹ Однако победа премьера была пирровой. В конце концов Николай пошел навстречу оппозиции. Он решил «отказаться от непримиримой политики Горемыкина и принять более мягкую политику по отношению к Думе».⁷⁵²

Несмотря на свое «полное доверие» к премьеру, царь убедился в необходимости выхода И.Л.Горемыкина в отставку «только потому, что его взгляды вызывали негодование в Думе».⁷⁵³ К мысли об увольнении И.Л.Горемыкина Николай начал определенно склоняться в конце октября.⁷⁵⁴

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 9 декабря в Ставке,⁷⁵⁵ министр просвещения граф П.Н.Игнатьев говорил о необходимости замены И.Л.Горемыкина таким сановником, «который бы что-нибудь сделал для связи с законодательными палатами». Николай тут же ответил, что это «совершенно верно» и «такие задания даны». Обнадеживая П.Н.Игнатьева, царь ему сказал: «Вы скоро увидите».⁷⁵⁶ При решении судьбы И.Л.Горемыкина царь учел и адресованное премьеру письмо М.В.Родзянко. Копию письма, датированного 19 декабря и призывавшего И.Л.Горемыкина к отставке, председатель Думы 27 декабря отдал императору.⁷⁵⁷ Оно было написано под влиянием П.Н.Крупенского. Судя по всему, его вдохновлял А.Н.Хвостов, который действовал против премьера весьма активно. В декабре руководитель МВД «очень разошелся с Горемыкиным и почти настоял на его смене».⁷⁵⁸

А.Н.Хвостов сам метил в премьеры. Для получения премьерства он воспользовался обострением продовольственного вопроса в крупных го-

дах. А.Н.Хвостов посоветовал Николаю дать по этому поводу рескрипт И.Л.Горемыкину.⁷⁵⁹ Рескрипт, датированный 13 декабря и призванный продемонстрировать заботу царя о народных массах, предписывал изыскать «меры к планомерному снабжению нуждающихся местностей продовольствием и топливом». Во исполнение царского повеления 19 декабря правительство решило создать Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом.⁷⁶⁰ Решение кабинета об этом император утвердил 6 января 1916 г.

Новая высшая коллегия, в просторечии называвшаяся Совещанием пяти, функционировала периодически и имела целью объединение деятельности министров, являвшихся председателями особых совещаний. Председателем этого кабинета в миниатюре царь, однако, сделал не А.Н.Хвостова, а министра путей сообщения А.Ф.Трепова.

Выбирая преемника И.Л.Горемыкину, Николай первоначально думал не столько о А.Н.Хвостове, сколько о его дяде, А.А.Хвостове.⁷⁶¹ Но в конце декабря царь остановился на назначенном члене правой группы Государственного совета Б.В.Штюрмере. Не подозревая о том, что тучи над его головой сгущаются, И.Л.Горемыкин по-прежнему отстаивал относительно нижней палаты ортодоксально-дуалистическую точку зрения. Созывать оппозиционную Думу на длительную сессию премьеру не хотелось. Только 16 января 1916 г. И.Л.Горемыкин вынес вопрос о созыве на рассмотрение кабинета. После «вялого обсуждения» премьер намеревался представить этот вопрос на усмотрение Николая в двух вариантах: «созыв в первых числах февраля исключительно для обсуждения бюджета в течение определенного числа дней или же созыв в тот же срок, но без этого ограничительного условия».⁷⁶² Тем самым И.Л.Горемыкин оказался в явном противоречии не только с оппозицией, но и с волей царя.

В январе 1916 г. Николай был готов пойти на длительную сессию Думы. В ходе нее, по мысли царя, правительство координировало бы свою политику с программой Прогрессивного блока, за исключением ее первого пункта, подразумевавшего фактическое введение парламентаризма путем образования «министерства доверия».

Сохранить дуалистическую систему Николай намеревался по крайней мере до конца войны. Во время состоявшейся 21 января⁷⁶³ встречи с императором Д.У.Бьюкенен, намекая на желательность установления парламентаризма, призвал собеседника «вступить на более либеральный путь» и пойти «навстречу пожеланиям народа». Николай заметил, что «время для уступок еще не пришло». «Вы припомните, — сказал император послу, — что я в самом начале сказал народу, что он должен напрячь все свои силы для войны, и что вопросы о внутренних реформах должны быть отложены до заключения мира».⁷⁶⁴

Николай не отрицал неизбежности расширения прав Думы. Царь, однако, ставил его в зависимость от политического развития подавляющего большинства населения империи. Беседуя с английским представителем при Ставке генералом Д.Хэнбери-Вильямсом, Николай признал, что «известная децентрализация управления, конечно, необходима, но главная и решающая власть должна остаться за короной». Царь подчеркнул

особо, что власть Думы «должна прогрессировать потихоньку, ввиду трудности скорого развития воспитания широких масс его подданных».⁷⁶⁵

Император сопротивлялся немедленному введению парламентаризма. Однако, соглашаясь накануне созыва Думы на замену неугодного ей И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером, Николай допускал элементы парламентаризма в политическую практику Российской империи. Оппозиционный журналист отмечал, что хотя «парламента у нас нет», но «отрицательные стороны парламентаризма имеются даже с излишеством, даже до степени “чехарды”». Перечисляя «некоторые черты парламентаризма», характеризовавшие формирование правительства в годы войны, он указывал на то, что министры, «неприемлемые для парламентского большинства, выходят в отставку до встречи с парламентом».⁷⁶⁶

Не считая немедленного введения парламентаризма в полном объеме, во всем остальном Николай был готов удовлетворить оппозицию. Это показали события первой половины 1916 г.

7. «Самозванные уполномоченные». Парламентаристы, дуалисты и оппозиционные организации в сентябре 1915 — январе 1916 г.

Образование Прогрессивного блока привело к окончательному переходу в оппозицию Земского и Городского союзов. Это произошло во время союзных съездов, открывшихся 7 сентября 1915 г. в Москве. Разделяя взгляды их организаторов, А.В.Кривошеин и его единомышленники действовали в сотрудничестве с лидерами оппозиции, прежде всего — А.И.Гучковым.⁷⁶⁷

Политическая солидарность парламентаристов и оппозиционеров была такова, что министры, сочувствовавшие союзам, отвели угрозу запрещения съездов, исходившую от И.Л.Горемыкина. Он заявил управляющему МВД князю Н.Б.Щербатову, что необходимо «присутствие в Москве человека, им назначенного, для участия на всех предстоящих съездах, чтобы запретить дебатировать вопросы, их не касающиеся».⁷⁶⁸ Князь поначалу согласился на это. Н.Б.Щербатов пообещал И.Л.Горемыкину принять необходимые меры, чтобы предупредить вынесение съездами политических резолюций.

Успокоенный И.Л.Горемыкин телеграфировал министру двора графу В.Б.Фредериксу, что Н.Б.Щербатовым будут командированы «особые представители с поручением озаботиться недопущением на этих съездах прений и резолюций, выходящих за пределы непосредственных задач таких собраний».⁷⁶⁹ Но, поивдав «некоторых москвичей», т.е. лидеров оппозиции, Н.Б.Щербатов развернулся на 180 градусов и с рекомендацией И.Л.Горемыкина больше «не соглашался».⁷⁷⁰

Полное расхождение премьера с парламентаристами по вопросу о съездах показало заседание правительства 2 сентября. На этом заседании А.В.Кривошеин невольно раскрыл основную цель той политики, которую на протяжении предшествующего года он осуществлял по отношению к союзам. «Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег, — подразумеваемая Г.Е.Львова, заявил фактический премьер, забыв о том, что эти миллионы стали выдавать по его инициа-

тиве. — Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть». Намекая на желательный для парламентаристов исход, Н.Б.Щербатов заметил: «Закрывать эти учреждения в настоящее время невозможно, прежде всего, потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения». Следовательно, оставалось идти на выполнение другого элемента кривошеинской дилеммы — передачу власти оппозиции, мнение которой собирались выразить московские съезды. Признавая, что съезды сведутся «к политической демонстрации, а может быть и похуже», Н.Б.Щербатов тем не менее высказался против применения по отношению к ним каких-либо репрессий. Мнение И.Л.Горемыкина о том, что если съезды «начнут болтать лишнее, то можно их и закрыть», стало гласом вопиющего в пустыне. Подытоживая прения, А.В.Кривошеин заключил: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью обнаруживают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась».⁷⁷¹

Вдохновленный поддержкой большинства кабинета, во время встречи с Николаем, состоявшейся 6 сентября в Ставке,⁷⁷² Н.Б.Щербатов убедил императора в необходимости разрешения съездов, разыграв роль сильного человека. На Николая князь произвел «лучшее впечатление, чем в Царском», поскольку «робел гораздо меньше и рассуждал здраво». «Насчет Москвы» Н.Б.Щербатов заметил, что «нет оснований тревожиться съездом, ибо если оппозиционеры «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию, и таким образом никакой беды не выйдет».⁷⁷³ Когда Николай писал эти строки, московские съезды уже начинали свою работу.⁷⁷⁴ Ее итогом оказались именно «глупые резолюции», принятые 9 сентября. Они требовали создания «министерства доверия» и немедленного возобновления занятий Думы.

Довести содержание резолюций до сведения царя участники съездов поручили депутации, в которую от общеземского съезда вошли П.В.Каменский, Г.Е.Львов и С.Н.Маслов, а от общегородского — Н.И.Астров, избранный вместо забаллотированного А.И.Гучкова, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков. Таковы были официальные итоги съездов. Резолюции и идею депутации парламентаристы расценили неоднозначно.⁷⁷⁵ Тем не менее в целом они, и прежде всего А.В.Кривошеин и Н.Б.Щербатов, приняли решения московских съездов как руководство к действию, поскольку были политическими единомышленниками союзных лидеров. На посту председателя Особого совещания по продовольствию фактический премьер оказывал им широкую поддержку.⁷⁷⁶ В ноябре 1915 г. А.В.Кривошеин предложил кандидатуру С.Н.Маслова в члены Совета кавказского наместника.⁷⁷⁷ В свою очередь, Н.Б.Щербатов «стоял за то, чтобы государь принял депутацию».⁷⁷⁸

Результаты съездов, однако, не исчерпывались посылкой депутации. Одновременно со съездами некий тайный Комитет народного спасения, также заседавший в Москве, принял 8 сентября «диспозицию № 1». С.П.Мельгунов охарактеризовал ее как документ, имеющий отношение к деятельности русского политического масонства.⁷⁷⁹

Диспозиция провозглашала начало войны против «упорного и искусного врага внутри», т.е. императора и его правительства, признавая, что «достигнуть полной победы над внешним врагом немисливо без предварительной полной победы над врагом внутренним». «Полная победа внутри», по мнению авторов диспозиции, означала «преклонение всех без исключения лиц в Империи перед утверждением: “русский народ есть единственный державный хозяин Земли русской”». Речь, таким образом, шла об установлении взамен монархического принципа, воплощавшегося в Николае, называвшего себя «хозяином Земли русской», принципа народовластия, который, согласно государственно-правовой традиции начала XX в., равным образом осуществлялся парламентарная монархия, Учредительное собрание и республика. Отвергнув «идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными», т.е. находящимися на стороне царской власти, диспозиция предоставляла «основной ячейке» в составе А.И.Гучкова, А.Ф.Керенского и Г.Е.Львова назначить «штаб верховного командования из десяти лиц». «Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права», диспозиция предписывала принять А.И.Гучкову, «как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России». Хотя в диспозиции шла речь о «мирной борьбе» против царского правительства, но в конце ее подчеркивалось, что «в зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено».⁷⁸⁰

Фактически диспозиция № 1 подразумевала свержение Николая, что признал после того, как оно произошло, сам А.И.Гучков. Он и его единомышленники, вспоминая А.И.Гучкова, задолго до февраля 1917 г. пришли к выводу, что «при наличии современной власти победа для России невозможна», а потому приходится включить в «программу сотрудничества с властью и помощи войне необходимость свержения этой власти, ибо только при этом условии являлись шансы на победу».⁷⁸¹

Тайные планы некоторых лидеров оппозиции для царя и царицы тайной не были. Еще 3 сентября Александра Федоровна говорила министру просвещения графу П.Н.Игнатьеву, что А.И.Гучков «ненавидит государя, стремится устроить республику и стать ее президентом».⁷⁸²

Независимо от осведомленности Николая о планах А.И.Гучкова, затея с депутатской была обречена на неудачу и по другим причинам. Во-первых, принимать политические резолюции, а тем более обращаться с ними к царю земства и города не имели права по закону. Во-вторых, в отличие от парламентаристов, Николай полагал, что Прогрессивный блок и съезды выражают голос только их участников, а не народа. Его подавляющее большинство, с точки зрения царя, оппозиционными настроениями охвачено не было. «Здесь я, — писал он супруге из Ставки, — могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечных точки на карте нашего отечества!»⁷⁸³

Точку зрения царя разделяли и другие дуалисты, в частности — Н.И.Туган-Барановский, представивший в конце августа С.В. Рухлову записку об общественных настроениях. Н.И.Туган-Барановский не отрицал того, что в государстве имеются «беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность». По его мнению, ими были рабочие, «разного рода низшие служащие» и представители свободных профессий, которые являются «главными заводителями смуты». К оппозиции, полагал Н.И.Туган-Барановский, примыкали также представители крупной промышленности и денежного капитала. Однако «этим элементам, самим по себе, казалось бы, — подчеркивал автор записки, — не следует придавать в данном случае чрезмерного значения». Представители свободных профессий, писал Н.И.Туган-Барановский, важны лишь постольку, поскольку «обладают влиянием на более многочисленные трудящиеся классы населения», промышленные же круги «не решатся на революционные действия, т.к. революция была бы, прежде всего, убыточной для них самих». Массовые выступления, считал Н.И.Туган-Барановский, «возможны только при слабости правительства». Средствами их предотвращения автор записки называл улучшение положения рабочих и воздействие на них «сильной власти». Но самую надежную гарантию невозможности революции он видел в том, что «главную массу населения Империи составляет крестьянство», чье настроение, «конечно, несколько повышено, в связи с войною», но «эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений».⁷⁸⁴

Разделяя подобные взгляды, Николай соответственно реагировал на съездовские резолюции. Их содержание царь узнал из телеграммы Н.Б.Щербатова. «Постановления съездов, — заканчивал свою телеграмму князь, — к оглашению в печати недопущены».⁷⁸⁵ Одновременно с телеграммой Н.Б.Щербатова В.Б.Фредерикс, по телеграфной просьбе И.Л.Горемыкина, представил Николаю текст телеграммы, полученной премьером из Москвы от Главного совета «Отечественного патриотического союза». Эта политическая организация, возглавлявшаяся железнодорожным служащим В.Г.Орловым, находилась под покровительством дуалистов — С.В.Рухлова и Н.И.Туган-Барановского. Кроме того, особенностью союза было и то, что он являлся единственной националистической организацией, решительно отказавшейся, не без подачи ее сановных покровителей, от антисемитизма.⁷⁸⁶ Несомненно, что эти покровители, и прежде всего Н.И.Туган-Барановский, стояли и за посылкой телеграммы И.Л.Горемыкину.

Во всяком случае, в конце августа — начале сентября политические организации, патронированные Министерством путей сообщения, переживали своего рода всеобщую мобилизацию. Н.И.Туган-Барановский сообщал С.В.Рухлову, что «организации в Москве и Петрограде идут, по видимому, вполне успешно. Во всяком случае, в обоих городах уже обеспечено, в случае необходимости, их выступление, причем подготовительные распоряжения в Москве уже закончены».⁷⁸⁷ Результатом активности Н.И.Туган-Барановского и стала телеграмма В.Г.Орлова. Она отличалась определенностью и решительностью.

В телеграмме говорилось о недопустимости того, чтобы «люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной ар-

мии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха», занимались «политикою». В полном соответствии с идеями Н.И.Туган-Барановского В.Г.Орлов полагал, что «громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа». Автор телеграммы выражал надежду на то, что «правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества» направилась «в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война». Таким образом, В.Г.Орлов заявил себя решительным сторонником незыблемости дуалистической системы, а это не могло не встретить полного сочувствия со стороны не только премьера, но и царя.

Не могла не произвести впечатления на Николая и аналогия с революционными событиями 1905 г., благодаря которой В.Г.Орлов подводил к мысли о том, что слишком большие уступки оппозиции во время борьбы внешней, дестабилизируя внутривластную ситуацию, работают лишь на военное поражение. Сделанная синим карандашом резолюция царя по поводу орловской телеграммы не оставляла никаких сомнений относительно симпатий Николая: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Еще более определенной была царская резолюция, тогда же наложенная на телеграмму Н.Б.Щербатова и явно навеянная стилистикой предыдущей телеграммы: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму, о чем известите Щербатова». ⁷⁸⁸

Идея к разрыву с парламентаристами и оппозиционерами, император находился в убеждении, что уж он-то лучше, чем кто бы то ни было, знает истинные интересы «своего народа». «Государь император, — писал в это самое время князь М.М.Андроников А.А.Вырубовой, выражая мысли самого Николая, — отлично знает и понимает нужды народа, он стоял близко к нему во время пребывания в Преображенском и Гусарском полках, он входил в близкое общение с ним в дни своих поездок по России, он стоит теперь лицом к лицу с народом, ведя его на защиту Родины. И кому же знать лучше желания нашей крестьянской Руси, как не царю-батюшке». ⁷⁸⁹

О содержании царской резолюции В.Б.Фредерикс телеграфировал управляющему МВД и премьеру в ночь с 10 на 11 сентября. Граф попросил Н.Б.Щербатова информировать о том, намерены ли члены депутации ходатайствовать о приеме их императором. В.Б.Фредерикс высказался также за привлечение к обсуждению этого вопроса премьера. И.Л.Горемыкину граф указал на то, что при возбуждении членами депутации ходатайства о приеме было бы желательным иметь и его мнение. Выполняя волю Николая, премьер начал весьма активно действовать против приема депутации. В телеграмме В.Б.Фредериксу он, подчеркнув, что члены депутации предполагают ходатайствовать об их приеме, находил «наиболее удобным» ответить им через министра двора, что царь «не изволит признавать возможным их принять». ⁷⁹⁰

Между тем 11 сентября Г.Е. Львов и М.В.Челноков послали в Ставку прошение о приеме депутации. В нем они доводили до сведения Николая постановления съездов о депутации и ее составе. «Всепоподданнейше докладывая о состоявшемся постановлении, — обращались к императору лидеры оппозиции, — приемлем смелость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству о тревогах и чаяниях, волнующих страну, выслушать голос земской и городской России и повелеть явиться избранной депутации». ⁷⁹¹

В это время Николай, выбирая между И.Л.Горемыкиным и парламентаристами, которые выступали за прием депутации, окончательно остановился на премьере. Посетовав на то, что в Царском Селе «столько дела — эти смены министров и укрепление позиции старика», царь писал супруге: «Я вызову его сюда, времени нельзя терять!» ⁷⁹² Но парламентаристы все еще надеялись так или иначе склонить императора к приему депутации. Стремление парламентаристов обеспечить удовлетворение требований лидеров оппозиции показательно тем более, что власть имела способы заставить их вести себя лояльно. На заседании правительства 13 сентября А.В.Кривошеин сообщил, что П.П.Рябушинский, в качестве газетного магната, «зadolжал Государственному банку». ⁷⁹³ Отказываясь от употребления давления по отношению к оппозиционерам, парламентаристы доказывали свое политическое единомыслие с ними. Оно заставляло министров пытаться склонить Николая на сторону оппозиции.

В телеграмме, отправленной 13 сентября В.Б.Фредериксу Н.Б.Щербатовым, он, ссылаясь на беседу с министром двора при последнем свидании, оповещал графа, что, ввиду «сложности переживаемого момента», с завтрашнего дня начнет «высылку сообщений относительно настроения умов» для доклада царю. ⁷⁹⁴ Но Николаю были гораздо нужнее соображения о внутривластной ситуации не парламентариста Н.Б.Щербатова, а дуалиста И.Л.Горемыкина.

Встреча премьера с императором произошла 14 сентября. ⁷⁹⁵ Во время нее царь передал собеседнику телеграммы, имевшие отношение к вопросу о депутации. Затем И.Л.Горемыкин представил Николаю составленный премьером от имени министра двора проект телеграммы Г.Е.Львову и М.В.Челнокову с отклонением их прошения.

Горемыкинский проект, отмеченный тонами непримиримости (см. таблицу 4 приложения), получил одобрение царя и был передан премьером В.Б.Фредериксу для сообщения Г.Е.Львову и М.В.Челнокову. Однако уже во время обеда, состоявшегося через два дня, 16 сентября, после заседания правительства, на котором парламентаристы предприняли попытку склонить на свою сторону Николая, царь, не желавший полного разрыва с оппозицией, заявил И.Л.Горемыкину о желательности включения в телеграмму «признания забот и заслуг Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов». После учета царского пожелания проект приобрел более примирительный характер. От передачи даже смягченного отказа Николая министр двора предпочел уклониться. Переговорив с И.Л.Горемыкиным и Н.Б.Щербатовым, В.Б.Фредерикс испросил у царя разрешение поручить объявление царского ответа Н.Б.Щербатову. Редакцию своей

телеграммы князь обещал прислать графу «для сведения».⁷⁹⁶ Но премьеру выпускать решение этого вопроса из своих рук не хотелось.

Перед самым отъездом министров из Ставки И.Л.Горемыкин передал Н.Б.Щербатову новый проект телеграммы, сказав, что царь повелел отправить именно ее. Князю телеграмма показалась «грубой по форме и нелепой по содержанию». В ней, с одной стороны, царь отказывался принять оппозиционеров и находил их действия неправильными. С другой стороны, им «рекомендовалось заняться вопросом призрения раненых», и тем открывалась новая сфера для их деятельности. С возражениями Н.Б.Щербатова И.Л.Горемыкин согласился и поправил телеграмму, на что управляющий МВД заметил: «Раз вы поправляете, то это не есть высочайше одобренная редакция, а проект, а с проектом я лично не согласен, и не отправлю». И.Л.Горемыкин ретировался, сказав: «Как угодно». В это время князя вызвал В.Б.Фредерикс. Он заявил Н.Б.Щербатову: «Умоляю эту телеграмму нелепую не отправлять. Мне предлагали ее отправить, и я счел невозможным». Уже в вагоне управляющий МВД показал телеграмму своим коллегам. Они признали, что «такую телеграмму подать нельзя».⁷⁹⁷

В результате телеграмма подверглась очередной переделке. Новая редакция телеграммы была выработана князем совместно с А.В.Кривошеиным, А.Д.Самариным и А.А.Хвостовым, который перед И.Л.Горемыкиным от участия в этом откровенно отказывался.

Упрек союзам в том, что они осмеливаются говорить от имени «земской и городской России», министры опустили. Вообще, текст телеграммы получил еще более примирительный характер. Самое существенное изменение, говорившее не конкретно о призрении раненых, а вообще о «трудах», «проявленных в настоящую войну», одобряло всю деятельность союзов, в том числе и политическую, противником которой был не только И.Л.Горемыкин, но и Николай. Новая редакция в корне противоречила взгляду царя и премьера на данную проблему. Поэтому щербатовский проект получил отрицательную оценку И.Л.Горемыкина.

В особом всеподданнейшем докладе премьер указал на то, что упоминание о «земской и городской России», отвергнутое Н.Б.Щербатовым как выражение, «доселе официально неприменявшееся», соответствует «однородному выражению», употребленному Г.Е.Львовым и М.В.Челноковым в ходатайстве об аудиенции. Совершенно нежелательным И.Л.Горемыкин находил и допущенное Н.Б.Щербатовым отступление от указания, данного царем, заключающееся в замене слов «цена заботы и заслуги Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов» выражением «цена труда и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну». «Подобная замена, — по мнению премьера, — явилась бы одобрением и подтверждением деятельности названных союзов, нередко направленной на вмешательство в такие области управления, которые им, по точному смыслу положения о них и по объему возложенной на них задачи, ограниченной призрением больных и раненых воинов, вовсе не были представлены».⁷⁹⁸

Всеподданнейший доклад И.Л.Горемыкина оказался не востребуемым. Если на состоявшемся 16 сентября в Ставке заседании правитель-

ства А.В.Кривошеин и его единомышленники по вопросу о введении парламентаризма потерпели фиаско, то на другом вопросе — о форме ответа Г.Е.Львову и М.В.Челнокову — парламентаристы все-таки отыгрались. Их несколько неожиданным союзником оказался министр двора.

Уже после отъезда кабинета из Ставки, 17 сентября, В.Б.Фредерикс, осведомленный о примирительной позиции царя, предпринял героическую, если учесть его 76-летний возраст, попытку максимально смягчить форму отрицательного ответа Николая лидерам оппозиции. Посылку телеграммы Г.Е.Львову и М.В.Челнокову В.Б.Фредерикс решил заменить личной встречей с ними Н.Б.Щербатова.

По поручению графа состоявший при нем чиновник барон Р.А.Штакельберг отправился в телеграфную контору Ставки, чтобы при помощи полковника М.М.Загю немедленно сообщить об идее В.Б.Фредерикса управляющему МВД. Во время происшедшего вечером 17 сентября разговора по прямому проводу с одним из чинов петроградской телеграфной конторы полковник потребовал позвонить на квартиру Н.Б.Щербатова. Из Петрограда ответили, что князь находится у «министра Кривошеина», и предложили связаться с ним. Согласившись с этим, полковник попросил осведомиться у Н.Б.Щербатова, послана ли телеграмма Г.Е.Львову и М.В.Челнокову, и потом принять телеграмму министра двора для сообщения ее по телефону Н.Б.Щербатову. Оказалось, что телеграмма оппозиционерам еще не послана и управляющий МВД отправит ее завтра на утверждение царя.

В телеграмме В.Б.Фредерикса Н.Б.Щербатову, посланной 17 сентября в 23 часа, министр двора сообщал: «В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, высказываюсь против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю императору, сказав, что Вы доложите об этом Его величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его величества. Нужно сделать все, чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его величества, которые Вам известны». Ответная телеграмма Н.Б.Щербатова В.Б.Фредериксу была полна удовлетворения: «Приношу Вашему сиятельству глубокую благодарность за полученную телеграмму. Поступлю согласно Вашему совету».⁷⁹⁹

О тексте телеграммы, посланной накануне Н.Б.Щербатову, министр двора доложил императору только 18 сентября. Поставленный перед совершившимся фактом, Николай согласился, тем более что поступок министра соответствовал настроению самого царя. В тот же день он повелел министру двора телеграфировать Н.Б.Щербатову, чтобы князем на словах было высказано все изложенное в первоначальном проекте телеграммы, а

именно, что император «предоставляет Земскому союзу и Союзу городов действовать в пределах их прямого назначения помощи раненым и для нужд войны, но не вторгаться в политику, обходя правительство». В заключение граф попросил князя принять все меры, чтобы настоящий вопрос не получил огласки в печати. В ответной телеграмме министру двора, отправленной 18 сентября, Н.Б.Щербатов уведомил, что, во исполнение царского повеления, вызовет Г.Е.Львова и М.В.Челнокова в Петроград и словесно объявит им царскую волю, «с приведением мотивов, изложенных в проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным».⁸⁰⁰

В тот же день Г.Е.Львов и М.В.Челноков получили по телеграфу приглашение явиться к управляющему МВД. Между тем лидеры оппозиции, по крайней мере их наиболее влиятельная часть, в отличие от императора и министров, избегавших разрыва с обществом, не боялись идти к разрыву с властью.

«Диспозиция № 2», принятая 18 сентября в ответ на отказ императора, предписывала В.И.Гурко, А.И.Гучкову, А.Ф.Керенскому, Г.Е.Львову и П.П.Рябушинскому приступить к организации новых съездов Земского и Городского союзов, намеченных на 15 октября 1915 г. Диспозиция приказывала «означенным пяти лицам» «просить А.И.Гучкова принять на себя командование “Армией спасения России” против врагов внутренних». Штаб «верховного командования из десяти лиц» во главе с А.И.Гучковым должен был «немедленно, по своем сформировании, приступить к изучению реальной обстановки театра внутренней борьбы и, блокируясь налево, определить последовательность мер воздействия на «врагов народа». Ими признавались не только дуалисты (И.Л.Горемыкин), но и парламентаристы (А.Д.Самарин и Н.Б.Щербатов).⁸⁰¹ Мысль о необходимости свержения Николая подразумевалась и здесь. Подтверждением этому является признание А.И.Гучкова, сделанное им итальянскому посланнику в Румынии барону Фашотти. При посещении Ясс, куда было эвакуировано правительство Румынии, А.И.Гучков, сообщал Фашотти в Рим 10 апреля 1917 г., заявил, что «совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора года старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем».⁸⁰² Если от марта 1917 г. отсчитать назад полтора года, то получится сентябрь 1915 г. — время появления диспозиций.

После отказа Николая принять депутацию идея «о необходимости отстранения царя от престола» появилась и у Г.Е.Львова.⁸⁰³ В то время как воззрения лидеров оппозиции достигали последней степени радикализации, правительство по-прежнему шло к ним навстречу. На своем заседании 18 сентября кабинет удовлетворил ходатайство А.И.Гучкова о разрешении рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг избрать своих представителей в Рабочую группу ЦВПК.⁸⁰⁴

Наконец, 20 сентября в Петрограде произошла встреча Н.Б.Щербатова с Г.Е.Львовым и М.В.Челноковым. Князь уведомил оппозиционеров, что царь, «высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутацию съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов».

Таким образом, вопреки царскому повелению, в качестве канвы своего обращения управляющий МВД использовал проект телеграммы, составленный им, а не И.Л.Горемыкиным. Далее Н.Б.Щербатов сообщил, что монарх «считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства», а потому, не принимая депутацию, приказал управляющему МВД встретиться с главноуполномоченными союзов, узнать пожелания съездов и доложить о них императору. Г.Е.Львов попросил зафиксировать этот ответ на бумаге. Однако Н.Б.Щербатов заметил, что ему повелено передать ответ на словах, а также поручено выслушать пожелания съездов. Г.Е.Львов заявил, что не решится сообщить представителям земств известие об отказе, и просил передать императору надежду на то, что он примет депутацию, так как отказ «глубоко опечалит страну». Собеседники пришли к соглашению, что Н.Б.Щербатов доложит императору ответ главноуполномоченных и сообщит им о его решении.⁸⁰⁵

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 25 сентября в Ставке,⁸⁰⁶ Н.Б.Щербатов сообщил о надежде Г.Е.Львова на то, что монарх все-таки примет депутацию. Царь ответил, что «вопрос о депутации считается ликвидированным».⁸⁰⁷

Казалось бы, разрыв между властью и обществом был полным. Однако, как видно из таблицы 3, помещенной в приложении, в сентябре — октябре 1915 г., т.е. в момент этого разрыва, по решению правительства, утвержденному царем, союзы получили от государства почти 57 000 000 рублей, между тем как подчиненный правительству Красный Крест — 7 000 000, а черносотенное Курское земство — всего лишь 270 000 рублей. В течение первого года войны, к 26 июня 1915 г., Земский союз получил от казны 72 241 050 рублей, т.е. около 6 000 000 в месяц, а с 1 июля 1915 по 1 января 1916 г. — 115 266 194 рубля, т.е. 19 000 000 в месяц. За третье полугодие войны, когда, по мнению лидеров оппозиции, произошел разрыв между властью и обществом, ежемесячные субсидии Земскому союзу возросли в три раза.⁸⁰⁸ В это же время для снабжения армии Земгор получил 12 178 257 рублей.⁸⁰⁹

Беспристрастные цифры доказывают, что жалобы оппозиционеров на противодействие правительства деятельности общественных организаций были ничем иным, как беззастенчивым политиканством.

Отказ Николая от приема депутации означал, по крайней мере — с точки зрения самого монарха, не полный разрыв между ним и союзами, а попытку вернуть их в рамки закона, за которые они вышли, позволив себе заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью. Не случайно, что опубликованная 28 ноября резолюция царя на адресованном ему приветствии входившей в Городской союз Петроградской городской думы гласила: «Благодарю за верноподданнические чувства и выражаю уверенность, что Петроградское общественное управление, не отвлекаясь вопросами общегосударственной политики, приложит все силы к служению мне и Родине живой работой на пользу населения столицы в настоящее, тяжелое для нее время».⁸¹⁰

Царь являлся сторонником сохранения «священного единения», тесного сотрудничества правительства и союзов, но только в рамках Основ-

ных законов, которым явно противоречили резолюции сентябрьских съездов. Поскольку деятельность союзов не переходила из области благотворительности в политику, на что они не имели законного права, постольку Николай был готов оказывать общественным организациям самое широкое содействие. На той же точке зрения стояли и другие дуалисты. Программа преемника Н.Б.Щербатова, А.Н.Хвостова, в части, касавшейся союзов, состояла в том, чтобы «излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов».⁸¹¹

На заседании правительства 13 октября А.Н.Хвостов, обрисовывая свое отношение к союзам, заявил: «Нежелательно обострение отношений с Земской и Городской организацией. Я вообще против их усиления — государственная опасность. Но их пустили к широкому участию и сейчас поздно их устранять. Поэтому надо пропустить к беженцам, передав им ведение и средства, а равно составление плана, но не союзам, а общественным учреждениям непосредственно. Оставить за губернаторами право контроля, хотя бы распоряжались объединяющие союзы, если города и земства передадут свои полномочия союзам». Таким образом, А.Н.Хвостов был за расширение компетенции общественных организаций, поддерживая идею о привлечении их к оказанию помощи не только больным и раненым воинам, но и беженцам. Об этом он объявил и Г.Е. Львову, беседуя с ним 16 октября.⁸¹²

Мнение о «государственной опасности» союзов заставляло А.Н.Хвостова устранять поводы для их политической деятельности. Съездов союзов, намеченных сначала на октябрь, а потом на декабрь, министр внутренних дел не допустил. В этом решении не содержалось ничего антиобщественного. В пользу него высказывались умеренные участники сентябрьских съездов.⁸¹³ Кроме того, А.Н.Хвостов заявил себя сторонником возвращения продовольственного дела из Министерства земледелия, сотрудничавшего с Земским союзом, в МВД. Необходимость этого он мотивировал тем, что «неорганизованная революция не опасна, а с организованной — невозможно будет бороться». Между тем участие земства в продовольственном деле «подготавливает такую организацию». Поэтому, полагал А.Н.Хвостов, «такой постановке должен быть положен конец и все дело передано губернаторам и правительственным учреждениям и агентам».⁸¹⁴ Замысел А.Н.Хвостова благодаря сопротивлению преемника А.В.Кривошеина, парламентариста А.Н.Наумова, воплощения не получил.

Постоянное покровительство парламентаристы оказывали и ЦВПК, что объяснялось их политической солидарностью с его председателем относительно необходимости демонтажа дуалистической системы. Особенно в этом смысле преуспел А.А.Поливанов.⁸¹⁵ Тесные связи генерала с А.И.Гучковым обусловили то, что в течение сентября — ноября Особое совещание по обороне, заседавшее под председательством военного министра, разрешило отпуск ЦВПК 46 000 000 рублей.⁸¹⁶ Одновременно А.А.Поливанов смотрел сквозь пальцы на то, что к работе в ЦВПК А.И.Гучков привлек левых деятелей.⁸¹⁷

Благоприятствованию военного министра ЦВПК способствовало примирительное отношение к его руководителю со стороны царя. Николай согласился 20 ноября на награждение А.И.Гучкова орденом св. Владими-

ра 3-й степени с мечами «за выдающиеся труды» по руководству учреждениями Красного Креста «под огнем неприятеля». Характерно, что двумя днями позже на докладе о награждении В.М.Пуришкевича мечами к уже имевшемуся у него ордену св. Владимира 3-й степени Николай начертал: «Нет».⁸¹⁸

Несмотря на примирительное отношение царя, непримиримость А.И.Гучкова по отношению к монархии росла. А.Ф.Керенский вспоминал, что А.И.Гучков «стал революционером» в октябре 1915 г., когда не только его «партийные друзья», но и «большинство кадетов и прогрессистов от одного слова революция приходили в священный ужас».⁸¹⁹ Поэтому А.И.Гучков особенно покровительствовал Рабочей группе ЦВПК. Ее руководитель К.А.Гвоздев полагал, что «царское правительство надо сбросить, так как с ним все равно победить нельзя».⁸²⁰

А.И.Гучков поддерживал К.А.Гвоздева, хотя хорошо знал о революционном характере взглядов, разделявшихся им и его соратниками. А.И.Гучкову, по его признанию, было известно, что К.А.Гвоздева и членов Рабочей группы «не столько интересовала работа на оборону вместе с нами, сколько единственная возможность организации для преследования своих интересов».⁸²¹ Показательно также, что в заседаниях Рабочей группы принимал участие А.Ф.Керенский, не являвшийся ни рабочим, ни членом ЦВПК. Между тем именно он был одним из организаторов революционного движения и сторонником воссоздания советов рабочих депутатов.⁸²²

Поскольку в деятельности Рабочей группы участвовали представители левых фракций Государственной думы и политических организаций пролетариата, товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий опасался, чтобы «эта ячейка не послужила в будущем ядром для образования Совета рабочих депутатов».⁸²³

Очевидно, что сближение таких разных политиков, как октябрист А.И.Гучков, меньшевик К.А.Гвоздев и трудовик А.Ф.Керенский, могло произойти только на почве признания ими необходимости, ради победы в войне, свержения Николая. Это сближение обратило на себя внимание правительства. В январе 1916 г. по инициативе А.Н.Хвостова и С.П.Белецкого, получившей одобрение И.Л.Горемыкина, под председательством министра юстиции А.А.Хвостова произошло совещание по вопросу о привлечении А.И.Гучкова и К.А.Гвоздева к уголовной ответственности. Особое внимание правительства именно к А.И.Гучкову объяснялось еще и тем, что копии диспозиций № 1 и 2 контрразведки, перехватившая их в ноябре, тогда же послала С.П.Белецкому, который доставил диспозиции А.Н.Хвостову, а тот — И.Л.Горемыкину.⁸²⁴ Участниками совещания были А.Н.Хвостов, С.П.Белецкий и высшие чины Министерства юстиции — товарищ министра А.Н.Веревкин, директора его 1 и 2-го департаментов С.Н.Трегубов и В.А.Бальц, вице-директор 1-го департамента А.В.Лядов и прокурор петроградской судебной палаты С.В.Завадский.

Перед участниками совещания выступил С.П.Белецкий. Он обвинил А.И.Гучкова и К.А.Гвоздева в «революционных действиях, граничащих по военному времени с государственной изменой». С.В.Завадский и В.А.Бальц возражали. Последний заявил, что «собранные улики недостаточны для

предварительного следствия или даже формального дознания». ⁸²⁵ Мнение В.А. Бальца предопределялось тем, что он являлся типичным либеральным чиновником судебного ведомства. ⁸²⁶ В конечном итоге это мнение восторжествовало. Результатом совещания стало также то, что МВД установило за А.И. Гучковым наблюдение, а его письма подвергло перлюстрации.

От немедленных репрессий по отношению к ЦВПК правительство отказалось. Однако ЦВПК от вмешательства в политику, на что он не имел права по закону, не отказался. Заместитель председателя ЦВПК А.И. Коновалов уведомил И.Л. Горемыкина 7 января 1916 г., что комитет на заседаниях 21 декабря 1915 и 4 января 1916 г. «пришел к единогласному заключению, что, в силу всей тяжести ответственности перед страной, настоятельно необходимо немедленный созыв законодательных учреждений и длительное их функционирование». ⁸²⁷ Как и ЦВПК, союзы поддержали требование Прогрессивного блока об отставке И.Л. Горемыкина, хотя именно он дал им, по сравнению с остальными благотворительными организациями, больше всего казенных субсидий.

За период с августа 1914 по январь 1916 г., когда И.Л. Горемыкин был уволен (согласно данным таблицы 3 приложения), от Совета министров получили 344 420 000 рублей (100 %) 22 организации, из них (в млн. руб.):

- 1) Всероссийский земский союз — 142,46 (41,4 %),
- 2) Всероссийский союз городов — 60,84 (17,7 %),
- 3) Российское общество Красного Креста — 56,07 (16,3 %),
- 4) Московское городское общественное управление — 43,3 (12,6 %),
- 5) Петроградское городское общественное управление — 26,65 (7,7 %),
- 6) Областной комитет земства Юго-Западного края — 9,01 (2,6 %),
- 7) Общедворянская организация — 1,65 (0,5 %),
- 8) Курское губернское земство — 1,27 (0,4 %),
- 9) Всероссийский национальный союз — 0,67 (0,2 %),
- 10) Подольское губернское земство — 0,84 (0,2 %),
- 11) Санитарные организации великой княгини Марии Павловны — 0,54 (0,2 %),
- 12) Полтавское губернское земство — 0,3 (0,09 %),
- 13) Киевское дворянство — 0,15 (0,04 %),
- 14) Комитет членов Государственной думы — 0,15 (0,04 %),
- 15) Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны — 0,1 (0,03 %),
- 16) Российское пожарное общество — 0,12 (0,03 %),
- 17) Великая княгиня Виктория Федоровна — 0,1 (0,03 %),
- 18) В.М. Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста) — 0,05 (0,02 %),
- 19) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции — 0,06 (0,02 %),
- 20) Смоленское дворянство — 0,07 (0,02 %),
- 21) Российское автомобильное общество — 0,03 (0,01 %),
- 22) Комитет поезда «Русский солдат» — 0,004 (0,001 %).

Итак, оппозиционные организации (Всероссийские земский союз и союз городов, Московское и Петроградское городские общественные управления и Комитет членов Государственной думы) получили от кабинета И.Л. Горемыкина 273 400 000 рублей (79,4 %). Кроме того, в последний день горемыкинского премьерства Земгору были авансированы 15 789 070 рублей 75 копеек. ⁸²⁸

В отличие от оппозиционных союзов, черносотенные благотворительные организации правительство И.Л. Горемыкина почти не финансировало. Организованный редакцией газеты «Земщина» солдатский лазарет получал только 3000 рублей в месяц. Они были частью субсидии, отпускавшейся газете по линии главного управления по делам печати МВД. Всего за 1915 г. по этой линии черносотенная пресса получила 281 594 рублей, или 26,3 % от общей суммы, потраченной на рептилии. ⁸²⁹

Мизерные субсидии МВД вызывали у черносотенцев недовольство. ⁸³⁰ Для его нейтрализации А.Н. Хвостов содействовал некоторому росту казенного финансирования благотворительных начинаний правых организаций. В конце 1915 г. министр внутренних дел оказал поддержку одному из лидеров «Союза русского народа» — назначенному члену Государственного совета А.А. Римскому-Корсакову. Он выдвинул идею создания Всероссийского общества попечения о беженцах православного вероисповедания. ⁸³¹ На свою организацию общество получило от Департамента полиции 1500 рублей.

При поддержке А.Н. Хвостова появилось и Общество для борьбы с дороговизной, занявшееся организацией сети хлебных лавок и пекарен. Руководитель общества Г.И. Кушнырь-Кушнарев являлся членом совета «Союза Михаила Архангела» и чиновником Департамента полиции. Г.И. Кушнырь получил от него ссуду в 150 000 рублей. Помимо этого, в октябре МВД выделило 25 000 рублей на проведение двух совещаний представителей правых партий. Совещания были разрешены еще Н.Б. Щербатовым одновременно с сентябрьскими съездами Земского и Городского союзов. Увеличение А.Н. Хвостовым казенного финансирования черносотенных организаций не означало его солидарности с ними. Увеличение это было крайне незначительно, особенно по сравнению с финансированием оппозиционных организаций. Поскольку А.Н. Хвостов не разделял пожеланий крайне правых относительно Прогрессивного блока и союзов, он и пошел на подкуп черносотенцев, дабы «приостановить, хотя бы временно, их выступления перед государем против Государственной думы». ⁸³²

Таким образом, финансирование А.Н. Хвостовым черносотенцев не противоречило курсу на «священное единение» власти с оппозицией.

8. «Разделить ответственность».

Назначенные члены Государственного совета и образование Прогрессивного блока (июль 1914 — январь 1916 г.)

Огромное политическое значение, принадлежавшее Прогрессивному блоку на протяжении всей его истории, объяснялось не только и даже не столько тем, что он объединил большинство депутатов Думы, сколько тем, что о своей солидарности с блоком заявило значительное число членов Государственного совета, назначенных туда по желанию царя. ⁸³³

Предпосылки для перехода на сторону оппозиции русских лордов существовали еще до мировой войны. К июлю 1914 г. назначенные члены, приверженные парламентаризму, были в составе двух политических

объединений верхней палаты — группы центра и кружка внепартийного объединения (КВО). Больше всего парламентаристов насчитывала группа центра. Она возникла еще в 1906 г. и занимала положение «между октябристами и кадетами». ⁸³⁴ Лидером этой группы был назначенный член А.С.Ермолов, убежденный либерал. ⁸³⁵

Более компактным размером отличался КВО, который образовался в 1910 г. Фракция эта, хотя и небольшая, бросала на весы голосований «не лишнее значение число голосов». ⁸³⁶ КВО состоял из бывших министров, находивших неудобным записываться в какую-либо группу. В общем, КВО сложился из лиц, настроенных «если не определенно прогрессивно, то, во всяком случае, либерально». ⁸³⁷ Более того, сановники, числившиеся в КВО, ориентировались на группу левых (или академическую), которая формально состояла только из выборных членов. ⁸³⁸ Председателем КВО был назначенный член князь Б.А.Васильчиков. Он разделял парламентаристские взгляды. ⁸³⁹

Другим оплотом сановной оппозиции, неофициальным, но, вероятно, более влиятельным, чем Государственный совет, являлся императорский Яхт-клуб. В Яхт-клубе концентрировался цвет столичного истеблишмента. Здание на Малой Морской посещали великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры. Яхт-клуб «играл большую роль в петербургском высшем свете — не только общественную, но и политическую». ⁸⁴⁰ В царствование Николая II там «открыто критиковались поступки и поведение молодой императрицы». ⁸⁴¹ Объясняя в декабре 1910 г. причины того, почему «общественное мнение опять поворачивает влево», тогдашний лидер правых в Думе граф А.А.Бобринский записал: «Это значит: Яхт-клуб». ⁸⁴² Среди членов клуба сторонники черносотенного движения отсутствовали, между тем как представители правительственного либерализма были в первых рядах. ⁸⁴³

Сановников, отстаивавших идеал конституционно-дуалистической монархии, включали в себя также две группы — правая и правого центра. Больше всего дуалистов насчитывала правая группа, которая возникла в 1906 г. Эта группа была весьма аморфной. Наряду с чистыми дуалистами, консервативными либералами или собственно правыми, она включала в себя и черносотенцев, консерваторов или крайне правых. ⁸⁴⁴ Впрочем, крайне правые составляли среди членов группы явное и маловлиятельное меньшинство. Лидеры группы «вовсе не следовали неприменимым лозунгам» черносотенцев, поскольку имели «свои воззрения на вопросы». ⁸⁴⁵ Влиянию черносотенцев не способствовало и то, что им не симпатизировал председатель Государственного совета М.Г.Акимов. Он являлся ортодоксальным дуалистом. ⁸⁴⁶

Типичные члены правой группы не принадлежали к тем крайне правым, которые «желали бы повернуть историю вспять и упразднить Думу». ⁸⁴⁷ Иными словами, в своем большинстве члены этой группы, дистанцируясь от черносотенцев, были ортодоксальными дуалистами, консервативными либералами. К их числу принадлежал и ее председатель П.Н.Дурново. ⁸⁴⁸ Выступая против компромисса с оппозицией, стремившейся к установлению парламентаризма, он полагал, что такой компро-

мисс ослабил бы правительство, поскольку «никакой реальной силы», по мнению П.Н.Дурново, оппозиция не представляла. Ведь она «сплошь интеллигентна и в этом ее слабость», поскольку между интеллигенцией и народом имеется «глубокая пропасть». ⁸⁴⁹

Более мягко дуалистическую позицию отстаивали члены группы правого центра, которая возникла в 1911 г. Ее бессменным лидером являлся шурин П.А.Столыпина А.Б.Нейдгарт, выборный член верхней палаты, человек «крупного масштаба». ⁸⁵⁰ По ходатайству Александры Федоровны 1 августа 1915 г., после того как А.Б.Нейдгарт выбыл из числа выборных членов, его сделали назначенным членом. ⁸⁵¹ Сравнительно с правой группой группа правого центра была меньшей по численности, но не по значению в законодательном процессе. Она давала перевес либо группе центра, либо правой группе.

За стенами Государственного совета дуалисты принимали участие в деятельности «Русского собрания», в котором «собирались “правые” разных направлений». ⁸⁵² Большое влияние дуалисты оказывали на Постоянный совет Объединенного дворянства. ⁸⁵³

Таков был расклад политических сил в Государственном совете, когда началась мировая война. Внешне и левые, и правые лорды встретили ее вполне единодушно. Все они 24 июля 1914 г. выступили за победу над Германией. В действительности реакция сановников на войну не была столь однозначной. Граф С.Ю.Витте, формально не входивший ни в одну из групп, открыто выступал себя германофилом и пацифистом. ⁸⁵⁴ Впоследствии С.Ю.Витте развернул кампанию за заключение мира с Германией, ⁸⁵⁵ которую в феврале 1915 г. прервала только его смерть. Поэтому все сторонники войны до победного конца, в том числе Николай ⁸⁵⁶ и французский посол Ж.М.Палеолог, ⁸⁵⁷ восприняли эту смерть с облегчением.

Разделяя германофильские и пацифистские настроения, граф отнюдь не составлял исключения. Подобные же настроения были характерны для парламентаристов, и прежде всего — давнего соратника С.Ю.Витте, князя Алексея Д.Оболенского, причастного к составлению манифеста 17 октября 1905 г. ⁸⁵⁸ Он являлся одним из лидеров группы центра. Пацифизм А.Д.Оболенского подпитывался неприязнью князя к славянофильству и панславизму. «Очень я боюсь для успеха нашего дела того славянофильства, — писал он А.В.Кривошеину, — которое начинает переходить в панславизм — пугало всей Европы, особенно Англии». «Я твердо уверен, — высказывал свое кредо А.Д.Оболенский, — что народ русский в своей толще не чувствует славянофильской идеи, чужд этой идеологии и его сердце не ответит насильственному и вооруженному объединению славянства». ⁸⁵⁹

В письме к жене брата А.Д.Оболенский был более откровенен, расценивая войну как «безумную катастрофу». Он выражал сожаление, что его сын может погибнуть ради того «милого европейского рая, который должен наступить после искалечения лучших молодых сил цивилизованного мира». «Когда началась война — об этой цели войны никто не думал, — выражал А.Д.Оболенский мысли не только свои, но и других парламентаристов. — Война сорвалась. Ее никто не хотел. Безумное дело должно же быть как-нибудь оправдано перед разумом. Вот и придумали». Подра-

зумеая причину войны, князь писал: «Идол национализма поставлен превыше Бога, а теперь остался один культ ненависти к немцам». ⁸⁶⁰

Другой бывший министр кабинета С.Ю.Витте, выборный член группы центра В.И.Тимирязев, также во время войны подозревался в «германских симпатиях». ⁸⁶¹

Пока парламентаристы превосходили друг друга в демонстрации своего германофильства, произошли перемены в составе президиума Государственного совета. С августа 1914 г., в связи с болезнью и смертью М.Г.Акимова, обязанности председателя верхней палаты исполнял ее вице-председатель, более либеральный И.Я.Голубев. Утвердить его в должности председателя царь не решился, опасаясь его «конституционности». Поэтому к 1 января 1915 г. Николай выбрал другого кандидата на эту должность. Им оказался «несомненно правый и весьма приятный» А.Г.Булыгин. ⁸⁶² Помимо членства в Государственном совете, он являлся главноуправляющим Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии.

Коллективное выдвижение кандидатуры А.Г.Булыгина принадлежало участникам антимаклаковской интриги. Описывая реакцию Николая на предложение назначить этого сановника председателем верхней палаты, князь В.Н.Орлов информировал И.Л.Горемыкина 16 декабря 1914 г.: «Кандидатура Булыгина, по-видимому, очень нравится... но что как бы смущает — это разговор с императрицей Марией Федоровной; тут я пошел вперед и сказал, что Вы, если нужно, съездите сами к ее величеству и объясните ей всю необходимость этой жертвы». ⁸⁶³ Указ о назначении А.Г.Булыгина председателем верхней палаты, сообщил 1 января 1915 г. государственный секретарь С.Е.Крыжановский товарищу министра народного просвещения барону М.А.Таубе, был уже подписан императором. ⁸⁶⁴

Избегая председательства, А.Г.Булыгин «прикрылся желанием императрицы-матери и от угрожавшей ему новой хлопотливой обязанности успешно и благовидно отказался». ⁸⁶⁵ Назначенный член правой группы граф А.А.Бобринский иронизировал по поводу того, что А.Г.Булыгин «уже с подписанным указом не попал к Акимову». ⁸⁶⁶ Таким образом, во главе верхней палаты остался И.Я.Голубев. Он укрепил позиции парламентаристов, используя вопрос об определении личного состава назначенной части Государственного совета на 1915 г. На докладе И.Я.Голубева по этому поводу Николай написал: «Оставить тех же членов, кроме Шипова, и призвать к присутствованию в Государственный совет Покровского, Вебера, [Ф.Ф.]Трепова и Новицкого, а также сенатора Игнатьева». На докладе о составе 1-го департамента верхней палаты царь начертал: «Сохранить нынешний состав, кроме Манухина, и назначить в Департамент: Платонова, барона Поне и барона Дистерло». Резолюция Николая по поводу состава 2-го департамента гласила: «Сохранить нынешний состав, кроме Шипова, и назначить в Департамент: Вебера, Покровского и Поливанова». Наконец, относительно состава Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ Николай написал: «Назначить председателем Шмемана, а членами: барона Иксуля, Зиновьева 3-го и Лыкошина». ⁸⁶⁷ Из всех перечисленных сановников только двое, Р.А.Дистерло и А.И.Лыкошин, были дуалистами.

Проходившая 27–29 января 1915 г. сессия верхней палаты внешне не усилила политическую дифференциацию лордов. «Была у нас краткая сессия Государственного совета; теперь опять вся гражданская жизнь заглохла, — писал дочери А.А.Бобринский. — Даже ссоры министров притихли». ⁸⁶⁸

Конфликт между парламентаристом И.Я.Голубевым и дуалистом И.Л.Горемыкиным разгорелся, когда Николай подтвердил право премьера на участие в решении вопроса о пополнении назначенной части верхней палаты. Еще в 1909 г. П.А.Столыпин получил от императора согласие с тем, чтобы накануне всеподданнейших докладов по поводу последующих назначений в Государственный совет его председателем обязательно сносился с главою правительства. В письме П.А.Столыпина М.Г.Акимову, оформившем новый порядок пополнения назначенной части, говорилось об участии премьера в решении вопросов, относящихся к определению состава присутствующих лордов и переводу их в разряд неприсутствующих. ⁸⁶⁹

В результате установления нового порядка влияние на личный состав Государственного совета его председателя несомненно уменьшилось. Еще большее умаление этого влияния подразумевало письмо И.Л.Горемыкина И.Я.Голубеву от 1 февраля 1915 г. И.Л.Горемыкин просил, чтобы, «в согласность с установленным при статс-секретаре Столыпине порядком», при всеподданнейших докладах председателя верхней палаты по вопросам личного состава назначенной части на «благовоззрение» царя повергалось бы также и мнение премьера «по соответствующему предмету». Следовательно, праву премьера, распространявшемуся, по букве столыпинского письма, только на определение лордов к присутствованию, И.Л.Горемыкин попытался, в соответствии со сложившейся многолетней практикой, придать расширительное толкование. Горемыкинское письмо закрепляло за премьером более весомое полномочие на подбор новых кандидатов в назначенные члены. Это следовало и из просьбы И.Л.Горемыкина заранее ставить его в известность «о предполагаемых новых назначениях в члены Государственного совета и перемещениях в составе последнего», дабы он мог своевременно сообщать И.Я.Голубеву, для доклада царю, «свое по изъясненным предположениям заключение».

В пожеланиях И.Л.Горемыкина И.Я.Голубев усмотрел увеличение и без того значительных прав премьера. В самом деле, под «перемещениями в составе» Совета, контролировать которые покушался И.Л.Горемыкин, можно было понимать назначения не только в общее собрание верхней палаты, но и в ее департаменты и особые присутствия. Между тем определение личного состава этих подразделений председатели Государственного совета всегда считали своей неприкосновенной прерогативой.

Во время встречи И.Я.Голубева с И.Л.Горемыкиным, состоявшейся 5 февраля, произошло своего рода размежевание сфер влияния. И.Л.Горемыкин пояснил, что по содержанию подтвержденного высочайшего повеления 1909 г. председатель верхней палаты «долженствует всеподданнейше докладывать мнение председателя Совета министров относительно изменений в составе членов Государственного совета, призываемых по высочайшему назначению к присутствованию в Общем собрании Государственного совета, но не в отношении перемен в составе департаментов и особых присутствий Государственного совета». ⁸⁷⁰

После отступления И.Л.Горемыкина влияние премьера распространилось исключительно на определение лордов к присутствованию. Впрочем, на практике и это влияние оказалось эфемерным. Хотя за второе полугодие 1914 — первое полугодие 1915 г. лордами стали 9 человек, только двоих из них определили к присутствованию, причем И.Л.Горемыкин тут был ни при чем.⁸⁷¹

Нарастание весной и летом 1915 г. внутривластного кризиса отразилось и на настроениях лордов. Одни из них поддерживали А.В.Кривошеина в осуществлении курса на парламентаризацию верховного управления путем обновления личного состава Совета министров.

А.Д.Оболенский в письме фактическому премьеру от 21 июня восклицал: «Сделали Вы новыми назначениями очень много и заслуга Ваша имеет историческое значение. Вам честь и слава!» Однако, полагал А.Д.Оболенский, подталкивая корреспондента к большей либерализации правительственного курса, «далеко еще не все сделано». Судя по царскому рескрипту И.Л.Горемыкину о предстоящем созыве Думы, «самый дух, царящий наверху, не есть дух спасительный». «Все производит впечатление не сознания правильности избранного пути, — объяснял А.Д.Оболенский причины своего недовольства, — а каких-то уступок кому-то». «Дело в том, что волна общественного подъема через полтора месяца может и упасть, — подводил А.Д.Оболенский к сути своего послания, фиксируя внимание фактического премьера на необходимости введения парламентаризма. — А главное — нет сознания необходимости разделить ответственность, возложить ее на всю Россию в лице законодательных учреждений. Здесь вопрос не в том, хотят этого или не хотят отдельные члены Думы или Государственного совета, а в том, что это единственный способ избежать величайших потрясений».

Выступая за созыв Думы не на краткую, а на длительную сессию, которая стала бы предпосылкой парламентаризации верховного управления, А.Д.Оболенский писал А.В.Кривошеину 22 июня, что его «смutilо заключение наших правых членов Государственного совета». Они полагали, что сессия Думы «должна быть очень краткой». «Это, — заключал А.Д.Оболенский, — была бы ошибка».⁸⁷²

Рассматривая нарастание внутренней нестабильности в качестве повода для введения парламентаризма, лорды типа А.Д.Оболенского видели в нем единственное средство преодоления возникшего кризиса. В письме брату, написанном уже после выхода в отставку четырех неугодных оппозиционных министров, и прежде всего Н.А.Маклакова, А.Д.Оболенский выразил удовлетворение, что «действительная опасность заставила, наконец, расстаться с шутами во внутреннем управлении и, повидимому, ремонт министерства в полном ходу». «После этого ремонта предполагается созвать Думу и нас для действительного “единения”, — писал А.Д.Оболенский далее, давая парламентаристскую трактовку курсу на «священное единение». — Словом, делается все то, что надо было делать 10 месяцев тому назад. К сожалению, все это делается далеко не в том темпе, как бы следовало».⁸⁷³

Если для парламентаристов политика правительства была слишком осторожной, то для консерваторов она выглядела крайне либеральной. В

письме И.Г.Щегловитову от 10 июля Н.А.Маклаков сетовал на то, что «сессия, сама по себе — безумие, предположена еще для успокоения страны “длительной”». «Увы! — сокрушался Н.А.Маклаков, испытывая после своей отставки горечь поражения. — Длительность безумия и позор растерянности, благодаря душевным свойствам руководящей теперь в Совете [министров] группы, стала сутью современной правящей России. Наше историческое солнце правды, наша краса и гордость русская — самодержавие — придавлено, обворовано проходимцами в роде жидовского кантониста Кривошеина и старого циника-плута в роде Грымзы [И.Л.Горемыкина. — С.К.]. Вместо самодержавия воцаряется — олигархия».⁸⁷⁴

Между тем, готовя предпосылки для создания в законодательных учреждениях леволиберального большинства, А.В.Кривошеин и его единомышленники приступили к решению вопроса о председателе Государственного совета. Кандидатура И.Л.Горемыкина быстро отпала.⁸⁷⁵

На место М.Г.Акимова парламентаристы запланировали провести более либерального сановника. Таковым они признали патриарха правительственного либерализма — назначенного члена группы правого центра А.Н.Куломзина.⁸⁷⁶ Степень его либеральности выявили рассуждения, высказанные им 14 января 1915 г., во время беседы с французским послом Ж.М. Палеологом. А.Н.Куломзин выступил тогда за реформы, внушаемые «двумя принципами, которые являются столпами нашего нынешнего режима и которые надо поддерживать во что бы то ни стало: это — самодержавие и православие».⁸⁷⁷ Однако в исповедовании монархического принципа А.Н.Куломзин выказывал «явную тенденцию к упорочию в стране конституционализму».⁸⁷⁸ Приверженность идеалам самодержавия и православия не сближала его с консерваторами. Самодержавие А.Н.Куломзин рассматривал как факт не юридического, а мистического свойства, полагая, что царизм и православие связаны друг с другом «узами божественного права». То, что ссылка на самодержавие имела для него только ритуальное значение, доказывала либеральная окраска практической части мировоззрения А.Н.Куломзина, центральным пунктом которого была крестьянская реформа в духе столыпинской.⁸⁷⁹

Кандидатуру А.Н.Куломзина государственный контролер П.А.Харитонов предложил на заседании Совета министров, состоявшемся 7 июля. Целесообразность именно этой кандидатуры П.А.Харитонов мотивировал тем, что А.Н.Куломзин «будет считаться с правительством», что «очень важно», ибо «до сих пор» члены Государственного совета «всегда — в оппозиции правительству». А.В.Кривошеин высказался за то, чтобы «установить на будущее время», что назначение членом верхней палаты должно происходить «не иначе, как через председателя Совета министров и Совет министров».⁸⁸⁰ Следовательно, право, ранее принадлежавшее премьеру, А.В.Кривошеин попытался возложить на правительство в целом.

Через неделю Николай послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите указ о назначении статс-секретаря Куломзина председателем Государственного совета с оставлением председателем Романовского комитета».⁸⁸¹

Подписание царем указа о назначении А.Н.Куломзина председателем верхней палаты последовало 15 июля, а 19-го числа под его председатель-

ством открылась очередная сессия Государственного совета. Во время нее среди всех назначенных членов наблюдался чрезвычайный рост оппозиционности. Правая группа «стала редеть».⁸⁸² Параллельно внутри группы «чувствовался заметный разлад, побуждавший некоторых из ее членов думать об образовании новой самостоятельной консервативной группы».⁸⁸³ Более того, летом 1915 г. начали осложняться взаимоотношения не только между членами правой группы, но и между нею и ее единственным союзником — группой правого центра. Их разделила «заметная рознь».⁸⁸⁴

Показателем явного полевения лордов было то, что даже правая группа, сообщил на заседании правительства 24 июля А.В.Кривошеин, «признала допустимым сделать демонстрацию против Сухомлинова, отказавшись принять его в свои ряды».⁸⁸⁵

Характерное для лордов отрицательное отношение к В.А.Сухомлинову передает написанное 23 июля письмо царю обер-егермейстера И.П.Балашева, чей брат являлся назначенным членом группы центра. Выступив за «необходимость тщательного расследования обстоятельств, приведших нас к настоящему печальному положению, а также строгого взыскания с его виновников», И.П.Балашев расценил деятельность бывшего военного министра и его сотрудников как «явное предательство ими своего Отечества и своего государя». Обер-егермейстер советовал императору назначить «серьезную сенаторскую ревизию для раскрытия всех преступлений Военного ведомства и иных, если таковые окажутся», доведя «следствие и его результаты до конца».⁸⁸⁶

Принимая во внимание настроение лордов, на заседании правительства 24 июля И.Л.Горемыкин высказался за создание Верховной комиссии по расследованию деятельности В.А.Сухомлинова. А.В.Кривошеин рекомендовал поставить во главе нее назначенного члена КВО генерала Н.П.Петрова, а одним из членов комиссии сделать вице-председателя И.Я.Голубева.⁸⁸⁷ Свою деятельность Н.П.Петров начал с того, что обратился за советами к А.И.Гучкову.⁸⁸⁸

Создание Верховной комиссии было для А.В.Кривошеина шагом на пути к созданию леволиберального большинства как в нижней, так и в верхней палате. Необходимость этого представлялась очевидной не только для фактического премьера, но и для широкого круга парламентаристов. «Важнейшая задача нашей внутренней политики в настоящее время, — писал И.Л.Горемыкину сенатор Г.А.Евреин, сочувствовавший левым оппортунистам, — есть обуздание наших крайних правых, ретроградов, и, в соответствии с сим, личный состав назначенных к присутствованию членов Государственного совета должен, в партийном отношении, следовать политике большинства в Государственной думе. Это совершенно во власти министерства и предписывается ему отношением царя к Думе».⁸⁸⁹

А.В.Кривошеина к созданию в верхней палате леволиберального большинства, т.е. Прогрессивного блока, призывал П.Б.Струве. «Правительство, — писал он фактическому премьеру 9–10 августа, — должно, также, организовать большинство Государственного совета».⁸⁹⁰

Помимо деятельности А.В.Кривошеина, присоединению верхней палаты к Прогрессивному блоку способствовала деятельность А.Н.Куломзи-

на. После его назначения, констатировал председатель Совета министров Б.В.Штюрмер во всеподданнейшем докладе от 9 октября 1916 г., «внутренний строй Государственного совета преобразился. Первую роль в нем играет так называемый “Блок”».⁸⁹¹ Члены правой группы держали нового председателя верхней палаты под подозрением, «не будучи уверены в том, что Куломзин поддержит их интересы».⁸⁹²

Полевение Государственного совета было детерминировано и созданием 17 августа системы особых совещаний. В них, наряду с думцами и выборными членами верхней палаты, вошли и ее назначенные члены.⁸⁹³

Присоединению Государственного совета к оппозиции способствовало также принятие Николаем Верховного главнокомандования. Оно вызвало у лордов отрицательную реакцию. По поводу удаления великого князя Николая Николаевича Б.А.Васильчиков и обер-егермейстера светлейший князь Д.Б.Голицын «долго и много говорили, изливая свою гражданскую скорбь».⁸⁹⁴

Однако сами по себе перечисленные факторы к полевению Государственного совета никогда бы не привели. Его присоединение к оппозиции предопределили парламентаристы, которые составляли весьма влиятельную прослойку и действовали в тесном контакте как друг с другом, так и с выборными членами.

Ключевая роль, сыгранная лордами при образовании Прогрессивного блока в верхней палате, хорошо видна на примере А.С.Ермолова и А.Д.Оболенского. Оба они были на первой встрече думцев и членов Государственного совета. Во время этой встречи А.С.Ермолов указал на то, что она «в высшей степени важна» и что «надо говорить о программе, а не о лице». А.Д.Оболенский участвовал во всех заседаниях комиссии, которая выработывала программу блока, и стал одним из ее авторов. На заседаниях 14 и 15 августа князь оказывал подчас решающее влияние на редакцию пунктов об амнистии и веротерпимости, по еврейскому, финляндскому, малороссийскому и польскому вопросам. Действуя в пользу соглашения оппозиции с кабинетом, находившимся под контролем А.В.Кривошеина, на заседании 22 августа А.Д.Оболенский охарактеризовал программу блока как «основание для соглашения с правительством, а не ультиматум».⁸⁹⁵

Активность А.Д.Оболенского была вознаграждена. Его выбрали в бюро блока от группы центра. Тогда же членом бюро от КВО стал другой парламентарист — А.Ф.Кони.⁸⁹⁶

Участие лордов в образовании блока обусловило его доминирование не только в нижней, но и в верхней палате. После беспрецедентного полевения, затронувшего личный состав Государственного совета, о присоединении к оппозиции заявили 24 августа три из пяти групп — левых, центра и КВО.⁸⁹⁷ Свидетельством активности лордов, направленной на образование блока, стала коротенькая записка. «Петр Александрович, — обращался в ней к назначенному члену КВО П.А.Сабурову назначенный член группы центра Н.С.Таганцев, подразумевая выборного члена этой группы, барона В.В.Меллер-Закомельского, — Меллер-Закомельский уже от имени нашей Группы заявил о присоединении».⁸⁹⁸

Самоидентификация с Прогрессивным блоком была характерна для 46 парламентаристов.⁸⁹⁹ Они составляли четверть всего личного состава

верхней палаты, почти половину лордов и более трети — от общего количества членов Государственного совета, числившихся в блоке. Переход в открытую оппозицию трону такого количества высокопоставленных лиц, вызвав широкий общественный резонанс, произвел едва ли не большее впечатление, чем само образование блока. В постановлении петроградского совещания монархистов, заседавшего в ноябре 1915 г., особое внимание власти обращалось на назначенных членов, которые «вступили в соглашение с Прогрессивным парламентским блоком, покусившимся для достижения своих политических домогательств преступно использовать тяжелые военные обстоятельства».⁹⁰⁰

По разделившимся ими взглядам назначенные члены Прогрессивного блока практически ничем не отличались от своих выборных единомышленников. Н.П.Балашев, А.Д.Зиновьев и П.М. фон Кауфман-Туркестанский выступили за достижение «планомерной, согласованной деятельности законодательных учреждений с сильным, авторитетным, опирающимся на общественное доверие и сочувствие правительством». Они полагали, что «такая деятельность» должна следовать программе Прогрессивного блока.⁹⁰¹

Конечно, факт того, что многие назначенные члены блока принадлежали к числу маститых сановников, окрашивал их оппозиционность в тона лояльности. Лишь немногие из парламентаристов, указывал Б.В.Штюрмер, «формально внесли свои имена в список “Блока”».⁹⁰²

Вообще, по сравнению с их выборными коллегами, в своей оппозиционности назначенные члены были, пожалуй, наименее ортодоксальными. Некоторые из них поддержали Прогрессивный блок с оговорками. Н.П.Балашев, А.Д.Зиновьев и П.М. фон Кауфман-Туркестанский заявили, что не считают возможным «заранее предрешать поддержку всех положений» программы блока и оставляют за собой «свободу суждений».⁹⁰³

Характерно и поведение такого парламентариста, как А.Д.Оболенский. Принадлежность к Прогрессивному блоку не помешала ему публично заявить о существовании внутри блока серьезных противоречий и тем навлечь на себя газетную критику.⁹⁰⁴ В то же время парламентаристы, заседавшие в Государственном совете, образовывали сравнительно единомысленную массу. Этого нельзя утверждать относительно их оппонентов.

Идеологическая аморфность дуалистического крыла верхней палаты во второй половине 1915 — первой половине 1916 г. не осталась на прежнем уровне, но постепенно усилилась. Если при присоединении к Прогрессивному блоку большинства членов верхней палаты в ее назначенной части произошла поляризация, выявившая различия между парламентаристами и дуалистами, то в течение указанного периода стала намечаться поляризация теперь уже внутри дуалистов: одни из них утверждали себя в ортодоксальности, другие — начинали проникаться оппозиционностью.

Пример отстаивания идеала конституционно-дуалистической монархии дал А.П.Струков, одновременно являвшийся председателем Постоянного совета Объединенного дворянства. В момент образования Прогрессивного блока по поручению Постоянного совета он обратился к И.Л.Горемыкину с официальным письмом. А.П.Струков указал преме-

му на то, что «стремление некоторой части общества воспользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляет собою явную опасность для спокойствия страны».⁹⁰⁵

Параллельно с утверждением одних назначенных членов правой группы в ортодоксальности, другие ее назначенные члены самоидентифицировали себя с оппозицией напрямую. Это прослеживается в случае с А.Д.Самариным. Расценивая свою отставку как следствие не политических причин, а только влияния «темных сил», и прежде всего Г.Е.Распутина, А.Д.Самарин переживал разочарование в прежних идеалах. «Скорблю, конечно, не о себе, — писал он жене Б.А.Васильчиковой, — а о той грозной беде, которая надвигается на Святую Православную Церковь. Меня особенно тяготит вопрос о подрастающем поколении; воспитывать его без известных идейных основ нельзя, а как быть, когда эти идеалы колеблются!»⁹⁰⁶

Переход в оппозицию А.Д.Самарина колебал его идеалы более, чем что либо иное. По оценке полицейского аналитика, «даже самые незыблемые революционеры в своих прокламациях не причинили столько зла, не содействовали в такой ужасной степени падению престижа верховной власти, очернению особы монарха, как все то, что рассказывал чуть ли не на всех улицах и перекрестках о причинах своего ухода обер-прокурор Святейшего Синода Самарин». На рубеже 1915—1916 гг. в его окружении начинали склоняться к мысли о необходимости низложения царя и говорили «определенно о перевороте», «вроде тех, которые были при Екатерине, Павле».⁹⁰⁷

Усилению аморфности правой группы способствовало состоявшееся в середине августа 1915 г. избрание ее лидером, вместо ортодоксального дуалиста П.Н.Дурново, заболевшего и вскоре умершего, умеренного дуалиста графа А.А.Бобринского.⁹⁰⁸ С образованием Прогрессивного блока граф занял по отношению к нему примирительную позицию, не отвергая с порога даже его лозунг о «министерстве доверия». В качестве гласного петроградской городской думы, сообщал В.Н.Снежков князю Н.Н.Чолокаеву 16 ноября 1915 г., А.А.Бобринский предложил внести в текст обращения к императору пожелание, чтобы правительство состояло из лиц, «сильных доверием страны».⁹⁰⁹ Кроме того, А.А.Бобринский отказался подписаться под ортодоксально-дуалистическими постановлениями по вопросу о Прогрессивном блоке совещания монархистов, которое прошло 21—23 ноября 1915 г. в Петрограде.⁹¹⁰

В работе совещания приняли участие видные назначенные члены правой группы — дуалисты А.А.Макаров и И.Г.Щегловитов — и близкий к черносотенцам Н.А.Маклаков. Лозунг о создании «министерства общественного доверия» совещание квалифицировало как «требование, определенно нарушающее Основные законы Российского государства», поскольку оно «явно направлено к покушению на права верховной самодержавной власти». Исходя из идеи конституционно-дуалистической монархии, участники совещания призывали правительство принять «решительные и безотлагательные меры против подобных покушений на Основные законы государства».⁹¹¹

Такого рода обращения, равно как и фактическое возникновение, вместе с Прогрессивным блоком, однопалатной системы, противоречившей принципам Основных законов, поставило Николая и правительство перед вопросом о восстановлении нарушенного равновесия через изменение личного состава назначенной части верхней палаты в пользу дуалистов.

Необходимость усиления дуалистического крыла Государственного совета в связи с избранием туда от Москвы Г.Э.Вейнштейна, А.И.Гучкова и П.П.Рябушинского первым осознал, еще до своего назначения управляющим МВД, А.Н.Хвостов. Передавая его мнение А.А.Вырубовой, князь М.М.Андроников, расценив избрание указанных лиц как «явление весьма характерное, но вместе с тем и чрезвычайно опасное», призвал «принять самые серьезные меры к созданию в Государственном совете сильного противодействия, что могло бы осуществиться лишь назначением туда трех выдающихся оппонентов-ораторов, в роде Кривцова и Крашенинникова, выдающихся юристов и убежденных врагов московских аферистов». «Вообще, — подчеркивал М.М.Андроников, — влияние Гучкова и его компании необходимо всячески парализовать, так как иначе они превратят нашу высшую законодательную палату в арену своих вождений».⁹¹²

Получив министерский портфель, А.Н.Хвостов приступил к воплощению собственных планов. Уже в ноябре министр внутренних дел добился увеличения назначенной части правой группы. Список соответствующих кандидатов он составил на основании переговоров с некоторыми из ее членов. Пополнение группы А.Н.Хвостов осуществил помимо А.Н.Куломзина, И.Л.Горемыкина и Совета министров, путем особого доклада Николаю. В результате этого беспрецедентного демарша членами Государственного совета стали четыре дуалиста — сенаторы Н.П.Гарин, князь Н.Д.Голицын, Н.С.Крашенинников и член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов и только один крайне правый — сенатор А.А.Римский-Корсаков.

Беспрецедентность демарша А.Н.Хвостова была не только в том, что он состоялся помимо председателя верхней палаты и премьера, но и в назначении Н.П.Муратова, чей должностной ценз отличался явной недостаточностью. Необходимость этого назначения А.Н.Хвостов мотивировал императору тем, что Н.П.Муратов «нужен для выступлений в Государственном совете как выдающийся партийный оратор».⁹¹³ До того как попасть в Государственный совет, он, числясь по МВД, исполнял обязанности заведующего продовольственным делом в империи и фактически находился на положении товарища министра, «но официально я, — вспоминал Н.П.Муратов, — был только членом Совета министра внутренних дел, т.е. занимал место, с которого очень трудно было пройти и в Сенат».⁹¹⁴

Ноябрьские назначения стали локальной акцией, не противоречившей курсу А.Н.Хвостова на достижение компромисса с Прогрессивным блоком. Наоборот, ее ценой министр внутренних дел покупал поддержку Правой группой тех мер, которые он планировал провести в русле данного курса. Действуя в контакте с дуалистами и крайне правыми, А.Н.Хвостов имел намерение «приостановить, хотя бы временно, их выступле-

ния перед государем против Государственной думы».⁹¹⁵ Тем не менее парламентаристы расценивали А.Н.Хвостова отрицательно, преувеличивая значение его отношений с представителями «безответственных влияний».

В конце 1915 г. Б.А.Васильчиков послал А.Н.Хвостову письмо с обвинениями в покровительстве М.М.Андронинову. Серьезность этой ситуации состояла в том, что Б.А.Васильчиков имел придворный чин шталмейстера. Его выступление было проявлением не только бюрократической, но и придворной оппозиционности.⁹¹⁶ Содержание своего письма Б.А.Васильчиков сообщил членам Думы и Государственного совета. А.Н.Хвостов заявил А.А.Вырубовой, что Б.А.Васильчиков «поднял шум», дабы «приподнять завесу» над влияниями М.М.Андроникова «на более высокие сферы». А.Н.Хвостов охарактеризовал Б.А.Васильчикова как человека, который, «занимая высокое служебное и придворное положение, подобного рода выступлениями только сгущает неблагоприятную для высоких сфер атмосферу».⁹¹⁷

Князь являлся членом Яхт-клуба. Поэтому А.Н.Хвостов обратился к министру двора графу В.Б.Фредериксу, который был командором клуба. А.Н.Хвостов попросил графа указать его членам из числа парламентаристов на несоответствие носимых ими придворных мундиров оппозиционным разговорам. В.Б.Фредерикс торопиться не стал. Тогда через императрицу А.Н.Хвостов указал императору, что «с некоторых господ, которые позволяют себе говорить такие вещи, теперь отлично можно будет снять их золоченые мундиры и аксельбанты». А.Н.Хвостов советовал Николаю приказать помощнику В.Б.Фредерикса по должности командующего императорской главной квартирой генералу К.К.Максимовичу «преследить за Клубом». «Хвостов, — писала по этому поводу Александра Федоровна мужу 3 января 1916 г., — просил Фредерикса помочь ему, но тот не мог или не понял, что это нужно. Увы, Борис Васильчиков сильно изменился к худшему, как и многие другие. О, им необходимо почувствовать твою мощь, теперь нужно быть строгим!»⁹¹⁸

Доводы А.Н.Хвостова Николай признал резонными. Во время состоявшейся 7 января в Ставке встречи царя с В.Б.Фредериксом Николай повелел ему написать К.К.Максимовичу, что «его величество крайне недоволен разными разговорами в Яхт-клубе, даже носящих аксельбанты его величества».⁹¹⁹ В передаче самого Николая, он попросил В.Б.Фредерикса «очень строго» написать К.К.Максимовичу «о клубах» и «следить за всем, что там происходит». «Всякую болтовню и критику, которую он лично услышит, — передавал содержание письма К.К.Максимовичу царь, — он должен пресекать и предупредить тех, кто носит золотой мундир или аксельбанты, что они лишатся таковых, если будут продолжать вести себя в том же духе».⁹²⁰ Было бы неверно преувеличивать репрессивный характер этой меры. Она имела отношение не к реальной политике, а к соблюдению придворного ритуала. Б.А.Васильчиков и другие парламентаристы вплоть до Февральской революции по-прежнему носили придворные чины и звания.

В конце же 1915 г., при определении Николаем на 1916 г. состава назначенной части Государственного совета, парламентаристы-придворные не были исключены из числа его присутствующих членов. «Вопреки рас-

пространявшимся в печати сведениям, — отмечал А.А.Поливанов, — о вероятном устранении от присутствия в Государственном совете некоторых членов его по назначению, заподозренных в принадлежности к Прогрессивному блоку, такового устранения не последовало».⁹²¹

Несмотря на ключевую роль назначенных членов, сыгранную ими при присоединении Государственного совета к оппозиции, Николай вывел из числа присутствующих только двух парламентаристов. Ими были адмирал Н.М.Чихачев и М.Н.Галкин-Врасский, которые, вследствие дряхлости, не посещали верхней палаты, а потому сами ходатайствовали о своем удалении.⁹²²

В угоду Прогрессивному блоку Николай вычеркнул из списка присутствующих ненавистного оппозиции генерала В.А.Сухомлинова. Первоначально делать это царь не собирался.⁹²³

Пока оппозиционность Прогрессивного блока не достигала высокого накала и, следовательно, сохранялась надежда на соглашение правительства с оппозицией, вопрос об изменении в пользу дуалистов состава назначенной части к разряду актуальных не принадлежал. Именно поэтому царь оставил во главе верхней палаты А.Н.Куломзина, хотя за его увольнение выступили и И.Л.Горемыкин, и царица.⁹²⁴ Более того, 29 декабря Николай назначил членом Государственного совета парламентариста П.Л.Барка. Кандидатура сенатора и бывшего помощника кавказского наместника по гражданской части Н.Л.Петерсона не прошла.⁹²⁵

Взамен удаленных сановников к присутствованию были определены два парламентариста и дуалист. На вступоданнейший доклад А.Н.Куломзина о пополнении назначенной части Николай наложил 29 декабря следующую резолюцию: «Барк, Шипов, князь Голицын». Благоприятными для парламентаристов были и другие царские резолюции. На докладе о назначении вице-председателя Государственного совета царь написал: «Статс-секретарь Голубев». Председателя 1-го департамента А.А.Сабурова Николай заменил А.Н.Щербачевым, а его членом сделал П.А.Игнатъева. Заменяя председателя 2-го департамента генерала Н.П.Петрова, 28 декабря царь начертал: «Председателем статс-секретаря Коковцова. Прибавить членом Тимашева».⁹²⁶ Все эти сановники были членами Прогрессивного блока.

Знаковым являлось назначение В.Н.Коковцова, которое произошло по предложению А.Н.Куломзина.⁹²⁷ Состоявшийся 19 января 1916 г.⁹²⁸ прием императором В.Н.Коковцова по поводу его назначения был «обычно ласковый». Николай выказал одному из лидеров оппозиции в Государственном совете несомненное благоволение. Монарх сообщил собеседнику, что «рад оказать» ему «хотя бы небольшое внимание». «Я, — заявил император, — вас совсем не вижу, но часто вспоминаю вас и уверен в том, что мне скоро придется обратиться к вам, когда настанет пора подводить итоги войны и думать о справедливом вознаграждении России за все понесенные ею жертвы».⁹²⁹

Отказавшись от наступления на оппозицию, Николай продемонстрировал еще раз, что достижение компромисса с ней, на условии сохранения дуалистической системы, по-прежнему остается главной целью его внутренней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Войков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С.58.

² А.К.Бенкендорф — П.К.Бенкендорфу. 16 января 1915 г. // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.130. Л.73.

³ О Николае II см.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984; *Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б.* Николай II. Последний российский император. СПб., 1992; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Николай II // ВИ. 1993. № 2; *они же.* От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994; *Боханов А.Н.* Николай II // Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1993; *он же.* Император Николай II. М., 1998; *Радзинский Э.С.* «Господи... Спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993; *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. Из работ о Николае II, написанных иностранными исследователями, необходимо упомянуть нижеследующие: *Frankland N.* Imperial Tragedy. Nicholas II, Last of the Tsars. N. Y., 1961; *Ферро М.* Николай II. М., 1991; *Lieven D.* Nicholas II. Emperor of all Russians. Lnd., 1993; *Лева Х.Д.* Николай II // Русские цари. 1547—1917. Ростов-на-Дону — М., 1997; *Хереш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998.

⁴ См. об этом: *Уортмен Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; *он же.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton — N. Y., 1999. Vol.2.

⁵ *Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. М., 1991. С.146. Об Александре III см.: *Чернуха В.Г.* Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

⁶ *Бужсгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение (Париж). 1957. Тетр.67. С.35. Об Александре II см.: *Чернуха В.Г.* Великий реформатор и великомученик // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

⁷ *Тихомиров Л.А.* Дневник // КА. 1936. Т.74. С.175. Ср.: *Суворин А.С.* Дневник. М., 2000. С.385.

⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.36; *Шереметев С.Д.* Отрывки из «Дневников» // Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С.216. Ср.: *Николай II.* Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. СПб., 1906. С.20; *Савельев А.А.* Два восшествия на престол русских царей (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С.100; *Соловьев Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // АЕ за 1972 г. М., 1974. С.312.

⁹ *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С.12-13; *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С.420; *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С.607, 608.

¹⁰ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С.512.

¹¹ Великий магистр ложи «Мезори» — Николаю II. Б. д. // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.390. Л.40.

¹² *Бурыйкин П.А.* Филипп — предшественник Распутина // НЖ. 1955. Кн.40; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания. М., 1990. С.181; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С.142.

¹³ *Вырубова А.А.* Указ. соч. С.181. Ср.: Великий магистр ложи «Мезори» — Николаю II. Б. д. // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.390. Л.40; *Вонярярский В.М.* Мои воспоминания. 1852—1939. Берлин, б.г. С.197; *Илиодор (Труфанов С.И.).* Святой черт (Записки о Распутине). М., 1917. С.57. О Г.Е.Распутине см.: *Амальрик А.* Распутин. М., 1992; *Платонов О.А.* Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1996; *Бэст Р.* Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г.Е.Распутине. М., 1997; *Труайя А.* Распутин. М., 1997; *Иоффе Г.З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // ОИ. 1998. № 3; *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. М., 2000; *Радзинский Э.С.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000; *Шшикин О.А.* Убить Распутину. М., 2000. См. также: *Essaulov A., Malone G.* Rasputin: A Vindication // Contemporary Review. 1967. Vol.211, № 191.

¹⁴ «Дражайшая бабушка...» Письма Николая II королеве Виктории. 1894—1900 гг. // ИА. 1995. № 1. С.198. Ср.: *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.23.

¹⁵ *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.199. Л.51; *Покровский Н.Н.* Комитет министров и его Канцелярия в 1890-х гг. // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.38. Л.5; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т.1. С.442; *Николай II.* Дневники императора Николая II. М., 1991. С.83. О Н.Х.Бунге см.: *Ананьич Б.В.* Торжество нового курса. К.П.Победоносцев и М.Н.Катков. Реформы Н.Х.Бунге // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.380-398; *Степанов В.Л.* Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.

¹⁶ *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.672. Л.181; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С.263; *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С.134; *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886—1919. СПб., 1995. С.191.

¹⁷ Вильгельм II — Николаю II. 2 января 1896 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II.

1894–1914 гг. М.—Пг., 1923. С.16; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С.437; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.637.

¹⁸ Документы и материалы Совещания (конференции) Союза 17 октября. Петербург, 7–10 ноября 1913 г. // *Партия «Союз 17 октября»*. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. М., 2000. Т.2. 1907–1915 гг. С.427. Об указе 12 декабря 1904 г. и провозглашенных им реформах см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С.5–59.

¹⁹ *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.195. Л.83. Текст завещания см.: 1890–1894 гг. — «Загробные заметки» Н.Х.Бунге // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999.

²⁰ *Орлов В.Н.* Из дневника // Былое. 1919. № 14. С.57; Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // Река времен. М., 1996. Кн.5; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002.

²¹ Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г.Г.* Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С.6–7. Ср.: *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // РЛ. 1925. Кн.7. С.103; *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.1. С.42.

²² *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.81.

²³ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Булыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13.

²⁴ *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // СЗ. 1937. Т.64. С.293.

²⁵ Вплоть до 1906 г. Александра Федоровна имела либеральные взгляды и была сторонницей конституции (Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. Л., 1925. Т.1. С.396; Показания С.П.Белецкого // Там же. Л., 1925. Т.4. С.273; *Бобринский А.А.* Дневник // КА. 1928. Т.26. С.129; *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С.97; *Константин Константинович.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С.284). О личности Александры Федоровны см.: *Нектария (Мак-Лиз Н.)*. Свет невечерней. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней всероссийской императрицы. М., 1996; *Херш Э.* Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998; *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. М., 2000.

²⁶ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С.116. Царский рескрипт 18 февраля 1905 г., данный министру внутренних дел А.Г.Булыгину, возвестил о намерении Николая создать народное представительство.

²⁷ 1890–1894 гг. — «Загробные заметки» Н.Х.Бунге. С.235.

²⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.7; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.291.

²⁹ *Кони А.Ф.* Николай II // *Кони А.Ф.* Избранное. М., 1989. С.107.

³⁰ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.203–204.

³¹ *Бюлов Б., фон.* Воспоминания. М.—Л., 1935. С.74,79.

³² *Головин Ф.А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С.95. Ср.: Царскоесельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.205).

³³ *Клячко (Львов) Л.М.* Звездная палата // МД. 1928. № 3. С.14; *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.252. См. также: *Ремнев А.В.* Проблема объединенного правительства накануне Первой российской революции // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С.92.

³⁴ А.А.Клопов — Николаю II. 30 июля 1899 г. // Тайный советник императора. СПб., 2002. С.42.

³⁵ *Ковалевский В.И.* Воспоминания // РП. 1991. Вып.2. С.92.

³⁶ *Половцов А.А.* Дневник // КА. 1923. Т.3. С.81.

³⁷ Подробнее о проекте см.: *Ремнев А.В.* Указ. соч. С.94–95.

³⁸ *Орлов В.Н.* Из дневника. С.57; Русско-японская война. Из дневников А.Н.Курапаткина и Н.П.Линевича. Л., 1925. С.112; Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1926. Т.5. С.387; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.148. Ср.: Письмо В.К.Плева к А.А.Кирееву // КА. 1926. Т.5. С.202. О внутренней политике В.К.Плева см.: *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В.К.Плева // Власть и реформы. С. 438–454; *Judg E.H. Plehve.* Syracuse, 1983.

³⁹ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2. С.214.

⁴⁰ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.3–4. Подробнее об истории появления этого манифеста см.: *Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // ВИД. 1979. Т.11; *Ананьич Б.В.* О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П.Мещерского) // Там же. 1983. Т.15.

⁴¹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.360.

⁴² Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Бу-

лыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13; *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.254; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.316; *Обнинский В.П.* Указ. соч. С.99.

⁴³ *Вумме С.Ю.* Указ. соч. Т.2. С.335. Ср.: Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. // КА. 1925. Т.9. С.65.

⁴⁴ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.297.

⁴⁵ *Тессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // АРР. 1937. Т.22. С.178.

⁴⁶ *Бобринский А.А.* Указ. соч. С.129.

⁴⁷ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Булыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13. Подробнее об истории рескрипта и сопутствовавших ему актов см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.85–121. См. также: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Stanford, 1988–1992. Vol.1–2.; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

⁴⁸ *Ганелин Р.Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю.Нольде // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.297.

⁴⁹ Вильгельм II — Николаю II. 6 февраля 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.91.

⁵⁰ Письма императора Николая II министру внутренних дел А.Г.Булыгину. 1905 г. // РА. М., 1991. Т.1. С.188.

⁵¹ *Николай II.* Полное собрание речей... С.57–58.

⁵² Особый журнал Совета министров 4 августа 1906 г. «Об ограничении должностных лиц и служащих в государственных учреждениях по вольному найму в праве участвовать в политических партиях и союзах и о преграждении таковым лицам противоправительственной агитации» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1982. С.146,147.

⁵³ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.21–22; Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. С.166; Вильгельм II — Николаю II. 7 августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.110; *Вумме С.Ю.* Указ. соч. Т.2. С.488. О создании законосовещательной Думы см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.122–191.

⁵⁴ К истории манифеста 6 августа 1905 г. // КА. 1926. Т.14. С.268.

⁵⁵ *Николай II — Вильгельму II* // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.111.

⁵⁶ 25 лет назад (Из дневников Л.Тихомирова) // КА. 1930. Т.39. С.73.

⁵⁷ *Половцов А.А.* Дневник // КА. 1923. Т.4. С.76; *Вумме С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.12; Николай II — Марии Федоровны. 19 октября 1905 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С.74–75; *Островский А.В., Сафонов М.М.* 15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок А.А.Будберга) // Английская набережная. 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.406. О подготовке манифеста 17 октября 1905 г. см.: *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // ВИД. 1981. Т.12; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.192–222.

⁵⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.64.

⁵⁹ *Кокочов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.291.

⁶⁰ *Николай II.* Полное собрание речей... С.73.

⁶¹ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С.332. Ср.: *Лыщинский Л.В.* О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. С.3.

⁶² Царскоесельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.245; *Кокочов В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.123; 1906 г., апреля 23 высочайше утвержденные Основные государственные законы // Российское законодательство Х–XX вв. В 9-ти т. М., 1994. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С.44. См. также: *Николай II.* Полное собрание речей... С.74–75. Ср.: *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С.126.

⁶³ Особый журнал Совета министров 3 и 17 февраля 1907 г. «По законопроектам, касающимся осуществления свободы совести» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.1. С.457.

⁶⁴ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.66.

⁶⁵ Царскоесельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права // Былое. 1917. № 3 (25). С.258–259; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // РП. 1998. Кн.8. С.114.

⁶⁶ *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С.611.

⁶⁷ Журнал соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. В 2-х т. М., 1996. Т.1. 1905–1907 гг. С.46.

⁶⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.73.

- ⁶⁹ *Vitme С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.333.
⁷⁰ Ср.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. В 3-х ч. М., 1898. Ч.3. Политика. С.519.
⁷¹ Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. // ГМ. 1923. № 2. С.41,42.
⁷² Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина // КА. 1924. Т.5. С.103. Об июльском кризисе 1906 г. см.: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. Подробнее о П.А.Столыпине см.: *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992; *Федоров Б.Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А.Столыпина. В 2-х т. СПб., 2002; *Conroy M.S.* Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politic in Late Tsarist Russia. Boulder, 1976; *Ascher A.* P.A.Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001. См. также: *Куликов С.В.* Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.1.
⁷³ *Vitme С.Ю.* Указ. соч. Т.2. С.353.
⁷⁴ Ср.: *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. С.711; *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С.334.
⁷⁵ *Шванебах П.Х.* Записки сановника. Политика П.А.Столыпина и Вторая Государственная дума // ГМ. 1918. № 1–3. С.120–121.
⁷⁶ *Головин Ф.А.* Указ. соч. С.86.
⁷⁷ *Тихомиров Л.А.* Из дневника. 1907 г. // КА. 1933. Т.61. С.110.
⁷⁸ *Головин Ф.А.* Указ. соч. С.92–93.
⁷⁹ *Суворин А.С.* Указ. соч. С.491.
⁸⁰ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.418; Интересная находка // ВИ. 1964. № 4. С.97.
⁸¹ Особый журнал Совета министров 23 ноября 1907 г. «О положении Ведомства учреждений императрицы Марии при действии новых Основных государственных законов» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.2. С.768–769. Ср.: *Тихомиров Л.А.* Из дневника (Период столыпинщины) // КА. 1935. Т.73. С.173.
⁸² *Балашев И.П.* Берегите Думу. Пг., 1915. С.22; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.27. Ср.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.370.
⁸³ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С.400.
⁸⁴ *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С.173–174; *Кокоев В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.272; Газетное сообщение о расширенном заседании ЦК 5 сентября 1911 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т.2. 1907–1915 гг. С.407. О взаимоотношениях П.А.Столыпина с 3-й Думой см.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья дума. М., 1968; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Куликов С.В.* Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907–1917) // Ораторы России в Государственной думе. 2004. Т.2. См. также: *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973.
⁸⁵ *Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С.280.
⁸⁶ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.67.
⁸⁷ *Бобринский А.А.* Указ. соч. С.144.
⁸⁸ *Ковалевский М.М.* Воспоминания // ИСССР. 1969. № 5. С.86.
⁸⁹ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С.347.
⁹⁰ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.68.
⁹¹ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.32; *Зеньковский А.В.* Указ. соч. С.149. Ср.: Допрос генерала В.Н.Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1925. Т.3. С.80.
⁹² Интересная находка. С.108. О премьерстве В.Н.Кокоевца см.: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьюионской системы. Л., 1988.
⁹³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.57–58.
⁹⁴ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т.2. С.155.
⁹⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.59,62.
⁹⁶ *Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 1993. С.117. См. также: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: Материалы международной конф. СПб., 2001. С.85–86.
⁹⁷ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.256–257.
⁹⁸ О «новом курсе» см.: *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С.178–219; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.
⁹⁹ Текст рескрипта см.: *Белецкий С.П.* Иван Логгинович Горемыкин. 27 октября 1839 – 27 октября 1914 г. Пг., 1914. С.44–45.
¹⁰⁰ Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 2. С.31.
¹⁰¹ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С.87.

- ¹⁰² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.457.
¹⁰³ А.А.Клопов – Николаю II. 10 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.13. Л.10 об.
¹⁰⁴ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С.22.
¹⁰⁵ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.83–84.
¹⁰⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.172. С.99.
¹⁰⁷ *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.46.
¹⁰⁸ *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С.54.
¹⁰⁹ 1890–1894 гг. – «Загробные заметки» Н.Х.Бунге. С.212,214.
¹¹⁰ *Толстой И.И.* Воспоминания министра народного просвещения. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997. С.27.
¹¹¹ *Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907–1918. В 2-х т. Берлин, б.г. Т.2. С.161.
¹¹² *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С.112.
¹¹³ *Vitme С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.494. Ср.: *Коростовец И.Я.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник секретаря С.Ю.Витте // Былое. 1918. № 2. С.137. См. также: Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.752–753,763; *Lowe H.-D.* The Tsar and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. N. Y., 1992.
¹¹⁴ *Суворин А.С.* Указ. соч. С.310.
¹¹⁵ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственно-го порядка» // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.3–4.
¹¹⁶ *Обнинский В.П.* Указ. соч. С.77. См. также: *Рахманова Н.* Еврейский вопрос в политике В.К.Плеве // ВЕУ. 1995. № 1 (8).
¹¹⁷ Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.752–753,754–755,763,777.
¹¹⁸ *Куропаткин А.Н.* Дневник // КА. 1922. Т.2. С.82.
¹¹⁹ Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»; Журнал Комитета министров 5 мая 1905 г. // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.6–7,425,426; Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. С.218,219; Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.754–755,763,777.
¹²⁰ Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.754–755,763,777; Мемория о мерах по предупреждению еврейских погромов. 24 февраля 1906 г.; Мемория о разрешении евреям посещать Славянские минеральные воды в летний сезон 1906 г. Не позднее 21 апреля 1906 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С.280,431.
¹²¹ *Николай II.* Полное собрание речей... С.64,73–74. Ср.: Николай II – А.И.Дубровину. 4 июня 1907 г. // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.1. С.341.
¹²² *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С.129; Мемория о мерах по предупреждению еврейских погромов. 24 февраля 1906 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.280; *Кокоев В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.411; *Волков А.А.* Около царской семьи. М., 1993. С.54. Ср.: *Кон Н.* Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990. С.82; *Кирьянов Ю.И.* Предисловие // Правые партии. Т.1. С.52.
¹²³ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.139–140.
¹²⁴ Мемория Совета министров 20 января 1906 г. «По вопросу о приеме евреев в высшие учебные заведения» // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.196. Ср.: *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по повелу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте). М.—Л., 1923. С.84.
¹²⁵ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.193; Николай II – Константину Константиновичу. 14 сентября 1912 г. // Российский императорский дом. С.86. Ср.: *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С.94.
¹²⁶ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина. С.105–107; Особый журнал 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.741. Ср.: *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С.80.
¹²⁷ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина. С.107.
¹²⁸ *Толстой И.И.* Дневник. С.110. См. также опубликованные Особые журналы Совета министров за 1906–1910 гг. Ср.: Протокол допроса И.Г.Щегловитова // Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С.334.
¹²⁹ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.459.
¹³⁰ *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.259.
¹³¹ *Винберг Ф.В.* Крестный путь. Мюнхен, 1922. Ч.1. Корни зла. С.198; *Теляковский В.А.* Воспоминания. 1898–1917. [С]Пб., 1924. С.301; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.173. Ср.: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.246.
¹³² *Суворин А.С.* Указ. соч. С.417.

¹³³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.58. См. также: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.260.

¹³⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.159; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1. С.70.

¹³⁵ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.75.

¹³⁶ 4 человека (Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С.226–231; Общий список членов Государственной думы I, II, III и IV созывов. 1906–1913. СПб., 1993; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С.756–758).

¹³⁷ 72 человека (Шелохаев В.В. Указ. соч. С.212–226; Политические партии России. С.747–755; Общий список членов Государственной думы...; Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.19–22; Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С.250–308).

¹³⁸ 26 человек (Общий список членов Государственной думы...; Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.19–22; Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). С.250–308).

¹³⁹ 4 человека (Общий список членов Государственной думы...).

¹⁴⁰ Мосолов А.А. Указ. соч. С.50–51.

¹⁴¹ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.194; Журнал Совещания с.-петербургских членов ЦК Союза 17 октября. 19 мая 1907 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.353.

¹⁴² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.61; Богданович А.В. Указ. соч. С.480–481.

¹⁴³ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.194. См. также: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С.21.

¹⁴⁴ Бобринский А.А. Указ. соч. С.149.

¹⁴⁵ Ольденбург С.С. Указ. соч. С.512.

¹⁴⁶ Толстой И.И. Дневник. С.54.

¹⁴⁷ О внутренней политике царского правительства во второй половине 1914 – первой половине 1915 г. см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С.45–71; он же. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. С.543–550; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.68–79; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.11–34. В этих работах рассматривается не столько внутренняя политика правительства, сколько отношение к ней со стороны оппозиции. См. также: Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

¹⁴⁸ Ф.Ф.Трепов – И.Л.Горемыкину. 14 июля 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.1.

¹⁴⁹ Именной высочайший указ Правительствующему сенату 20 июля 1914 г. «О созыве Государственного совета и Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2-х т. Пг., 1915. Т.1. С.8.

¹⁵⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.164.

¹⁵¹ Копия всеподданнейшего доклада И.Л.Горемыкина от 25 июля 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.4.

¹⁵² Родзянко М.В. Крушение Империи. С.80–81.

¹⁵³ Речь Николая II, произнесенная «при высочайшем выходе, состоявшемся по случаю войны на западной границе» // РГИА. Ф.472. Оп.66. Д.517. Л.1–4 об.; Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.77.

¹⁵⁴ Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21.

¹⁵⁵ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.119.

¹⁵⁶ Высочайшее повеление 22 августа 1914 г. «О продлении воспреещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени»; Высочайше утвержденное 27 сентября 1914 г. Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.170–171, 238–239. См. также: Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium. СПб., 1999.

¹⁵⁷ Именной высочайший указ 13 сентября 1914 г. «О некоторых по гражданским и уголовным делам льготах чинам действующих армии и флота» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.207–210.

¹⁵⁸ Высочайше утвержденное 17 марта 1915 г. Положение Совета министров «О распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города губерний Царства Польского» //

Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.554–585; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.77,80; Записка А.Н.Яхонтова // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.25. Ср.: А.В.Кривошеин – Николаю II. 18 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1270. Л.5. О значении польского вопроса в годы Первой мировой войны см.: Дьяков В.И. Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1918 гг. // ВИ. 1991. № 4–5.

¹⁵⁹ Особый журнал Совета министров 23 января 1915 г. «О некоторых мерах к усилению врачебного персонала в Империи» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров; Записи заседаний Совета министров 19 и 30 июля, 14 августа и 11 ноября 1914 г. и 20 февраля, 29 мая и 10 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.18,27,48,96,137,173,201.

¹⁶⁰ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.88.

¹⁶¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С.82.

¹⁶² Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. Л., 1929. С.21–22; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.39; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.76. Ср.: Ананьич Б.В. Самодержавие и земство. Земская реформа 1898–1903 гг. // Кризис самодержавия в России. С.95–110. См. также: Царскоесельские сошествия. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.205; Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.71; Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.39. Служебный формуляр И.Л.Горемыкина см.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С.180–183.

¹⁶³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.87.

¹⁶⁴ Подробнее о Н.И.Туган-Барановском см.: Куликов С.В. Записки Н.И.Туган-Барановского А.В.Кривошеину и С.В.Рухлову (1914–1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001.

¹⁶⁵ Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 октября 1914 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.93–98. Ср.: Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О землевладении и о землепользовании в Государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных»; Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев»; Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.429–447. См. также: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. М., 1968.

¹⁶⁶ Струве П.Б. А.В.Кривошеин (некролог) // Руль (Берлин). 1921. 2 ноября; Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин (1857–1921 гг.). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С.148,268. Ср.: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима... М.–Л., 1927. Т.7. С.121; Бьюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991. С.162; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.156,224; Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi // РВ. 1995. Кн.62. С.128; Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С.85.

¹⁶⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.665.

¹⁶⁸ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.122; А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве // РП. 1994. Кн.5. С.44.

¹⁶⁹ Саич Н.В. Указ. соч. С.91. Ср.: Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1926. Т.6. С.253; Мартьянов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С.55; Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С.59. Об А.И.Гучкове см.: Сенин А.С. А.И.Гучков. М., 1996; Menashe L. Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party: The Russian Bourgeoisie in Politics. N. Y., 1966; Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.

¹⁷⁰ Тхоржевский И.И. Указ. соч. С.136; А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.43; Кривошеин К.А. Указ. соч. С.254.

¹⁷¹ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 11. С.179; Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С.28.

¹⁷² Луконский А.С. Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. С.65; А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.46–47.

¹⁷³ Саконов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С.354–355.

¹⁷⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.139.

¹⁷⁵ Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т.61. С.135.

¹⁷⁶ В.В.Мусин-Пушкин – И.И.Воронцову-Дашкову. 18 января 1915 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.2180. Л.24 об.

¹⁷⁷ Запись заседания Совета министров 23 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.119; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.47.

¹⁷⁸ *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. Кишинев–СПб., 2000. С.264–268.

¹⁷⁹ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // РП. 1996. Кн.7. С.330; П.Л.Барк – А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.439; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.117. Ср.: *Тимашев С.И.* Кабинет Столыпина. Из «Записок» министра торговли и промышленности // РП. 1996. Кн.6. С.111; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.98–101. См. также: *Глинский Б.Б.* К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации Основных законов в 1906 г.) // ИВ. 1913. № 2. С.577; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Сергей Юльевич Витте и его время.* СПб., 1999. С.300–311; *Куликов С.В.* Граф С.Ю.Витте и П.А.Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю.Витте – выдающийся государственный деятель России. СПб., 1999.

¹⁸⁰ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн.6. С.160.

¹⁸¹ *Карпович М.М.* Памяти графа П.Н.Игнатьева // НЖ. 1945. Кн.11. С.346; *Игнатьев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. С.93.

¹⁸² *Игнатьев П.Н.* Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.8. С.303.

¹⁸³ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.59.

¹⁸⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.157–158; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.509.

¹⁸⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.157–158.

¹⁸⁶ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1922. Т.2. С.166,170.

¹⁸⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.167.

¹⁸⁸ Выступление И.Л.Горемыкина. 27 января 1915 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Пг., 1915. С.11–12.

¹⁸⁹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.656.

¹⁹⁰ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1–12.

¹⁹¹ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.15. Л.115. Ср.: *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.131–132.

¹⁹² *Гурко В.И.* Царь и царица. Киров, 1991. С.59; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.211.

¹⁹³ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С.266.

¹⁹⁴ Запись заседания Совета министров 13 марта 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.150–151; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.48.

¹⁹⁵ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн.167. С.83; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.157.

¹⁹⁶ М.М.Андроников – А.А.Вырубовой. 25 апреля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.64. Л.6; *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова // ДД. 1920. Кн.1. С.229; Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.46. Подробнее о деле С.Н.Мясоедова см.: *Шаццло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // ВИ. 1967. № 4.

¹⁹⁷ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.59.

¹⁹⁸ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 1 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.41–42 об.

¹⁹⁹ П.Л.Барк – А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.435.

²⁰⁰ *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война. С.552.

²⁰¹ Запись заседания Совета министров 29 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.170,171,172; Записка И.Н.Лодыженского о заседании Совета министров 29 мая 1915 г. // Там же. С.397. О создании Особого совещания и последующем изменении его статуса см.: *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958. С.42–46; *Кручина Т.Д.* Политический кризис лета 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Из. 1969. Т.83. С.64–70; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.55–73; *Сомов С.А.* О «майском» Особом совещании // ИСССР. 1973. № 3. С.112–123; *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война. С.551–552,555–558; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему

политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С.485–486. См. также: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.

²⁰² Высочайше утвержденное 7 июня 1915 г. Положение Совета министров «Об утверждении Положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Пг., 1916. Т.2. С.130–136.

²⁰³ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.14. Л.167; *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л., 1925. С.45.

²⁰⁴ Именные высочайшие указы 11 января 1915 г. «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственного совета» и «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.429.

²⁰⁵ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.350. Об относящейся к маю–июлю 1915 г. борьбе А.В.Кривошеина и его единомышленников за дальнейшую либерализацию правительственного курса и отношении к этому Думы см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.77–81; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.553–555; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.86–89; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С.135–142; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. С.34–37; *он же.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.78–86; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.482–484,487–490.

²⁰⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.574.

²⁰⁷ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 28 мая 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.31–34 об.

²⁰⁸ М.М.Андроников – В.М.Андроникову. 15 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.3 об.

²⁰⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.78–79.

²¹⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.531.

²¹¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.180.

²¹² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.531.

²¹³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.97–99. См. также: *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.234; Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.72; *Войков В.Н.* Указ. соч. С.87.

²¹⁴ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.569.

²¹⁵ Распутин в Москве в 1915 г. (Из дел московской «охранки») // Утро России. 1917. 9 марта; *Джанумова Е.Ф.* Мои встречи с Распутиным. Пг.–М., 1923. С.11–12; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.151; Допрос генерала В.Ф.Джунковского // Там же. Т.5. С.105,109.

²¹⁶ Допрос генерала В.Ф.Джунковского // Там же. С.104.

²¹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 22 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.165.

²¹⁸ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.14. Л.168.

²¹⁹ Николай II – А.С.Танееву. 4 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.93.

²²⁰ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.48–49.

²²¹ Александра Федоровна – Николаю II. 12, 15, 16, 20 и 22 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.150,154–157,164,167,171.

²²² *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.125.

²²³ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.317.

²²⁴ Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.134–135.

²²⁵ Николай II – Александре Федоровне. 15 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.154.

²²⁶ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99–102.

²²⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.533; *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.160.

²²⁸ Кадеты в дни Галицкого разгрома 1915 г. // КА. 1933. Т.59. С.119. О кадетях периода войны см.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. О П.Н.Милокове см.: *Вандалковская М.Г.* П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н.Г.* Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милокова. М., 1993; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001; *Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame–Lnd., 1969; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca–Lnd., 1996; *Bohn T.M.* Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Koln–Weimar–Wien, 1998.

²²⁹ *Струве П.Б.* Россия страшно выросла // Биржевые ведомости. 1915. 20 октября; А.Н.Яхонтов – В.И.Гурко. 19 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.487.

²³⁰ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С.349.

²³¹ *Тыркова А.В.* То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С.508.

- ²³² А.А. Стахович – А.В. Кривошеину. 6 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.320. Л.1-2.
- ²³³ А.В. Кривошеин и общественные деятели... С.50-51. О позиции П.Б. Струве во время войн см.: *Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905–1944.* Cambridge–Lnd., 1980.
- ²³⁴ В.В. Мусин-Пушкин – А.В. Кривошеину. Не ранее 11 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.23–26 об.
- ²³⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.135.
- ²³⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.582.
- ²³⁷ А.В. Герасимов – А.В. Кривошеину. 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.24–25 об.
- ²³⁸ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99–102.
- ²³⁹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.157.
- ²⁴⁰ Запись заседания Совета министров 26 июня 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.191.
- ²⁴¹ *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.308–309.
- ²⁴² Запись заседания Совета министров 7 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.197.
- ²⁴³ Именной высочайший указ 8 июля 1915 г. «О возобновлении занятий Государственного совета и Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.172.
- ²⁴⁴ М.М. Андроников – В.М. Андроникову. 10 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.2 об.
- ²⁴⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.182.
- ²⁴⁶ Комитет обороны // Русские ведомости. 1915. 12 июня; Информация Департамента полиции о разработке прогрессистами проекта Положения о Комитете национальной обороны. 11 июня 1915 г.; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С.334, 349–350.
- ²⁴⁷ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н. Яхонтовым, [бывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т.18. С.22.
- ²⁴⁸ Текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). Т.2. С.85–89.
- ²⁴⁹ Тяжелые дни. С.23, 27.
- ²⁵⁰ П.Н. Игнатьев – С.Н. Васильчиковой. 30 июля 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.1074. Л.1.
- ²⁵¹ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.49.
- ²⁵² *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.170. С.96–97. См. также: Показания С.П. Белешко // Падение царского режима. Т.4. С.470; *Волконский С.М.* Мои воспоминания. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.82, 151.
- ²⁵³ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.139–140.
- ²⁵⁴ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.137, 139–140.
- ²⁵⁵ *Сидоров А.А.* Из записок московского цензора // ГМ. 1918. № 1–3. С.106.
- ²⁵⁶ Г.А. Евреинов – И.Л. Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.49; *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т.2. С.300.
- ²⁵⁷ Тяжелые дни. С.37–38.
- ²⁵⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.109.
- ²⁵⁹ Тяжелые дни. С.39.
- ²⁶⁰ Распоряжение, объявленное Правительствующему сенату министром внутренних дел, «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Императорского двора и военного» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.297.
- ²⁶¹ А.В. Кривошеин и общественные деятели... С.51–52. Подробнее о политике кабинета И.Л. Горемыкина в еврейском вопросе см.: *Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // ВЕУ. 1995. № 3 (10); *он же.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Там же. 1997. № 1 (14).
- ²⁶² Допрос князя Н.Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.229.
- ²⁶³ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.208–209.
- ²⁶⁴ *Симанович А.С.* Указ. соч. С.31.
- ²⁶⁵ Об их образовании и деятельности см.: *Погребинский А.П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // ИЗ. 1941. Т.12; *Юрий М.Ф.* Буржуазные военно-общественные организации в Первую мировую войну. М., 1990; *Астаиов А.Б.* Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // ОИ. 1992. № 6; *Шевырин В.М.* Земский и Городской союзы. 1914–1917. М., 2000; *он же.* Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М., 2003; *Судацов Н.Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.–Ставрополь, 2001; *Gleason W.* The All-Russian

- Union of Towns and the Politics of Urban Reform in Tsarist Russia // Russian Review. 1976. Vol.35, № 3; *он же.* The All-Russian Union of Zemstvos and World War I // The Zemstvo in Russia. Cambridge, 1982; *Fallows T.* Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply. 1914–1916 // Slavic Review. 1978. Vol.37, № 1. См. также: *Мауцзато К.* Земство во время Первой мировой войны. Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001.
- ²⁶⁶ Запись заседания Совета министров 28 июля 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.22, 363. Подробнее об этом см.: *Булгакова Л.А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям.
- ²⁶⁷ Показания М.В. Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.
- ²⁶⁸ Тяжелые дни. С.134; Запись заседания Совета министров 19 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.51–52.
- ²⁶⁹ Особый журнал Совета министров 30 июля 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «О разрешении съезда в Москве городских голов Европейской России для обсуждения некоторых вопросов, связанных с войною» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.72. Л.133.
- ²⁷⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.173; *Бурый П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.299. См. также: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С.29–51.
- ²⁷¹ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.183–184.
- ²⁷² *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С.130.
- ²⁷³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.171.
- ²⁷⁴ *Трубецкой С.Е.* Указ. соч. С.119.
- ²⁷⁵ *Друцкий-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С.146; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.651.
- ²⁷⁶ Показания А.И. Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.259; Показания М.В. Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.306–307.
- ²⁷⁷ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128.
- ²⁷⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.246.
- ²⁷⁹ Особый журнал Совета министров 1 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «О порядке закупки и заготовки, по требованиям Военного ведомства, необходимых для нужд армии произведений сельского хозяйства и связанных с ним подсобных промыслов» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.9–11.
- ²⁸⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.480.
- ²⁸¹ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.391–392.
- ²⁸² *Толстой И.И.* Дневник. С.536.
- ²⁸³ Запись заседания Совета министров 3 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.33–34.
- ²⁸⁴ Особый журнал Совета министров 9 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «Об отпуске из средств Государственного казначейства пособия Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым воинам» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.60–61 об.
- ²⁸⁵ Запись заседания Совета министров 9 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40–41.
- ²⁸⁶ *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.136.
- ²⁸⁷ *Толстой И.И.* Дневник. С.538.
- ²⁸⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.647–648.
- ²⁸⁹ Запись заседания Совета министров 9 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40–41.
- ²⁹⁰ П.Л. Барк – А.Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.453.
- ²⁹¹ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С.261.
- ²⁹² *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1–12; Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.114.
- ²⁹³ Записи заседаний Совета министров 9 и 14 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40–41, 47.
- ²⁹⁴ Особый журнал Совета министров 14 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «Об учреждении Особого совещания по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.106–107.
- ²⁹⁵ П.Л. Барк – А.Н. Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.453.
- ²⁹⁶ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.298.
- ²⁹⁷ А.И. Маликов – И.Н. Лодыженскому. 3 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.2.
- ²⁹⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.647–648.

- ²⁹⁹ Запись заседания Совета министров 19 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.51-52.
- ³⁰⁰ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.255.
- ³⁰¹ Записи заседаний Совета министров 16, 25 и 29 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.49,54,58.
- ³⁰² *Толстой И.И.* Дневник. С.546.
- ³⁰³ Запись заседания Совета министров 16 сентября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.69.
- ³⁰⁴ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.298-299; *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1-12.
- ³⁰⁵ *Яхонтов А.Н.* Записи о секретных заседаниях Совета министров // НЖ. 2000. Кн.221. С.91.
- ³⁰⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.474.
- ³⁰⁷ *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг. // РА. 1998. Т.8. С.215.
- ³⁰⁸ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.281.
- ³⁰⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К.Н.Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С.6.
- ³¹⁰ Обращение Главного совета СРН с призывом к пожертвованиям на лазарет для раненых воинов. Сентябрь 1914 г. // Правые партии. Т.2. С.435.
- ³¹¹ Рептильный фонд 1914–1916 гг. // КА. 1925. Т.10. С.333-338.
- ³¹² Запись заседания Совета министров 21 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.53.
- ³¹³ Особый журнал Совета министров 10 февраля 1915 г. «Об отпуске Юго-Западному областному комитету по оказанию помощи раненым 1 000 000 рублей для удовлетворения продовольственной нужды населения Восточной Галиции» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.83. Л.52-53.
- ³¹⁴ Запись заседания Совета министров 17 февраля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.133,389.
- ³¹⁵ Особый журнал Совета министров 17 февраля 1915 г. «Об отпуске 10 000 000 рублей Юго-Западному областному комитету для оказания населению Восточной Галиции семенной помощи, а также для снабжения его лошадьми» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров.
- ³¹⁶ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.299-300.
- ³¹⁷ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.
- ³¹⁸ Запись заседания Совета министров 25 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.105.
- ³¹⁹ Записка Московского охранного отделения по общественному движению. 22 сентября 1914 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927. С.2.
- ³²⁰ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.91.
- ³²¹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306-307.
- ³²² Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «По записке министра внутренних дел от 18 ноября 1914 г., за № 11958, о Земском и Городском союзах помощи больным и раненым воинам» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров.
- ³²³ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.
- ³²⁴ Ср.: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.71.
- ³²⁵ Запись заседания Совета министров 12 декабря 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108.
- ³²⁶ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.86-87.
- ³²⁷ Запись заседания Совета министров 12 декабря 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108-109.
- ³²⁸ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.87.
- ³²⁹ Запись заседания Совета министров 10 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.115.
- ³³⁰ *Толстой И.И.* Дневник. С.580,582.
- ³³¹ Запись заседания Совета министров 31 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.121.
- ³³² *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1-12.
- ³³³ Запись заседания Совета министров 27 февраля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.139-142.
- ³³⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.520; *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.215.
- ³³⁵ Запись заседания Совета министров 19 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.166.

- ³³⁶ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99 об. Ср.: *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.177.
- ³³⁷ Запись заседания Совета министров 29 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.169.
- ³³⁸ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.91.
- ³³⁹ *Спиродович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960. Т.1. С.160. Ср.: *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.87-88. Летом 1915 г. некоторые оппозиционеры стали сторонниками не просто переворота, а революции. Член ЦК Партии прогрессистов А.Н.Брянчанинов после беседы с А.И.Гучковым заявил французскому послу 31 июля 1915 г., что Россию можно спасти «только посредством национальной революции» (*Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.195-197; *Парпаненко Т.В.* Мемуары Мориса Палеолога о России. Опыт неудачного издания // ИГВ. 1996. Вып.6. С.157).
- ³⁴⁰ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.267.
- ³⁴¹ Об их образовании и деятельности см.: *Погребинский А.П.* Военно-промышленные комитеты // ИЗ. 1941. Т.11; *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С.191-212; *Юрий М.Ф.* Центральный военно-промышленный комитет. 1915–1917 гг. Организационное устройство и деятельность. Черновцы, 1986; *он же.* IX съезд представителей промышленности и торговли и образование Центрального военно-промышленного комитета // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989; *он же.* Буржуазные военно-общественные организации в Первую мировую войну; *Сергеева С.Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; *Siegelbaum L.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. N. Y., 1983.
- ³⁴² *Бартевев А.Н.* На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 34. С.164.
- ³⁴³ Журнал № 43 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 27 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.59.
- ³⁴⁴ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 15 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 11. С.138-139.
- ³⁴⁵ *Протопопов А.Д.* Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.182.
- ³⁴⁶ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.173.
- ³⁴⁷ Журналы № 9, 12, 17 и 19 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседания 24 июня, 4, 22 и 31 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.80,107,150,168.
- ³⁴⁸ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.182.
- ³⁴⁹ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.235; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.139.
- ³⁵⁰ Всеподданнейший доклад А.С.Танеева. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.103.
- ³⁵¹ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.77.
- ³⁵² См. о нем: *Акимов Г.С.* Российская буржуазия в годы первой мировой войны (Деятельность Земгора) // ВИ. 1974. № 10; *Шубин Н.А.* Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну. Опыт сотрудничества в снабжении фронта // Армагеддон. Актуальные вопросы истории, философии, культурологии. М., 1999. Кн.3.
- ³⁵³ Журнал № 93 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 3 августа 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.442.
- ³⁵⁴ Журнал № 11 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 1 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.97.
- ³⁵⁵ *Толстой И.И.* Дневник. С.650–651.
- ³⁵⁶ Из письма директора Департамента полиции московскому градоначальнику В.Н.Шебеко. 14 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.108.
- ³⁵⁷ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С.594,606.
- ³⁵⁸ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.172.
- ³⁵⁹ Тяжелые дни. С.36.
- ³⁶⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.204,206.
- ³⁶¹ *Игнатев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.307.
- ³⁶² Высочайше утвержденное 27 августа 1915 г. Положение Совета министров «Об утверждении Положения о военно-промышленных комитетах» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.316-318.
- ³⁶³ Журналы № 21, 23 и 24 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседания 8, 15 и 19 августа 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.182,199,206.
- ³⁶⁴ Из письма директора Департамента полиции московскому градоначальнику В.Н.Шебеко. 14 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.108.

- ³⁶⁵ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.14 об.
- ³⁶⁶ Тяжелые дни. С.77.
- ³⁶⁷ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.221-222.
- ³⁶⁸ Тяжелые дни. С.89-90,98.
- ³⁶⁹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.155. Об отношении к рабочим группам лидеров социал-демократии см.: *Юрий М.Ф.* Большевики и «рабочие группы» в военно-промышленных комитетах // *Непролетарские партии России в трех революциях*: Сб. ст. М., 1989.
- ³⁷⁰ Тяжелые дни. С.101-102.
- ³⁷¹ О политической роли Ставки и ее отношениях с правительством в первый год войны см.: *Аврех А.Я.* Паризм накануне свержения. С.184-190; *Флоринский М.Ф.* Ставка верховного главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 – апрель 1915) // ВСПУ. Сер. «История». 1994. № 1; Из истории борьбы в верхах... С.148-180; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.11-23; *они же.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.474-483; *Айрапетов О.Р.* Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских военных кругах // ВМУ. Сер.8. История. 2000. № 1.
- ³⁷² В.Н.Орлов – А.В.Кривошеину. 1 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.18-19; *Войков В.Н.* Указ. соч. С.83; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.280; *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.55.
- ³⁷³ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.7; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.81,85; *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.124.
- ³⁷⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.83.
- ³⁷⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.204; *Друцкой-Соколинский В.А.* Указ. соч. С.34.
- ³⁷⁶ Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича, данные Чрезвычайной следственной комиссии // Русско-польские отношения в период Мировой войны. М.–Л., 1926. С.137.
- ³⁷⁷ *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С.126.
- ³⁷⁸ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.143.
- ³⁷⁹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.85; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.299,318.
- ³⁸⁰ Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича... С.138. О политике Ставки и правительства в польском вопросе во второй половине 1914 г. см.: *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С.57-69.
- ³⁸¹ Н.Н.Янушкевич – А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.7; Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича... С.140; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.80.
- ³⁸² Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.121.
- ³⁸³ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.222.
- ³⁸⁴ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.16.
- ³⁸⁵ *Тыркова А.В.* Дневник // ГАРФ. Ф.629. Оп.1. Д.18. Л.9-10.
- ³⁸⁶ Ср.: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.64-65.
- ³⁸⁷ Милица Николаевна – А.В.Кривошеину. 14 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.289. Л.1-4 об.
- ³⁸⁸ Копия записки великой княгини Милицы Николаевны. Не позднее середины сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.80-80 об.; Милица Николаевна – А.В.Кривошеину. Не позднее середины сентября 1914 г. // Там же. Д.289. Л.9.
- ³⁸⁹ А.В.Кривошеин – Милице Николаевне. 19 сентября 1914 г. Черновик // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.93-94.
- ³⁹⁰ Н.Н.Янушкевич – А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.10 об. О координации деятельности военной и гражданской власти при управлении оккупированными территориями см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С.154-192; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война. С.11-17,18-20.
- ³⁹¹ *Толстой И.И.* Дневник. С.561.
- ³⁹² А.И.Звегинцев – В.Н.Орлову. 25 октября 1914 г. Копия // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.12-13; Из истории борьбы в верхах... С.156.
- ³⁹³ Там же. С.155-157.
- ³⁹⁴ Там же. С.156.
- ³⁹⁵ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.17.

- ³⁹⁶ А.И.Звегинцев – В.Н.Орлову. 25 октября 1914 г. Копия // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.12-13.
- ³⁹⁷ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.226.
- ³⁹⁸ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.19.
- ³⁹⁹ А.В.Кривошеин – Н.Н.Янушкевичу. Не позднее 15 ноября 1914 г. Черновик // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.90-90 об.
- ⁴⁰⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.498.
- ⁴⁰¹ Заключение главнокомандующего от 22 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.24.
- ⁴⁰² Запись заседания Совета министров 25 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.105.
- ⁴⁰³ Н.Н.Янушкевич – А.В.Кривошеину. 11 и 20 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.3-4,15-18 об.; Заключение главнокомандующего от 22 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.24; Н.Н.Янушкевич – И.Л.Горемыкину. 3 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.4-4 об.
- ⁴⁰⁴ Записи заседаний Совета министров 7 и 14 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.95,97-98. См. также: Арест думской «пятерки» в 1914 г. // КА. 1934. Т.64. С.31-51.
- ⁴⁰⁵ Н.Н.Янушкевич – А.В.Кривошеину. 11 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.15-18 об.; А.В.Кривошеин – Н.Н.Янушкевичу. Не ранее 11 ноября 1914 г. Черновик // Там же. Д.245. Л.91-91 об.
- ⁴⁰⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.580.
- ⁴⁰⁷ Записи заседаний Совета министров 5 декабря 1914 г. и 16 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108,116.
- ⁴⁰⁸ Из истории борьбы в верхах... С.159.
- ⁴⁰⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.504.
- ⁴¹⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.134.
- ⁴¹¹ Н.Н.Янушкевич – И.Л.Горемыкину. 15 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.16; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.215-216.
- ⁴¹² Н.Н.Янушкевич – И.Л.Горемыкину. 25 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.4.
- ⁴¹³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.150.
- ⁴¹⁴ М.М.Андроников – А.А.Вырубовой 24 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.64. Л.1-1 об.; М.М.Андроников – Николаю Николаевичу. 12 декабря 1914 г. // Там же. Д.73. Л.2; Допрос И.Л.Горемыкина. 15 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. С.319; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.86; Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.123; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.185.
- ⁴¹⁵ Из истории борьбы в верхах... С.157.
- ⁴¹⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.504.
- ⁴¹⁷ Из истории борьбы в верхах... С.157–158.
- ⁴¹⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.505.
- ⁴¹⁹ Из истории борьбы в верхах... С.158.
- ⁴²⁰ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 3 января 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.8; Н.Б.Шербаков – А.В.Кривошеину. 12 января 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.213. Л.3-6 об.; Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т.61. С.135.
- ⁴²¹ Николай Николаевич – А.В.Кривошеину. 6 января 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.310. Л.3; Всеподданнейший доклад А.В.Кривошеина. 7 января 1915 г. // Там же. Д.324. Л.26; *Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С.204.
- ⁴²² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.88.
- ⁴²³ *Куликов С.В.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2. С.97. Ср.: Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С.92.
- ⁴²⁴ В.Н.Орлов – Н.Н.Янушкевичу. 2 апреля 1915 г. // РГИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.55-54 об.
- ⁴²⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.129.
- ⁴²⁶ В.К.Саблер – И.Л.Горемыкину. 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1442. Л.140-143 об.
- ⁴²⁷ В.А.Сухомлинов – И.Л.Горемыкину. 5 и 7 апреля 1915 г. Копии // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.51-52,53 об.
- ⁴²⁸ Н.Н.Янушкевич – А.В.Кривошеину. Не позднее 22 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.1-2 об.
- ⁴²⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.522.
- ⁴³⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.199. См. также: Высочайшее повеление 1 мая 1915 г. «О предоставлении Крестьянскому поземельному банку покупать за свой счет земли подданных и выходцев враждебных держав» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.89.

- ⁴³¹ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.34.
⁴³² Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.140.
⁴³³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.92. Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.40–41.
⁴³⁴ Запись заседания 6 марта 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.144–145.
⁴³⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.142–143. Ср.: Родзянко М.В. Крушение Империи. С.92.
⁴³⁶ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.58.
⁴³⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.528.
⁴³⁸ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.61.
⁴³⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.93–94.
⁴⁴⁰ Примечания // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.537–538. Ср.: Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.58.
⁴⁴¹ В.Н.Орлов — Н.Н.Янушкевичу. 23 мая 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.63 об.
⁴⁴² Из истории борьбы в верхах... С.162–163.
⁴⁴³ Николай Николаевич — А.В.Кривошеину. 6 июня 1915 г.; Всеподданнейший доклад А.В.Кривошеина. 8 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.203. Л.33,34.
⁴⁴⁴ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.279; Воейков В.Н. Указ. соч. С.79.
⁴⁴⁵ М.М.Андроников — В.М.Андроникову. 10 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.1; Встреча в Ставке. Николай II и А.Д.Самарин. Июнь 1915 г. // ИА. 1996. № 2. С.184; Николай II — Александре Федоровне. 12 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.148; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.288. О назначении А.Д.Самарина перед верховным ходатайствовал В.Н.Орлов, который рассматривал это назначение как залог освобождения церкви от влияния Г.Е.Распутина (В.Н.Орлов — А.Ф.Гейдену. 27 июля 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.27. Л.78).
⁴⁴⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.137.
⁴⁴⁷ Андрей Владимирович. Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // КА. 1928. Т.26. С.197.
⁴⁴⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.317.
⁴⁴⁹ В.Н.Орлов — А.А.Поливанову. 17 июня 1915 г.; В.Н.Орлов — Н.Н.Янушкевичу. 16 июля 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.76,78.
⁴⁵⁰ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.1. С.160.
⁴⁵¹ Встреча в Ставке. С.179,182.
⁴⁵² Тяжелые дни. С.70.
⁴⁵³ Встреча в Ставке. С.182.
⁴⁵⁴ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.292.
⁴⁵⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.269–274.
⁴⁵⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.294.
⁴⁵⁷ Воейков В.Н. Указ. соч. С.87.
⁴⁵⁸ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. Не ранее 11 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.26 об.
⁴⁵⁹ Из истории борьбы в верхах... С.163.
⁴⁶⁰ Воейков В.Н. Указ. соч. С.81.
⁴⁶¹ Гессен И.В. Указ. соч. С.336.
⁴⁶² Тяжелые дни. С.118.
⁴⁶³ Сидоров А.А. Указ. соч. С.106.
⁴⁶⁴ Текст телеграммы Н.Н.Янушкевича см.: Лемке М.К. Указ. соч. С.406–407.
⁴⁶⁵ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.309–310.
⁴⁶⁶ Тяжелые дни. С.18; Вырубова А.А. Указ. соч. С.156–157; Николай II — Александре Федоровне. 16 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.159; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.269. Ср.: Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.196.
⁴⁶⁷ П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.440. Антисемитизм Н.Н.Янушкевича, противоречивший его либеральным взглядам, подпитывали галицийские и польские общественные деятели, в частности — председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси В.Ф.Дудыкевич (Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.7).
⁴⁶⁸ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. 22 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.5–6; Тяжелые дни. С.23.
⁴⁶⁹ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.196.
⁴⁷⁰ Из истории борьбы в верхах... С.164.
⁴⁷¹ О противоречиях между Ставкой и правительством как одной из основных причин принятия царем верховного главнокомандования см.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война. С.15–20; они же. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.490–491. См. также: Jones D.R. Nicholas II and the Supreme Command. An Investigation of Motives // Sbornik. Study Group on the Russian Revolution. 1985. № 2.

- ⁴⁷² Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.34–36.
⁴⁷³ Симанович А.С. Указ. соч. С.61,62.
⁴⁷⁴ Тяжелые дни. С.70; Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.271,274.
⁴⁷⁵ Ср.: Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.34,35,51.
⁴⁷⁶ Николай II — Александре Федоровне. 8 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.525. См. также: Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.207; Толстой И.И. Дневник. С.668.
⁴⁷⁷ Вырубова А.А. Указ. соч. С.156.
⁴⁷⁸ Тяжелые дни. С.26,54; Николай II. Дневники императора Николая II. С.540.
⁴⁷⁹ Камер-фурьерский журнал за июль 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.47,55 об.
⁴⁸⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.203.
⁴⁸¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.531,541–542.
⁴⁸² Из истории борьбы в верхах... С.164–165. Ср.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.496.
⁴⁸³ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.81.
⁴⁸⁴ Николай Николаевич — М.В.Алексееву. 9 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.1.
⁴⁸⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а об.
⁴⁸⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.204.
⁴⁸⁷ Тяжелые дни. С.55,56.
⁴⁸⁸ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.210.
⁴⁸⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.306.
⁴⁹⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.211.
⁴⁹¹ Из истории борьбы в верхах... С.166,178.
⁴⁹² Николай Николаевич — М.В.Алексееву. 14 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.2; Андрей Владимирович. Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича... С.69.
⁴⁹³ Тяжелые дни. С.59,60.
⁴⁹⁴ Николай II. Дневники императора Николая II. С.542.
⁴⁹⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.103,104.
⁴⁹⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.542.
⁴⁹⁷ Тяжелые дни. С.67.
⁴⁹⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.158.
⁴⁹⁹ Тяжелые дни. С.67,69.
⁵⁰⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.215–218.
⁵⁰¹ Там же. С.218.
⁵⁰² Лемке М.К. Указ. соч. С.151.
⁵⁰³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.215; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.308–309.
⁵⁰⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.83–84.
⁵⁰⁵ Тяжелые дни. С.56.
⁵⁰⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.221.
⁵⁰⁷ Тяжелые дни. С.67.
⁵⁰⁸ Вырубова А.А. Указ. соч. С.157.
⁵⁰⁹ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.103 об.
⁵¹⁰ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.101.
⁵¹¹ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.103 об.
⁵¹² Вырубова А.А. Указ. соч. С.157.
⁵¹³ Тяжелые дни. С.91.
⁵¹⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.364.
⁵¹⁵ Игнатъев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.311.
⁵¹⁶ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.168.
⁵¹⁷ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.—Л., 1926. С.243.
⁵¹⁸ Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Пг., 1923. С.83.
⁵¹⁹ Государственная дума и военные поражения 1915 г. // Монархия перед крушением. С.270–275.
⁵²⁰ Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.38–39. Ср.: Бубнов А.Д. В Царской ставке. СПб., 1995. С.71.
⁵²¹ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. С.231; Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.69.
⁵²² Там же. С.38–39.
⁵²³ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.27. С.53; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.311.
⁵²⁴ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. С.404.
⁵²⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. С.76.
⁵²⁶ Образованию и деятельности Прогрессивного блока посвящена обширная литература. См. в частности: Граев Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.—Л., 1926; Грунт А.А. Прогрессивный блок // ВИ. 1945. № 3–4; он же. Прогрессивный блок //

Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т.4; *Климов И.М.* К вопросу об отношении казанской буржуазии к Прогрессивному блоку // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Казань, 1952. Т.112, кн.5.; *Черменский Е.Д.* Указ. соч.; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917); *Лавричев В.Я.* По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции; *Шелохаев В.В.* Российские либералы в годы Первой мировой войны // ВИ. 1993. № 8; *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С.500; *Рыбка О.Ю.* Государственная дума в системе власти в начале XX ст. М., 2000; *Rosenberg W.G.* Kadets and the Politics of Ambivalence, 1905–1917 // Essays on Russian Liberalism /Ed. by C.E. Timberlake. Columbia, 1972; *он же.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974; *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive Bloc // Slavic Review. 1974. Vol.33, № 3; *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. Lnd., 1977; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle–Lnd., 1981; *Painc P.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч.1; *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С.154. О роли высшей бюрократии в образовании Блока см.: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока.

- ⁵²⁷ Г.А.Евреинев – И.Л.Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.50 об.
- ⁵²⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.684.
- ⁵²⁹ Запись заседания Совета министров 26 июня 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.190–191.
- ⁵³⁰ Выступление П.Н.Милокова. 19 июля 1915 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1915. Стб.97.
- ⁵³¹ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.97.
- ⁵³² Письма П.Б.Струве С.Д.Сазонову в 1915 г. // КА. 1933. Т.59. С.148.
- ⁵³³ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.53–56.
- ⁵³⁴ *Струве П.Б.* А.В.Кривошеин (некролог) // Руль. 1921. 2 ноября.
- ⁵³⁵ См. об этом: *Вутенберг Б.М.* П.Б.Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.217–228; *Pipes R.* Op. cit. P.219–231.
- ⁵³⁶ *Струве П.Б.* А.В.Кривошеин (некролог) // Руль. 1921. 2 ноября.
- ⁵³⁷ Об отношении представителей бюрократической элиты к образованию Прогрессивного блока см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.96–102; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С. 561–563; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.94–112; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С.142–153; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. С.55–66; *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока. С.269–298.
- ⁵³⁸ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13.
- ⁵³⁹ Показание П.Н.Милокова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.316.
- ⁵⁴⁰ Н.П.Муратов – А.Н.Нарышкиной. 7 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.60. Л.53–54 об.
- ⁵⁴¹ Речь В.А.Бобринского см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С.44–52.
- ⁵⁴² В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13; *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С.238.
- ⁵⁴³ Показание П.Н.Милокова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.316; *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 135; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.656; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, входящая в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.355.
- ⁵⁴⁴ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.97–98.
- ⁵⁴⁵ Показание графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
- ⁵⁴⁶ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 9 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.30.
- ⁵⁴⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.243.
- ⁵⁴⁸ *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. В 2-х кн. М., 1936. Кн.2. С.44.
- ⁵⁴⁹ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905. С.60.
- ⁵⁵⁰ *Пуанкаре Р.* Указ. соч. С.44.
- ⁵⁵¹ В.И.Гурко – А.Н.Яхонтову. 1 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.484.
- ⁵⁵² Александра Федоровна – Николаю II. 23 августа 1915 г.; Николай II – Александре Федоровне. 25 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.181,187.

- ⁵⁵³ *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.324.
- ⁵⁵⁴ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 9 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.30.
- ⁵⁵⁵ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.2097. Л.1; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.98.
- ⁵⁵⁶ Показание графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
- ⁵⁵⁷ *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С.556.
- ⁵⁵⁸ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.223.
- ⁵⁵⁹ Показание графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
- ⁵⁶⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.224.
- ⁵⁶¹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.137,142.
- ⁵⁶² Одобренный Государственным советом и Государственной думой и высочайше утвержденный 17 августа 1915 г. закон «Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.266–297.
- ⁵⁶³ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.128.
- ⁵⁶⁴ Тяжелые дни. С.72.
- ⁵⁶⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.237.
- ⁵⁶⁶ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13,14 об.
- ⁵⁶⁷ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.225.
- ⁵⁶⁸ Всеподданнейший доклад Б.В.Штурмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84. Имеются в виду законы 17 августа 1915 г. об особых совещаниях (по обороне государства, продовольствию, перевозкам и топливу).
- ⁵⁶⁹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.232.
- ⁵⁷⁰ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.101.
- ⁵⁷¹ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.164.
- ⁵⁷² Конспект выступления А.В.Кривошеина на заседании Совета министров 20 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.60.
- ⁵⁷³ Тяжелые дни. С.89.
- ⁵⁷⁴ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.166–167.
- ⁵⁷⁵ В.И.Гурко – А.Н.Яхонтову. 1 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.485.
- ⁵⁷⁶ Тяжелые дни. С.84,86,104.
- ⁵⁷⁷ Допрос генерала А.А.Поливанова. 25 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.200.
- ⁵⁷⁸ Тяжелые дни. С.99.
- ⁵⁷⁹ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.364–365.
- ⁵⁸⁰ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.84–85.
- ⁵⁸¹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.138,142.
- ⁵⁸² Александра Федоровна – Николаю II. 23 августа 1915 г.; Николай II – Александре Федоровне. 25 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.181, 187.
- ⁵⁸³ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ⁵⁸⁴ Тяжелые дни. С.107,116.
- ⁵⁸⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.145.
- ⁵⁸⁶ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организации 5 сентября 1915 г. 6 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.43; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, входящая в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.358.
- ⁵⁸⁷ Тяжелые дни. С.123.
- ⁵⁸⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 2. С.129.
- ⁵⁸⁹ Мемория Совета министров 28 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.407.
- ⁵⁹⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 28 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.193.
- ⁵⁹¹ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.154. Ср.: *Балашев И.П.* Указ. соч. С.20.
- ⁵⁹² Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1576. Оп.1. Д.235. Л.1–3 об.
- ⁵⁹³ Тяжелые дни. С.132–133. Именные высочайшие указы 30 августа 1915 г. «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственного совета» и «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.314–315.

- ⁵⁹⁴ *Васильев Н.П. (Гурлянд И.Я.) «Оппозиция»*. СПб., 1910. С.109–110.
- ⁵⁹⁵ *Клюжев И.С. Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.29.*
- ⁵⁹⁶ *Балашев И.П. Указ. соч. С.5.*
- ⁵⁹⁷ *Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 2. С.129.*
- ⁵⁹⁸ Программа «Прогрессивного блока» // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С.76.
- ⁵⁹⁹ *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. С.249. См. также: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса. С.95–97.
- ⁶⁰⁰ Тяжелые дни. С.119.
- ⁶⁰¹ *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.237; Основной государственный закон Российской империи... С.22.
- ⁶⁰² Выступление И.Н.Ефремова. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916. Стб.1334–1335.
- ⁶⁰³ *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1. Конституционное право. С.474–475. См. также: Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.351–352.
- ⁶⁰⁴ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.120; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.233–234.
- ⁶⁰⁵ Показание П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.337.
- ⁶⁰⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.180,183.
- ⁶⁰⁷ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.283.
- ⁶⁰⁸ *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.241; Основной государственный закон Российской империи... С.22,58.
- ⁶⁰⁹ Выступление И.Н.Ефремова. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1334–1335; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.152; 1933. Т. 56. С.101–102.
- ⁶¹⁰ *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.241; Основной государственный закон Российской империи... С.22,58; *Жилин А.А.* Учебник государственного права (пособие к лекциям). Пг., 1916. Т.1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. С.360; Документы и материалы Второго всероссийского съезда Союза 17 октября и примыкающих к нему партий // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.340.
- ⁶¹¹ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.120.
- ⁶¹² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.685.
- ⁶¹³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.144,152; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.357.
- ⁶¹⁴ Показание П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.360; Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о банкете участников Общеземского и Общегородского съездов. 16 марта 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.94; Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.141; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.83; *Шульгин В.В.* Дни // *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С.115; *Милоков П.Н.* История второй русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.5.
- ⁶¹⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.101.
- ⁶¹⁶ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.139.
- ⁶¹⁷ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.172. С.86.
- ⁶¹⁸ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.206.
- ⁶¹⁹ Доклад Петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы. 31 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.182.
- ⁶²⁰ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.303.
- ⁶²¹ О политической борьбе в кабинете осенью 1915 г. см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.109–114; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.567–570; *Черемский Е.Д.* Указ. соч. С.113–120; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С.158–163,167–168,172–175; *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.87–109; *Куликов С.В.* IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917); *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штурмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916) // Россия и Первая мировая война. С.34–39.
- ⁶²² *Игнатев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.319.

- ⁶²³ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организаций. 5 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.43.
- ⁶²⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.107.
- ⁶²⁵ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову. // Источник. 1999. № 1. С.28.
- ⁶²⁶ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21; *он же.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.109.
- ⁶²⁷ *Мордвинов А.А.* Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.76.
- ⁶²⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.547.
- ⁶²⁹ *Мамантов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С.236–237.
- ⁶³⁰ Николай II – Александре Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.222–223.
- ⁶³¹ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организаций 5 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.44–45.
- ⁶³² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.157.
- ⁶³³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.548.
- ⁶³⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.219. См. также: Тяжелые дни. С.136.
- ⁶³⁵ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.158.
- ⁶³⁶ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.219.
- ⁶³⁷ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.158,159.
- ⁶³⁸ Показание графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.13.
- ⁶³⁹ Допрос князя Н.Б.Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.221–222.
- ⁶⁴⁰ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.159.
- ⁶⁴¹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.71.
- ⁶⁴² Николай II – Александре Федоровне. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.244.
- ⁶⁴³ Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Там же. С.214.
- ⁶⁴⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 8, 9, 10 и 11 сентября 1915 г. // Там же. С.217,220, 223,225.
- ⁶⁴⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 23 и 28 августа и 7 сентября 1915 г. // Там же. С.181,193,213.
- ⁶⁴⁶ См. о ней: *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны; *он же.* Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы науч. конф. СПб., 1997.
- ⁶⁴⁷ Николай II – А.С.Танееву. 25 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.321. Л.7.
- ⁶⁴⁸ Николай II – А.С.Танееву. 22 и 24 октября 1915 г. // Там же. Оп.16. Д.37. Л.126–128.
- ⁶⁴⁹ *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.29,31,37,38,40.
- ⁶⁵⁰ *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С.275,277.
- ⁶⁵¹ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина... С.105–107.
- ⁶⁵² *Мордвинов А.А.* Указ. соч. С.157; *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.15; *Воррес И.* Указ. соч. С.299.
- ⁶⁵³ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т.2. С.54; *Симанович А.С.* Указ. соч. С.101; *Жуковская В.А.* Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914–1916 гг. // РА. М., 1992. Т.2–3. С.291,312. Ср.: *Руднев В.М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. С.285.
- ⁶⁵⁴ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.9–10. Эсли П.Л. Барка можно обвинить в пристрастности, то осведомленных иностранцев, а именно – Э.Лубэ (*Ольденбург С.С.* Указ. соч. С.437–438) и К.Паоли (*Стремоухов П.П.* Указ. соч. С.50–51), в этом заподозрить нельзя. Ср.: *Половцов А.А.* Из дневника (1895–1900) // КА. 1931. Т.46. С.131; *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.25; *Волконский С.М.* Указ. соч. Т.2. С.170. См. также: *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.116; *Ден Л.Л.* Подлинная царица // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес И.* Последняя великая княгиня. С.54.
- ⁶⁵⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 28 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.579.
- ⁶⁵⁶ *Мордвинов А.А.* Указ. соч. С.171; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.26; Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1964. № 10. С.132; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.493.
- ⁶⁵⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.26; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.492; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.223; *Распутин М.Г.* Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М., 2000. С.234.
- ⁶⁵⁸ *Вырубова А.А.* Указ. соч. С.215.
- ⁶⁵⁹ *Романов А.Ф.* Император Николай II и его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.19.
- ⁶⁶⁰ Показание С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.505; Показание А.Д.Протопопова // Там же. С.9; *Руднев В.М.* Указ. соч. С.284; *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.109; Г.Е.Распутин глазами официальных властей // РП. 1996. Кн.6. С.137–138.

- ⁶⁶¹ *Воррес Й.* Указ. соч. С.295. См. также: *Пайнс Р.* Указ. соч. Ч.1. С.292.
- ⁶⁶² *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.213; *Вырубова А.А.* Указ. соч. С.211,225.
- ⁶⁶³ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.27.
- ⁶⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старорежима // Реформы или революция? С.40-43; *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последние десятилетия существования самодержавия в России. СПб., 1996. С.234-238.
- ⁶⁶⁵ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.28.
- ⁶⁶⁶ *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.115-118.
- ⁶⁶⁷ Допрос генерала В.Н.Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. С.80. Ср.: П.А.Столыпин – В.Б.Фредериксу. 31 октября 1907 г. // РГИА. Ф.472. Оп. 45. Д.10а. Л.132.
- ⁶⁶⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.162.
- ⁶⁶⁹ Последний временщик последнего царя... // ВИ. 1965. № 1. С.101. См. также: Протокол допроса Г.П.Сазонова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.57 об.; *Хвостов А.Н.* Воспоминания // ГМ. 1923. № 2. С.161; *Вутте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.567.
- ⁶⁷⁰ *Кокочиов В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.417.
- ⁶⁷¹ *Султанов С. А.*Н.Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября; *Алмазов Б.И.* Распутин и Россия (Историческая справка). Прага, 1922. С.69; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С.18. См. также таблицу 2 приложения.
- ⁶⁷² Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.137; *Лопухин В.Б.* Люди и политика (конец XIX – начало XX в.) // ВИ. 1966. № 10. С.115; *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.215. Ср.: А.А.Клопов – Николаю II. 13 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1099. Оп.1. Д.13. Л.32 об. Ср.: А.Н.Хвостов о Прогрессивном блоке. А.Н.Хвостов о кабинете общественных деятелей. Мнения членов Государственной думы и Совета // Утро России. 1915. 28 сентября; *Андрей Владимирович.* Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича... С.97.
- ⁶⁷³ *Вырубова А.А.* Страницы из моей жизни // Страна гибнет сегодня. С.221. См. также: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С.330-343.
- ⁶⁷⁴ Допрос А.Н.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.469; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.540,541.
- ⁶⁷⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.269-271.
- ⁶⁷⁶ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.199. За отставку В.Ф.Джунковского выступали также И.Л.Горемыкин, В.М.Волконский, Н.Б.Шербаков и княгиня З.Н.Юсупова (И.А.Куракин – М.А.Шаховской. 23 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1542. Оп.1. Д.131. Л.164; *Андрей Владимирович.* Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича... С.98; Допрос князя Н.Б.Шербакова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.225; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.615-616).
- ⁶⁷⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 22 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.178. Ср.: Александра Федоровна – Николаю II. 22 августа 1915 г. // Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т.1. С.159.
- ⁶⁷⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 28 и 29 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.193-196.
- ⁶⁷⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁸⁰ Там же. С.28-29.
- ⁶⁸¹ Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.388.
- ⁶⁸² Александра Федоровна – Николаю II. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.223.
- ⁶⁸³ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁸⁴ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С.159.
- ⁶⁸⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 16 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.239.
- ⁶⁸⁶ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.163-164; Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.8.
- ⁶⁸⁷ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.50.
- ⁶⁸⁸ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.274; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.161.
- ⁶⁸⁹ Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.379.
- ⁶⁹⁰ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.176,181. Ср.: *Гурко В.И.* Царь и царица. С.57.
- ⁶⁹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.298-299,301-303; Александра Федоровна – Николаю II. 28 ноября 1915 г.; Николай II – Александр Федоровне. 30 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.304-305,308.
- ⁶⁹² Всеподанный доклад А.С.Танеева. 9 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.143; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.249.
- ⁶⁹³ *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.122,154,155.
- ⁶⁹⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.168.
- ⁶⁹⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁶⁹⁶ Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.215.

- ⁶⁹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 9, 11 и 12 сентября 1915 г. // Там же. С.223,225,229.
- ⁶⁹⁸ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁹⁹ Александра Федоровна – И.Л.Горемыкину. 8 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.1900. Л.3-4 об.
- ⁷⁰⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 17 и 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.241,246.
- ⁷⁰¹ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.431; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.379-380.
- ⁷⁰² Александра Федоровна – Николаю II. 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.246.
- ⁷⁰³ «Успокоения нечего ожидать». С.27.
- ⁷⁰⁴ Запись заседания 25 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.282. См. также: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.114.
- ⁷⁰⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 9 сентября и 9 и 10 октября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.221,265,268.
- ⁷⁰⁶ Александра Федоровна – Николаю II. 1 ноября 1915 г. // Там же. С.275.
- ⁷⁰⁷ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.91.
- ⁷⁰⁸ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Там же. С.86; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.554.
- ⁷⁰⁹ А.Н.Наумов – И.Л.Горемыкину. 28 октября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1459. Л.441; *Наумов А.Н.* Письмо в редакцию // АРР. 1924. Т.13. С.313; Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.330; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.554.
- ⁷¹⁰ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.85.
- ⁷¹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.201.
- ⁷¹² «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁷¹³ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.9.
- ⁷¹⁴ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.331.
- ⁷¹⁵ «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁷¹⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.70.
- ⁷¹⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁷¹⁸ Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // КА. 1928. Т.31. С.32.
- ⁷¹⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.243. Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.29.
- ⁷²⁰ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.70.
- ⁷²¹ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.75. Об А.Н.Хвостове и его деятельности см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.128-139; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.576-581; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.132-134; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штурмеру. С.39-41.
- ⁷²² *Струве П.Б.* Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.
- ⁷²³ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.87.
- ⁷²⁴ Беседа А.Н.Хвостова с представителями печати // Утро России. 1915. 30 сентября.
- ⁷²⁵ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.13.
- ⁷²⁶ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279.
- ⁷²⁷ Проект выборов в Государственную думу // Монархия перед крушением. С.228.
- ⁷²⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.276.
- ⁷²⁹ Допрос генерала А.А.Поливанова. 25 августа 1917 г. // Там же. Т.7. С.79.
- ⁷³⁰ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 7. С.140.
- ⁷³¹ *Гессен И.В.* Указ. соч. С.338.
- ⁷³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279; Александра Федоровна – Николаю II. 3 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.280.
- ⁷³³ Запись заседания Совета министров 27 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.294,412.
- ⁷³⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.216; Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.–СПб., 1993. Вып.14. С.190; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.139. Ср.: *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 172. С.99.
- ⁷³⁵ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.138-139.
- ⁷³⁶ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.164-165.
- ⁷³⁷ В прилагавшемся к проекту перечне дел, которые А.Н.Хвостов предлагал решать от имени царя властью министра внутренних дел, наряду с «маловажными делами» содержались и некоторые отнюдь не второстепенные вопросы, в частности – о назначении лиц, не имеющих соответствующих чинов, и предоставление прав на временное исправление должностей 4 класса, т.е. губернатора и директора департамента.
- ⁷³⁸ А.Н.Хвостов – И.Л.Горемыкину. 29 ноября 1915 г.; С.Е.Крыжановский – И.Л.Горемыкину. 14 декабря 1915 г.; Особый журнал Совета министров 15 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11.

Д.91. Л.1-1 об., 2-2 об., 3,6,13,15. О попытках решения этого вопроса см. также: *Флоринский М.Ф.* История Совета министров России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории России XIX — начала XX в. Л., 1983. С.147-152.

⁷³⁹ *Струве П.Б.* Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

⁷⁴⁰ Запись заседания Совета министров 8 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.265,408.

⁷⁴¹ Протоколы заседаний Совета министров 26 и 28 декабря 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С.415, 416.

⁷⁴² Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.50—51. С.147.

⁷⁴³ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.164. Об А.А.Хвостове см.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* «Для себя ничего не искал». Генерал-прокурор А.А.Хвостов // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906—1917. М., 1996.

⁷⁴⁴ *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода. В 2-х т. М., 1993. Т.1. С.177.

⁷⁴⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.559.

⁷⁴⁶ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.37.

⁷⁴⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.332.

⁷⁴⁸ Проект высочайшего указа Сенату. 19 октября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.103,105.

⁷⁴⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.298.

⁷⁵⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.559.

⁷⁵¹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.111. Ср.: Александра Федоровна — Николаю II. 6, 10, 13, 15 и 16 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.284,288,294,299-300.

⁷⁵² П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.438. Ср.: Александр-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.207.

⁷⁵³ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21.

⁷⁵⁴ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.78; Александра Федоровна — Николаю II. 6 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.284.

⁷⁵⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.562.

⁷⁵⁶ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.15.

⁷⁵⁷ Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.132; *Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // АРР. 1922. Т.6. С.36.

⁷⁵⁸ П.Н.Апраксин — А.В.Кривошеину. 25 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.249. Л.3.

⁷⁵⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.320.

⁷⁶⁰ Подробнее о создании и деятельности совещания см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С.114-127.

⁷⁶¹ Александра Федоровна — Николаю II. 10 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.288.

⁷⁶² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.128.

⁷⁶³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.21.

⁷⁶⁴ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.166-167.

⁷⁶⁵ *Hanbury-Williams J.* The Emperor Nicholas II. As I Knew Him. Lnd., 1922. P.76.

⁷⁶⁶ *Лукиан.* Ведомостное народного представительства // Биржевые ведомости. 1916. 4 марта.

⁷⁶⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.28,31.

⁷⁶⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.213.

⁷⁶⁹ И.Л.Горемыкин — В.Б.Фредериксу. 1 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.1 об.

⁷⁷⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.213.

⁷⁷¹ Тяжелые дни. С.129,133,135.

⁷⁷² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.546.

⁷⁷³ Николай II — Александре Федоровне. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.216.

⁷⁷⁴ Об этих съездах см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.121-122; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.126-129; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. С.177-179.

⁷⁷⁵ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а,6 об.

⁷⁷⁶ Николай Николаевич — А.В.Кривошеину. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.310. Л.14 об.; «Успокоения нечего ожидать». С.29-30.

⁷⁷⁷ В.Н.Орлов — А.В.Кривошеину. 1 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.18-19.

⁷⁷⁸ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.351.

⁷⁷⁹ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.191; *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С.101. Ср.: *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.112. О русском политическом масон-

стве см. также: *Берберова Н.Н.* Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986; *Старцев В.И.* Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996.

⁷⁸⁰ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. С.82-85.

⁷⁸¹ Речь военного и морского министра, председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И.Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального Военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С.17-18.

⁷⁸² *Игнатъев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.315.

⁷⁸³ Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.222-223.

⁷⁸⁴ Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1576. Оп.1. Д.235. Л.1-3 об.

⁷⁸⁵ Н.Б.Щербаков — Николаю II. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.194/2682, 1915. Д.47. Л.26-27 об.

⁷⁸⁶ Об Отчественном патриотическом союзе см.: *Кирьянов Ю.И.* Образование и деятельность Отчественного патриотического союза (1915—1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1.

⁷⁸⁷ *Куликов С.В.* Записки Н.И.Туган-Барановского А.В.Кривошеину и С.В.Рухлову (1914—1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С.337.

⁷⁸⁸ Всеподданнейший доклад В.Б.Фредерикса. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.194/2682. 1915 г. Д.47. Л.26,28,32-34. См. также: *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны. С.296-298.

⁷⁸⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.25.

⁷⁹⁰ В.Б.Фредерикс — Н.Б.Щербакову. 10/11 сентября 1915 г.; В.Б.Фредерикс — И.Л.Горемыкину. 10/11 сентября 1915 г.; И.Л.Горемыкин — В.Б.Фредериксу. 11 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.24,25,29.

⁷⁹¹ Всеподданнейший доклад Г.Е.Львова и М.В.Челнокова. 11 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.23-23 об.

⁷⁹² Николай II — Александре Федоровне. 11 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.228.

⁷⁹³ Запись заседания 13 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.273.

⁷⁹⁴ Н.Б.Щербаков — В.Б.Фредериксу. 13 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.10.

⁷⁹⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.548.

⁷⁹⁶ Памятная записка барона Р.А.Штакельберга // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.22.

⁷⁹⁷ Допрос князя Н.Б.Щербакова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.212-213.

⁷⁹⁸ Проект всеподданнейшего доклада И.Л.Горемыкина // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.19-22.

⁷⁹⁹ Разговор по прямому проводу полковника М.М.Заго со штабс-капитаном Н.А.Покиловым. 17 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.11-11 об.,12,17-19.

⁸⁰⁰ В.Б.Фредерикс — Н.Б.Щербакову. 18 сентября 1915 г.; Н.Б.Щербаков — В.Б.Фредериксу. 18 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.17-19.

⁸⁰¹ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. С.94-96.

⁸⁰² Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // КА. 1927. Т.24. С.133.

⁸⁰³ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.91.

⁸⁰⁴ Запись заседания Совета министров 18 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.274.

⁸⁰⁵ Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.58-59.

⁸⁰⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.549

⁸⁰⁷ Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. С.59.

⁸⁰⁸ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.267.

⁸⁰⁹ Журналы № 6, 7, 8 и 18 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 12, 16 и 19 сентября и 24 октября 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.265,267,278,372.

⁸¹⁰ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.94.

⁸¹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.121.

⁸¹² Запись заседания Совета министров 13 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.290; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С.264.

⁸¹³ Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о Гордовском съезде. 8 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.56.

⁸¹⁴ П.П.Зубовский — А.В.Кривошеину. 26 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.272. Л.1-2 об.

⁸¹⁵ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова // ДД. 1922. Кн.3. С.134; «Успокоения нечего ожидать». С.31.

- ⁸¹⁶ Журналы № 10, 14, 15, 16, 17 и 26 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 26 сентября, 10, 14, 17 и 21 октября и 21 ноября 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.301,335,343,351,365,448.
- ⁸¹⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁸¹⁸ Всеподданнейшие доклады А.С.Танеева. 16 июля, 20 и 22 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.68 об.,103,134.
- ⁸¹⁹ Керенский А.Ф. А.И.Гучков. Из воспоминаний // СЗ. 1936. Т.60. С.460-461.
- ⁸²⁰ Верховский А.И. Указ. соч. С.55.
- ⁸²¹ Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.283.
- ⁸²² Курлов П.Г. Указ. соч. С.190. Ср.: Доклад директора Департамента полиции от 18 августа 1915 г. // ГМ. 1918. № 10-12. С.236; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.200. См. также: Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.6-7.
- ⁸²³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.141.
- ⁸²⁴ Аврех А.Я. Масоны и революция. С.99-101.
- ⁸²⁵ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916-1917 гг.) // АРР. 1923. Т.8. С.24-25.
- ⁸²⁶ Балыц В.А. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // «Былое»: неизданные номера журнала. В 2-х кн. Л., 1991. Кн.1. С.66,144.
- ⁸²⁷ А.И.Коновалов – И.Л.Горемыкину. 7 января 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.154.
- ⁸²⁸ Журнал № 41 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 20 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.49-50.
- ⁸²⁹ Рептильный фонд 1914-1916 гг. С.338-340.
- ⁸³⁰ Правые в 1915 – феврале 1917. С.170; «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // ИА. 1994. № 5. С.43.
- ⁸³¹ Председателем Совета этого общества и его товарищем стали А.А.Римский-Корсаков и сенатор генерал М.М.Бороздин, а членами Совета – С.П.Белецкий, сенатор Н.К.Кульчицкий, назначенный член верхней палаты А.И.Лыкошин, начальник главного управления по делам печати МВД В.Т.Судейкин и черносотенные лидеры – депутаты Думы Г.Г.Замысловский и Н.Е.Марков 2-й, а также В.П.Соколов.
- ⁸³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.122-124,128,276.
- ⁸³³ О Государственном совете в июле 1914 – январе 1916 г. см.: Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917); он же. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906-1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; он же. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906-1917 гг.; Бороздин А.П. Правая группа Государственного совета в 1906-1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; он же. Государственный совет России (1906-1917). С.136-153. См. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven-Lnd., 1989; Korros A.S. Activist Politics in a Conservative Institution: The Formation of Fractions in the Russian Imperial State Council, 1906-1917 // Russian Review. 1993. Vol.52, № 1.
- ⁸³⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.228.
- ⁸³⁵ Клячко (Львов) Л.М. Звездная палата. С.14; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.207; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.379; Протокол заседания Организационной комиссии Петербургского ЦК. 14 июля 1906 г.; Заседание Петербургского ЦК «Союза 17 октября». 6 ноября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905-1907 гг. С.209,258. См. также: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. С.68-84.
- ⁸³⁶ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1968. Т.5. С.259.
- ⁸³⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.688.
- ⁸³⁸ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. С.259; Ковалевский М.М. Указ. соч. С.85.
- ⁸³⁹ Шванебах П.Х. Указ. соч. С.125-126; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.366; Святополк-Мирская Е.А. Указ. соч. С.256; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.589; Центральный комитет. 6 января 1906 г.; Соединенное заседание Центрального и участковых комитетов. 22 января 1906 г.; Протокол заседания ЦК. 15 февраля 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905-1907 гг. С.42,44,67,165.
- ⁸⁴⁰ Теляковский В.А. Указ. соч. С.138-139.
- ⁸⁴¹ Романов Н.М. Записки // КА. 1931. Т.49. С.106-107.
- ⁸⁴² Бобринский А.А. Указ. соч. С.140.
- ⁸⁴³ Алфавитный список почетных, непреходящих, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов имп. Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912.
- ⁸⁴⁴ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.2. С.284.
- ⁸⁴⁵ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.353.
- ⁸⁴⁶ Там же. С.436; Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.216.
- ⁸⁴⁷ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.2. С.284.

- ⁸⁴⁸ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. С.26; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.75; Ковалевский М.М. Указ. соч. С.92; Толстой И.И. Дневник. С.178; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.224,537. Ср.: Тихомиров Л.А. Из дневника (Период столыпинщины) // КА. 1936. Т.74. С.191. О П.Н.Дурново см. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.207-230.
- ⁸⁴⁹ Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н.Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С.173.
- ⁸⁵⁰ Полянский Н.П. Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909-1918. СПб., 1998. С.37.
- ⁸⁵¹ Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906-1917 гг. С.100.
- ⁸⁵² Евлогий (Георгиевский В.С.). Путь моей жизни. М., 1994. С.202. См. также: Список членов Русского собрания. СПб., 1913.
- ⁸⁵³ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. В 3-х т. М., 2001. Т.1. 1906-1908 гг.; 2001. Т.2. 1909-1912 гг.; 2003. Т.3. 1913-1916 гг.
- ⁸⁵⁴ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.43.
- ⁸⁵⁵ См. об этом: Анянич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С.385-389.
- ⁸⁵⁶ Николай II – Александре Федоровне. 28 февраля 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.99.
- ⁸⁵⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.170.
- ⁸⁵⁸ О роли А.Д.Оболенского в создании манифеста 17 октября 1905 г. см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. С.209-211. О нем и его брате см. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.256-276.
- ⁸⁵⁹ А.Д.Оболенский – А.В.Кривошеину. 2 августа 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.294. Л.1-5.
- ⁸⁶⁰ А.Д.Оболенский – А.А.Оболенской. Не позднее 12 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.249. Л.11-14 об. Ср.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.255.
- ⁸⁶¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.477.
- ⁸⁶² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168.
- ⁸⁶³ Из истории борьбы в верхах... С.157-158.
- ⁸⁶⁴ Таубе М.А. Дневник // РГИА. Ф.1062. Оп.1. Д.5. Л.32.
- ⁸⁶⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168.
- ⁸⁶⁶ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 3 января 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.8.
- ⁸⁶⁷ Всеподданнейшие доклады И.Я.Голубева. 30 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2 (Доп. к т. 16). Д.23. Л.2,7,9,11.
- ⁸⁶⁸ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 8 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.9 об.
- ⁸⁶⁹ П.А.Столыпин – М.Г.Акимову. 28 апреля 1909 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.1.
- ⁸⁷⁰ Памятная записка И.Я.Голубева. 5 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.2.
- ⁸⁷¹ Присутствующими стали П.А.Игнатьев и Н.А.Маклаков.
- ⁸⁷² Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока. С.271-272.
- ⁸⁷³ Алексей Д.Оболенский – Александру Д.Оболенскому. 12 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.95. Л.31а-31а об.
- ⁸⁷⁴ Из архива Щегловитова // КА. 1926. Т.15. С.112-114.
- ⁸⁷⁵ М.М.Андроников – В.М.Андроникову. 15 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.3 об.
- ⁸⁷⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168-169; Богданович А.В. Указ. соч. С.385-386; Тхоржевский И.И. Указ. соч. С.26. Об А.Н.Куломзине см.: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.231-255.
- ⁸⁷⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.152-153.
- ⁸⁷⁸ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.298.
- ⁸⁷⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.152-153.
- ⁸⁸⁰ Запись заседания Совета министров 7 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.197.
- ⁸⁸¹ Николай II – А.С.Танееву. 14 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.101.
- ⁸⁸² Кони А.Ф. Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев) // ПИН. 1924. Вып. 1. С.6.
- ⁸⁸³ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.299. Ср.: Бороздин А.П. Государственный совет России (1906-1917). С.147.
- ⁸⁸⁴ Кони А.Ф. Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев). С.6.
- ⁸⁸⁵ Тяжелые дни. С.27.
- ⁸⁸⁶ И.П.Балашев – Николаю II. 23 июля 1915 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.160. Л.1-4. См. также: Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.76-78.
- ⁸⁸⁷ Тяжелые дни. С.27-28.
- ⁸⁸⁸ А.И.Гучков – М.В.Алексееву. 7 августа 1915 г. // РГИА. Ф.55. Оп.3. Д.5. Л.68-69 об.
- ⁸⁸⁹ Г.А.Евреинев – И.Л.Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.49-50 об.
- ⁸⁹⁰ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.54.
- ⁸⁹¹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124.
- ⁸⁹² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.321.
- ⁸⁹³ Всего их насчитывалось 12 человек.

- ⁸⁹⁴ Б.А.Васильчиков – С.Н.Васильчиковой. 28 августа 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.990. Л. 11.
- ⁸⁹⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.122,124,127,129-132,141.
- ⁸⁹⁶ Донесение начальника Петроградского охранного отделения в Департамент полиции об образовании «Прогрессивного блока» // Буржуазия накануне Февральской революции. С.28.
- ⁸⁹⁷ Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.20-22.
- ⁸⁹⁸ Н.С.Таганцев – П.А.Сабурову // РГИА. Ф.1044. Оп.1. Д.446. Л.3.
- ⁸⁹⁹ Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.20-22.
- ⁹⁰⁰ Постановления Совещания монархистов 21–23 ноября 1915 г. // Правые партии. Т.2. С.488.
- ⁹⁰¹ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ⁹⁰² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123-124.
- ⁹⁰³ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ⁹⁰⁴ А.Д.Оболенский – А.А.Оболенской. 24 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.249. Л.31 об.-32.
- ⁹⁰⁵ А.П.Струков – И.Л.Горемыкину. 23 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф.431. Оп.1. Д.34. Л.240. Об истории струковского демарша см.: Бибин М.А. Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915–1916 гг. // ВМУ. 1980. Сер.8. История. № 1. См. также: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.198-206.
- ⁹⁰⁶ А.Д.Самарин – С.Н.Васильчиковой. 30 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.1087. Л.1-1 об.
- ⁹⁰⁷ Сводка Московского охранного отделения о «настроении общества» на 29 февраля 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.77; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. С. 270.
- ⁹⁰⁸ Куликов С.В. Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса. С.100. Ср.: Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX в. // КА. 1928. Т.31. С.142-143; *Бобринский А.А.* Указ. соч. С.129.
- ⁹⁰⁹ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // ВИ. 1996. № 2. С.143.
- ⁹¹⁰ А.А.Бобринский – И.Г.Щегловитову. 22 ноября 1915 г. // Правые партии. Т.2. С.494.
- ⁹¹¹ Постановления Совещания монархистов 21 – 23 ноября 1915 г. // Там же. С.488.
- ⁹¹² «Успокоения нечего ожидать». С.25-26.
- ⁹¹³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.321.
- ⁹¹⁴ Муратов Н.П. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.42. Л.589.
- ⁹¹⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.276,321.
- ⁹¹⁶ Подробнее о ней см.: *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.69-94.
- ⁹¹⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.236-237.
- ⁹¹⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 3 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.332.
- ⁹¹⁹ *Фредерикс В.Б.* Дневник // ГАРФ. Ф.1463. Оп.3. Д.425а. Л.7. Благодарю П.А.Трибунского, предоставившего свои выписки из дневника В.Б.Фредерикса.
- ⁹²⁰ Николай II – Александре Федоровне. 7 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.343.
- ⁹²¹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.123-124.
- ⁹²² Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.18.
- ⁹²³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.418-419.
- ⁹²⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.299.
- ⁹²⁵ И.Л.Горемыкин – А.Н.Куломзину. 13 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.10 об.-11.
- ⁹²⁶ Всеподданнейшие доклады А.Н.Куломзина // РГИА. Ф.1162. Оп.2. Д.24. Л.4,9,11,16,42.
- ⁹²⁷ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.332.
- ⁹²⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.568.
- ⁹²⁹ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С.332,333.